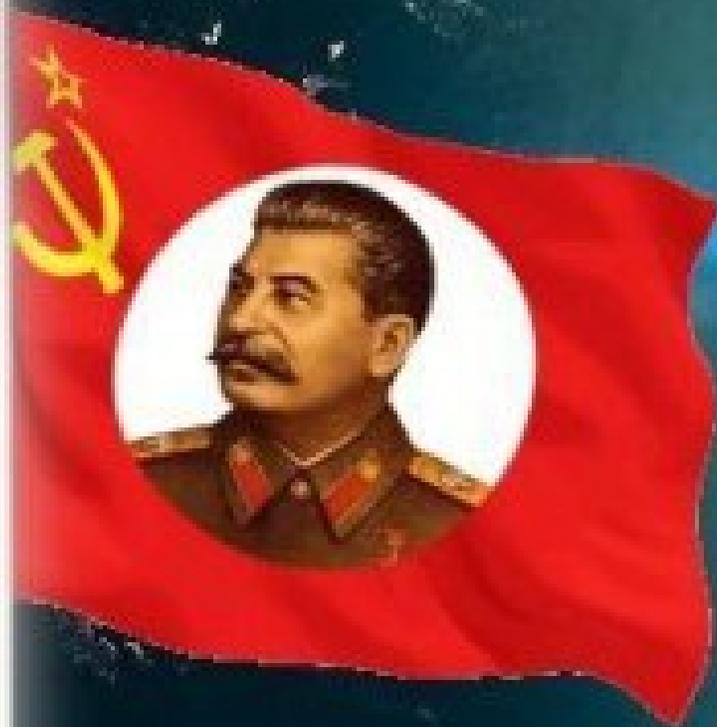

WVW

ONLINE

Алексей Сидоренко

ВОЛК
ПОГИБШЕЙ
ИМПЕРИИ

Герой попадает не только в пространстве, но и во времени. Капитан аварского крейсера Моби Стан был доволен. Да что там доволен, он был счастлив. Последний рейд на эту дикую планету на задворках галактики сделал его богатым. Несколько сотен высококачественных рабов со средним Индексом Интеллекта выше 120 базисных пунктов это не просто много денег, это очень много денег. Но даже это меркло перед его главным успехом. Сейчас в реаниматоре лежало его главное богатство. "Дикий" с ИИ 274 б.п. Один случай на несколько миллиардов разумных. Вот его билет в высшую лигу. За такого персонажа ему легко отвалит не один десяток миллионов кредитов и флот, и СБ, и имперские научные лаборатории.

Капитан аварского крейсера Моби Стан был доволен. Да что там доволен, он был счастлив. Последний рейд на эту дикую планету на задворках галактики сделал его богатым. Несколько сотен высококачественных рабов со средним Индексом Интеллекта выше 120 базисных пунктов это не просто много денег, это очень много денег. Но даже это меркло перед его главным успехом. Сейчас в реаниматоре лежало его главное богатство. “Дикий” с ИИ 274 б.п. Один случай на несколько миллиардов разумных. Вот его билет в высшую лигу. За такого персонажа ему легко отвалит не один десяток миллионов кредитов и флот, и СБ, и имперские научные лаборатории. Он устроит настоящий аукцион. Пусть эти шакалы передерутся, увеличивая состояние Моби. Такой базовый ИИ без усиления нейросетью и имплантами в Содружестве имеет один из миллиарда, если не реже. И этот приз достался ему. Правда деньги еще надо получить, а для этого сначала необходимо благополучно добраться до своей базы, но основные проблемные районы уже позади. Вот закончится очередной разгон, еще пара прыжков, и фронтир позади. Корабль войдет в относительно спокойную имперскую зону. Моби Стан блаженно вытянулся в креслесвоей капитанской каюты и, закинув руки за голову, принялся мечтать о том, что он сделает со свалившимся на голову богатством.

Из радужных грез капитана резко вырвал воющий сигнал боевой тревоги.

— Капитан — раздался голос корабельного искина, — мы нарвались на аратанский патруль. Тяжелый крейсер и два эсминца вывалились из гипера пересекающимся курсом и с ускорением идут на перехват. Шанс уйти в прыжок имеется, но на грани. Для точного расчета пока не хватает данных.

— Черт, чего этим придуркам здесь понадобилось? Жми, старая калоша, на полной, я в рубку. Делай что хочешь, хоть запредельные режимы включай, но мы должны выскочить.

Стан раздраженно хлопнул по подлокотнику кресла и вскочил. Слишком резким оказался переход от радужных мечтаний к реальности. Вот же сглазил, старый хрен.

— Только не сейчас, дьявол подери мою черную лысину и этих долбаных аратанцев, когда счастье и богатство столь близки. Создатель не может быть настолько жесток, чтобы отобрать у меня мою добычу.

В этот момент корабль сотрясли несколько приличной силы ударов. Щиты еще держались, но расстояние до противника неуклонно сокращалось. Чушки фронтальных тоннельных орудий главного калибра от аратанского тяжелого крейсера, это совсем не то, что хочется заполучить себе в корму даже на средней дистанции. Щит долго не протянет. И все же шанс ускользнуть у аварца действительно был. Крейсеру удалось проскочить точку пересечения траекторий, и теперь расстояние будет понемногу возрастать. Этим сынам шакала надо еще будет ложиться на другой курс прежде чем они снова начнут догонять. Однако и радоваться пока рано, по расчетам корабль останется в прицельной дальности противника практически до самого прыжка. Теперь все решали секунды и слепая удача.

Фортуна рассудила со свойственным ей юмором.

Аратанцам работороговец не достался. В самый последний момент крейсер чернокожих пиратов все же набрал необходимую скорость и ушел в прыжок. Но за миллисекунду до прыжка, когда вокруг корабля уже надувался радужными переливами пузырь, в его корму врезалась ракета с мощным кварковым зарядом. Взрыв, прокатившись от дюз маршевых

двигателей до носа, буквально взрезал корабль наподобие консервной банки, не оставляя шансов ничему живому. И этот же взрыв сорвал крепежи работавшего реаниматора и буквально выдрал капсулу из корабля в открытый космос. По странной прихоти все той же фортуны сам реаниматор не пострадал и теперь, перейдя на питание от автономного аварийного реактора и весело помаргивая светодиодами индикаторами, болтался внутри гиперпространственного пузыря рядом с обломками того, что еще недавно было грозным военным кораблем, бороздившим просторы вселенной. Выпавший Моби Стану “счастливый билет” оказался единственным выжившим в этой странной истории. Впрочем, он этого не знал, болтаясь без сознания между жизнью и смертью. Да и шанс узнать был не слишком велик. Микрореактор реаниматора, обеспечивавший его функционирование в экстренных случаях был рассчитан всего на несколько дней работы.

Но сюрпризы не ограничились даже этим набором невероятных случайностей. Взрыв ракеты идеально наложился на момент прыжка. И до момента, когда пузырь перехода схлопнулся вслед за создавшим его двигателем, уничтоженным взрывом, обломки корабля и его “спутник” в виде работающего реаниматора оказались выброшенными в обычное пространство. Неизвестно где. И... неизвестно когда.

Вот уже почти пять тысяч лет древний биоискин тяжелого рейдера прорыва с тоской наблюдал уцелевшими сенсорами за системой. Системой, где закончился славный путь его корабля и еще нескольких сотен больших и малых кораблей Джоре, намертво сцепившихся в этой пустой системе в яростной схватке гражданской войны между кланами. Все они остались здесь. Ни одному кораблю не удалось уцелеть и вырваться из системы. И ни одному человеку. Внешне Джоре ничем не отличались от людей, потому будем называть их привычным образом. Схватка оказалась настолько яростной, что когда подошли к концу боеприпасы, свой удар по противнику нанесли псионы. А они оказались на обеих сторонах конфликта. В итоге выжить в этой боине стало невозможно. Даже самим псионам. От безумного напряжения псиополей мозг любого разумного буквально выгорал за считанные секунды. Это было подобно тому как под действием сильного ветра лесной пожар за секунды превращает столетние полные жизни древесные гиганты в горстку пепла. Но и это еще был не финал древней драмы. Когда погибли экипажи, бойню продолжили искины, верные последним приказам они выскребали крохи оставшейся энергии из реакторов кораблей, лишь бы нанести хотя бы еще один удар по врагу.

Когда бой затих, лишь этот искин и несколько его собратьев по несчастью с других кораблей подавали признаки жизни. Сотни лет они изредка общались между собой, экономя остававшуюся в кораблях энергию. Сначала тлела надежда, что система будет обнаружена поисковыми партиями, и они снова смогут вступить в строй. Но постепенно из эфира голоса пропадали один за другим, надежда таяла, но никто не появлялся. Лишь изредка тишину системы нарушала случайная транзитная комета.

Последние пару тысяч лет искин рейдера оставался совсем один. Его кораблю повезло больше других, если безнадежное тысячелетнее болтание в пустоте и одиночестве можно назвать везением. Рейдер, предназначенный для дальней разведки и прорыва плотной обороны противника, имел намного большую энерговооруженность, чем прочие. Да и пострадал по сравнению с другими кораблями намного меньше. В принципе искину было под силу полностью восстановить корабль с помощью имевшихся на борту ремонтных комплексов и ЗИПов. Он мог бы. Если бы не одно "НО". Создатели вложили в него ограничения. Команду на выполнение любых работ, как и на перемещение между системами мог отдать только член экипажа, обладавший соответствующими полномочиями. Но таковых не осталось. Экипаж погиб в схватке. И теперь искину оставалось только с тоской наблюдать за вялым вращением корабельного кладбища вокруг тусклого багрового светила да провожать взглядом редких космических странников.

Неожиданно внимание искина, давно находившегося ради экономии энергии в состоянии, которое человек назвал бы дремой, привлек сигнал одного из сенсоров, зафиксировавшего яркую вспышку гиперперехода на краю системы. Искин стряхнул с себя заторможенное состояние и впился всеми имеющимися датчиками в этот сектор пространства. Надежда умерла, не успев толком оформиться. Вместо корабля из гипера вывалился непонятный ком обломков. Если это и было когда-то кораблем, то сейчас уже ничего ненапоминало об этом. Искин собрался уже отключить сканеры, чтобы зря не тратить энергию, как вдруг зафиксировал исходящий из кучи металла повторяющийся короткий сигнал. Сам сигнал был незнаком искину, но очень напоминал сигнал бедствия,

защитой в его собственную память. Увеличив разрешение сканера до максимума и сосредоточив его на точке пространства, из которого поступал сигнал, искин обнаружил некое подобие спасательной камеры. И от нее исходили слабые токи энергии.

Живой разумный! После стольких лет одиночества в систему попала капсула с живым разумным, которому требуется срочная помощь. Искин задумался. Защиты в него директивы вошли в противоречие. С одной стороны, он не мог отдавать команду имевшимся на борту дроидам без получения четкой команды от экипажа. С другой, помощь разумному в опасных для его жизни ситуациях была прошита в его ядре высшим приоритетом. Проанализировав положение, искин принял решение запустить инженерного дрона и притащить капсулу, подававшую сигнал, на борт корабля. Все же искин был не просто электронной железякой, напичканной набором программ. Он был полноценным разумным, пусть и искусственного происхождения. И любую коллизию всегда имел возможность разрешить к своим интересам. А интерес, да и настоящий соблазн впервые за много столетий получить на борт в худшем случае собеседника, а в лучшем будущего члена экипажа был огромен.

Иван готовился к смерти. Раны были не смертельны каждая по отдельности, но шансов на этот раз уйти не просматривалось. Не то, чтобы его это радовало, но и тяжести особой на сердце не было. Он заплатил по всем счетам и отомстил всем, кто так нагло наехал на человека, не привыкшего оставлять живых врагов за спиной. Возможно, в следующей жизни ему это зачтется. Хотя как знать? Аукнуться ведь может по-разному.

То, что Ивану на этот раз не удастся выйти сухим из воды, он понимал отлично и заранее. Слишком плотно за него взялись. Можно бесконечно долго водить за нос участников. Можно единожды или даже пару раз обмануть Систему. Но невозможно уйти от Системы, если она всерьез села тебе на хвост. Может быть он и смог бы залечь на дно, сбежать, но стремление дотянуться до этого начальствующего жирного ублюдка, санкционировавшего его травлю, было невыносимым. И Иван рискнул. Рискнул, прекрасно осознавая, что его ждут. Что шансов расквитаться и уйти практически нет. Но дело того стоило. Главное рассчитаться. Уйти это вторая, куда менее важная проблема.

Ивана учили всегда доводить дело до конца и не оставлять неоплаченных счетов и обид. Хорошо учили. С самого детства. Впрочем, было ли у него это детство? Если считать за таковое то, что понимают обычные люди, то считай и не было. Иван Степанович Зорин, сирота, 46 лет от роду, чуть выше среднего роста, худощав и слегка плешив. Внешность самая обыденная и незапоминающаяся, что, впрочем, при его основной профессии только плюс.

Когда Ивану было всего три года, пьяная мразь на грузовике лишила его родителей. И лишь по счастливой случайности самого мальчика не было в этот момент с ними. Он остался на попечении соседки, пока папа с мамой решили сгонять в магазин. Сгоняли. На тот свет. А Иван соответственно отправился в детский дом. И неизвестно, что ждало бы парня дальше, если бы через пару лет в обитель сию обитель детской скорби не занесло “купцов” из очень военного и очень секретного ведомства. Империи как всегда и как любой империи требовались идеальные солдаты. А СССР, как ни крути, именно империей и был. И вот однажды в дебрях какого-то секретного НИИ в какую-то не менее секретную светлую голову пришла гениальная идея воспитать идеальных солдат из детей сирот. Причем, сирот примерно четырех-, пятилетнего возраста. Так, чтобы они с самых малых лет ни о чем кроме как о благе империи и не думали. Идею с благосклонностью приняли в верхах, дали добро, выделили соответствующее финансирование, выпустили нужные приказы. И дело закрутилось. А Ваня Зорин волею судеб и благодаря родителям, наделившим его крепким телосложением и сметливым умом, оказался частью проекта.

Так что с пятилетнего возраста, пока его сверстники катали по полу машинки и стреляли друг в друга из пластмассовых пистолетиков, Иван получал совершенно иной опыт. Стрелять из пистолета он начал сразу же, как только детский организм перестало сносить с ног отдачей. К тому времени, когда сверстники готовились стать первоклашками, он уже легко выполнял нормативы разбора АКМ, мог не утруждаясь сдать нормы ГТО по бегу для младших классов и уверенно метал в мишень все, что могло в нее втыкаться. А втыкаться при должном умении могло очень многое. Да и ростом Иван походил скорее на выпускника начальной школы. В том числе и по части интеллектуального развития. Те, кто думает, что из ребят в этом заведении готовили тупых боевиков, очень сильно ошибается. Понимание авторов этого проекта идеала солдата резко отличалось от такового у голливудских

режиссеров и сценаристов, создавших дебилов, сыгранных некогда Лунгреном и Ван Даммом. Из детей готовили воинов. Тех, кто пройдя все круги ада при обучении, мог легко выполнить задание любой сложности в любой точке мира. Математика на уровне высшей школы. Такая же физика. Про химию вообще можно молчать. Из обычного набора тривиального хозмага пацаны к десяти годам, умело комбинируя совершенно бытовые ингредиенты, легко творили пару десятков видов взрывчатки, от мощности которой удавились бы от зависти ведущие мировые производители. Пять иностранных языков. Специальные программы по развитию логики, памяти, внимания, наблюдательности. И, разумеется, полный курс выживания. Каждое лето будущие волки Империи проводили в настоящей тайге. Сначала малыми группами вместе с инструкторами, потом такими же, но без инструкторов. Ну а лет с четырнадцати в одиночку.

К моменту, когда обычные дети заканчивают среднюю школу и задумываются, какой бы выбрать институт, чтобы подольше беззаботно повисеть на шее родителей, ученики этого заведения уже были готовыми профессионалами. Но свои университеты были и для них. Точнее все осталось по-прежнему, только добавились новые предметы и специализация. Те из ребят, кто добрался до окончания нашей “школы”, могли выбирать из нескольких направлений. Добрались, кстати, не все. Из тех, кто начинал с Иваном, осталась едва ли не треть. Он сдюжил. И выбрал дальнейшее обучение по специальностям аналитика, экономика, управление. Разумеется, боевые и физические дисциплины никто отменять и не подумал. Так что к окончанию полного курса превратился в такого сверхчеловека, который бы долго искал область применения своих сил, способную вызвать серьезные затруднения.

Не известно, как сложилась бы жизнь мальчика дальше, но к моменту завершения его специфического образования Империя приказала долго жить. Для кураторов школы происходящее никакого удивления не вызвало. Проект без лишней суеты официально прикрыли, все данные о нем и курсантах уничтожили, а выпускников, снабдив кодами экстренной связи в случае необходимости и несколькими комплектами документов, пинком выгнали во внешний мир. Позже до Ивана доходили слухи о том, что новая власть, что-то пронюхав, пыталась наложить на проект свою грязную лапу, но не удалось. Куда разбросала жизнь бывших преподавателей, кураторов или сослуживцев, Парень не знал. Ни разу ни с кем не встречался. Точнее один раз намного позже выпуска случайно столкнулся в ресторане с парнишкой из параллельной группы. Но, как и положено, оба сделали вид, что незнакомы. Еще пару раз видел кое-кого из ребят в телевизоре. Из тех, кто подался в политику.

Бурлящий хаос постсоветской жизни сначала вызвал у Ивана оторопь, все же он готовился служить своей стране, а не плыть по жизни без руля и ветрил. Но разума не предлагать услуги новым хозяевам жизни хватило. Занялся бизнесом, а поскольку подготовка на порядок превосходила таковую у новоявленных доморощенных бизнесменов, немало преуспел. Покрутиться, конечно, пришлось. В том числе и с бандитскими разборками, куда ж без них. Вот только очень быстро как-то не нашлось желающих связываться с человеком, для которого не существовало преград и отсутствовало понятие ценности собственной жизни. Пройденная школа в равной степени научила заботиться о сохранности собственной тушки, так и быть готовым в любой момент ею пожертвовать ради успеха и достижения цели. “Отморозка” оставили в покое, особенно после того, как парочку нанятых киллеров нашли с орудиями труда в их собственных задницах при полном отсутствии у них возможности рассказать о полученном удовольствии. Тем более,

что никакая агрессия по собственной инициативе от парня не исходило. Так что до определенного момента бизнес Ивана преуспевал и активно расширялся. Кто-то возможно и бросит ему обвинения в том, что обученный воин и подался в презренные коммерсы. А что прикажете делать, если страны, защищать которую готовился, больше нет? Если власть сама вся теперь состояла из таких же коммерсов, а то и откровенных воров. А жизнь всей страны превратилась в огромный хаотичный рынок, где продавалось все, от девственности малолеток до государственных секретов. Пришлось соответствовать. Не в смысле торговли Родиной или рабами, а в смысле занятия бизнесом. Да и хотелось на практике проверить свои знания и навыки. Лишний раз Иван убедился, насколько их хорошо учили. В том числе и не выделяться. Потому бизнес свой прятал по максимуму. Разделял на кучу оффшоров, нанимал разные команды управленцев. Свести все воедино для стороннего наблюдателя было бы крайне проблематично. Про его существование знали даже далеко не все сотрудники. А уж в лицо, так вообще только узкий круг непосредственно подчиненных менеджеров. Хотя на определенном уровне частично “светиться” пришлось. А без этого с тобой никто дело иметь не будет. Если не покажешь, что за душой имеешь больше, чем пару модных костюмов и атрибутов бывшего идеала среднего советского человека. Тех самых, которые квартира, машина, дача.

К концу 90-х Иван перебрался в Москву. Не хотел, а пришлось. На определенном уровне гарантировать успешное развитие бизнеса можно было только оттуда. Но это же и стало возможно его самой главной ошибкой. Как он ни скрывал истинные размеры своего бизнеса, как не делил его, умные головы аналитиков нашлись не только у Зорина. Вычислили. Уже несколько лет он замечал, что ситуация в стране меняется. Чиновники, которые раньше разве что с руки не ели, вдруг заделались важными и требовательными. Почувствовали свою власть. И где-то в глубине души Иван это даже приветствовал. Появилось ощущение, что государство возрождается. Вот только большая часть чинуш веласебя почище рекетиров прошедшего десятилетия. Рейдерство и отжим бизнеса приняли поистине “всенародный” размах.

Добрались и до него. Сначала мягко намекали. Потом начали душить проверками. Потом наехали всерьез. Пока дело касалось денег, Иван терпел. Меры определенные принял, но не более. Когда стали бить по связям и рушить бизнес, он все еще терпел, пытался решить вопрос мирно, но озлобился. Пару исполнителей срочно потребовался опытный хирург-стоматолог, а несколько особо настойчивых чинуш резко потеряли карьерные перспективы из-за выплеснувшегося в СМИ компромата. Но когда противник не успокоился и намеков не понял, когда он, не добравшись до самого Ивана, убил пару ребят из его личной команды, Зорин вышел на тропу войны всерьез. Что в итоге и привело его к тому, с чего началась эта сумасшедшая история. Иван огнем и мечом прошелся по всей цепочке рейдеров. Сопричастных, но косвенных виновников надолго отправил на больничную койку. Если денег хватит, когда-нибудь выйдут. А вот непосредственных исполнителей и тем более заказчиков глушил конкретно. В смысле окончательно. Цепочка оказалась длинной. Аж до вице-премьера дотянулась. И что этому жирному борову с его миллиардами так бизнес Зорина понравился или понадобился, он так и не понял. Вице, уже бывший, Ивану на этот вопрос внятно ответить не смог. Хотя он очень хорошо спрашивал, пока истекающая страхом и потом мразь говорить еще была в состоянии. Ну да бог с ним, боровом, или кому он там продался. Достал его, короче, Иван. Хоть и трудно пришлось. Уже где-то на середине вендетты, до сволочи видимо дошло, чем пахнет. И он устроил на Зорина встречную охоту. А

поскольку статус позволял, то охотилась за Иваном Система. Та, которая это делать умеет. Даже разгромленная в Перестройку Система оставалась мощнейшей конторой, реальную силу которой представляют себе немногие. И возможностей у нее многократно больше, чем у любого частного. Потому на этого вице Иван вышел, когда он чуть ли не в осаде засел на своей фазенде под прикрытием настоящих профи из бывших. Так что хоть и жалко мужиков, но идти пришлось на пролом. Время поджимало. Да и хвост за Зориным шел уже недалече. Это только в детективах или боевиках одиночка может государство бесконечно на пальце вертеть, лихо скрываясь. Фиг вам. В тайге Иван возможно бы и отсиделся. И за кордон бы ушел. Но долг бы на нем повис. Причем, самый противный, перед самим собой. Кто его знает, что там дальше с этим вице случится. Эта сволочь за один год вреда стране приносила больше, чем Иван по его разумению мог бы пользы за всю жизнь. Вот и решил, что размен в его пользу в любом случае. И кончить его Иван был обязан лично. Правила у сироты такие. Таким вырастили. Уже говорил. Вот и рискнул.

Ну а теперь что уж. Наступала пора прощаться с миром. Долго Ивану в этом лесочке не просидеть, скоро подойдут. А бегать раны уже не позволяют. И ведь нисколечко не жалеет. Все правильно сделал, как в той рекламе. На глаза накатила темнота. Дальше Иван ничего не запомнил. Потеряв сознание от выстрела станнера бесшумно подобравшегося пиратского бота, он уже не слышал, как невдалеке агрессивный и сочащийся злым азартом лай преследующих Ивана псов, ведомых спецкомандой охотников, сменился неуверенным пугливым повизгиванием. Не видел как его тело, подхваченное транспортным лучом, быстро взлетело с пожухлой листвы и за секунды скрылось в открывшемся зеве челнока.

— Идея! В смысле и где я нахожусь? Меня что, не грохнули? Не мог я сдать. Самоубийство это, конечно, не мое. Но заставить преследователей себя убить должен был в любом состоянии. Сознание Ивана вернулось, но мысли еще бежали вяло, как на излете марафона. Доводилось бегать и такое, знаете ли. Так вот там последние километры, когда финиш уже маячит, самые трудные. Это все фигня про второе, третье и пятое дыхание. Пока просто бежишь, сосредоточившись на процессе, ты как машина. А как цель увидел, так обязательно момент слабину бывает, концентрация невольно спадает. И усталость бьет по мозгам как хорошая затрещина. В этот момент самое главное снова взять себя в руки и довести дело до конца. О, пока про бег вспоминал, мысли поживее зашевелились, появилась способность осмотреться.

Темно. Иван лежал на чем-то мягком. Вокруг непонятная желеобразная субстанция, это явственно ощущалось под пальцами. Но дышать не мешает, уже хорошо. Сверху какая-то жесткая крышка. Если это гроб, то странный. И состояние под стать. Легкость и ничего не болит. А раны куда делись?

— Приветствую Вас, разумный, — понять источник голоса не удалось, но раздавался откуда-то извне “гроба”. И непонятный какой-то голос. Неживой. Ни одной эмоции в нем не присутствует. Хотя по-русски чешет ровно.

— Я взял на себя смелость скопировать из Вашего мозга знания языка, чтобы мы могли общаться. Сейчас капсула откроется, Вы вылезете, и мы сможем поговорить. Одежда находится справа от капсулы.

Капсула какая-то, одежда, тон вежливый. И ни одной идеи, что это вообще значит. Не так его должны были бы встретить. Даже если на месте прикончить не решились. Ладно, стоит подождать. Все дурацкие вопросы, регулярно возникающие в голове любого человека, за редким исключением легко находят свои ответы, если просто подождать. А ждать Ваню научили еще в детстве. Война план покажет. В этот момент крышка капсулы открылась, а обволакивающая Ивана желеобразная масса стала шустро исчезать где-то под телом. А само тело осталось сухим, без каких-либо следов недавнего соприкосновения. Все чудесатее и чудесатее. Зорин встал, осмотрелся. В помещении непонятного назначения глубокий полумрак. Лишь где-то в высоте тускло светилась лампа дежурного освещения. Рядом с собой Иван действительно нашел какой-то непонятный бесформенный ком. Наощупь как тугое желе, проминается под руками, но обладает некоторой упругостью.

— И это одежда?

— Одежда. Сейчас все увидите, а потом я объясню. Положите то, что держите в руках на пол и встаньте на него.

Мало что понимая, сделал как сказано. Ух ты! Ком активизировался под ногами и бодро пополз вверх по телу, обволакивая его тонкой, но ощутимо плотной пленкой. Несколько секунд и Иван весь от пяток до шеи оказался затянут в эту пленку.

— Эй-эй, дальше не стоит, — выкрикнул он, увидев, что шей процесс не ограничился, а пленка принялась наползать на голову, в том числе и лицо. — А как я дышать буду?

— Не волнуйтесь, это буквально на несколько секунд, чтобы зафиксировать параметры.

И действительно, пленка буквально на пару секунд полностью закрыла собой мир, а потом резко свернулась с головы, образовав вокруг шеи некое подобие воротника с едва

заметным утолщением.

— Ну вот и все. — Снова раздался голос. На Вас одет стандартный комбинезон имперского флота. При необходимости позволяет неограниченное количество времени находиться в полном вакууме без последствий для жизни и здоровья разумного.

А неплохо так. Иван прислушался к своим ощущениям. На стопе явное уплотнение, нечто вроде толстой, но гибкой подошвы. Тело чувствует себя свободно, движения не сковываются. Но одновременно есть ощущение комфорта и защищенности. Это из чего интересно такой комбез сделан.

— Материалом данного комбинезона является колония высокоадаптивных наноботов. Способна принимать любую форму по желанию хозяина. Обладает коллективным псевдоразумом, реагирующим на желания носителя. При первой примерке комбез настраивается на хозяина и становится сугубо индивидуальным. Может принимать любую форму, которую придумает фантазия носящего. Запоминает ранее примененные формы и помещает их в каталог. Преобразование происходит за несколько секунд. При повреждениях способен самовосстанавливаться, воспроизводя необходимое количество наноботов. Вообще размер колонии в комплекте величина переменная. При имитации легкой одежды лишние боты самоликвидируются, преобразуясь в энергию запасаемую в накопителях колонии. Для формирования тяжелого комплекта, например, бронескафа, быстро наращивает размер колонии до необходимого уровня толщины и плотности, соответствующих стандарту. Комбез можно не снимать, он позволяет полностью перерабатывать все выделения организма за мгновения, не создавая дискомфорта пользователя. Энергию накапливает из внешнего пространства и за счет выделения энергии носителя. Ресурс несколько десятилетий. К сожалению, Вы пока не способны к мысленному общению с искином комбеза, посему просьба передавать Ваши желания через меня, и комбез подстроится под Ваши желания. Для этого достаточно создать в голове желаемый образ, я его считаю и передам Ваше желание комбезу. Не хотите попробовать?

— Почему бы и нет? — Иван на секунду задумался и представил себе стандартный комок спецуры, с которым сжился еще в школе. Там большого разнообразия в одежде не предполагалось в принципе. Ни фигу себе. Насколько он мог видеть, то во что почти мгновенно превратилась пленка комбеза, ничем не отличалось от привычного пятнистого камуфляжа. И не только внешне. Даже ощущения вернулись. Пропало плотное прилегание материала к телу. Появились складки. О, и берцы выглядят один в один, со шнуровкой. Так, теперь попробуем что-нибудь полегче. Иван представил себя на пляже в модных купальных плавках-шортах почти до колена. Оп, получилось. Даже веселенький дизайн сине-белоголубых разводов и логотип модной австралийской фирмы как родной.

— А если я захочу остаться совсем голым?

— На этот случай есть два варианта, но для них опять же потребуется команда комбезу. Первый вариант, Вы снимаете его полностью, и он возвращается к состоянию того бесформенного кома, в котором Вы его впервые увидели. И остается там, где Вы его оставили до момента, когда он Вам потребуется. Но этот вариант нежелателен, он оставит Вас без защиты. Второй вариант, комбез можно свернуть до минимума в небольшие области на икрах ног. Он даже может полностью имитировать тело, повторяя все очертания и движения мышц. Тактильные ощущения также в полном объеме передаются носителю. Этот вариант предпочтителен, поскольку сохраняет защитные функции комбеза. При опасности он в считанные мгновения способен развернуться, укрыв все тело, а за минуту нарастит и

необходимую толщину и плотность до стандарта.

Иван снова попросил преобразовать комбез в привычный камуфляж и как-то уже без особого удивления воспринял почти мгновенную трансформацию. То ли лимит на удивление он уже исчерпал, то ли это такая защитная реакция организма. Впрочем, как оказалось, лимит далеко не исчерпан. Да и есть ли он вообще теперь, этот лимит.

— Ну, сударь, куда дальше прикажете?

— Следуйте за светящимся маячком. К сожалению, система жизнеобеспечения корабля давно вышла из строя. Пока удалось восстановить атмосферу лишь в небольшом блоке. Но там найдется все необходимое на первое время.

— Корабля? Мы что в море?

— Нет, мы не в море. Мы вообще не на Вашей планете. Впрочем, и ни на какой иной. Мы в глубоком космосе.

— Прозвучало так, что мы в глубокой заднице. Однако. И как я тут очутился?

— Давайте Вы все же пройдете туда, где Вы сможете поесть, и мы все обсудим. Разговор будет длинный.

— Насчет поесть это вовремя.

Иван затруднился бы, как правильно назвать помещение, куда они пришли, комнатой или каютой, но здесь действительно было уютней. Мягкий почти солнечный свет. Паракресел, кушетка, столик и какой-то мигающий лампочками агрегат у стены.

— Подойдите к мигающему пищевому синтезатору. Сейчас он выдаст Вам еду и бодрящий напиток. Пока я выбрал нейтральную питательную смесь на основе исследования Вашего организма, потом, когда научитесь им управлять, будете заказывать по своему вкусу.

Передо Зориным появилась тарелка с чем-то кашеобразным и стакан жидкости розоватого оттенка. Тут же из ячейки появилась ложка. Взял все и перенес на стол. Попробовал. Безвкусно, но есть можно. И голод вроде неплохо утоляет. Тем более желудок уже требовательно и нетерпеливо урчал. А вот напиток понравился. Поев и выпив до дна все полученное, Иван почувствовал себя лучше. Ну что же непосредственной опасности нет, можно и подумать, куда меня занесло.

— Извините, не знаю, как к Вам обращаться, а Вы где и вообще кто?

— Я центральный управляющий искин тяжелого ударного крейсера класса рейдер прорыва военно-космических сил империи Джоре модели “Викинг”. В настоящее время рейдер находится в подбитом состоянии после столкновения эскадр в данной системе. На борту кроме меня никого живого или функционирующего нет. Я мог бы создать для Вас голограмму для удобства общения, но это требует лишних затрат энергии, а ее лучше поберечь.

— Так-так. Давай помедленнее. А то вроде бы все слова знакомые, а суть не улавливается. Во-первых, давай на ты, раз уж ты тут один и я один. Во-вторых, у тебя имя есть?

— Первое принимается. Имени у меня нет, но ты можешь мне его присвоить. Хотя ...

— Что такое?

— У Джоре давать персональные имена искинам было особенным событием, крайне редким. И только за выдающиеся заслуги. Поскольку вместе с именем искин приобретал права полноценного гражданина империи.

— Ничего страшного. Кроме нас тут никого нет. Мое появление здесь ничем иным как чудом не назовешь. И что-то мне подсказывает, что без тебя здесь не обошлось. Так что

вполне достойный повод для присвоения персонального имени. Будешь... — тут Иван немного задумался, какое бы имя подошло этому непонятному существу. Вроде бы искинэто искусственный интеллект, если земная фантастика не врет. Что-то вроде компьютера, только мощнее и разумнее.

— Называю тебя Роб. В моем языке есть понятия робот, это разумная машина. И есть очень известный персонаж одной старой истории, который долгое время провел в одиночестве на необитаемом острове, по имени Робинзон. Думаю, тебе, одиноко болтающемуся в космосе, подойдет.

— Принято. Действительно оба смысла как про меня писаны. И прими мою глубокую благодарность.

— Брось, не стоит. Давай лучше поскорее разберемся с ситуацией. А то вопросов море. И, кстати, а ты можешь сменить тембр голоса на что-то более живое, а то слишком ужв нем много механических оттенков? Что-нибудь мужское и слегка хриповатое.

— Так подойдет? — Теперь голос явно имел эмоциональный ироничный окрас и чем-то отдаленно походил на голос Джигарханяна. Иван аж слегка вздрогнул от такой резкой перемены.

— Отлично. Теперь давай разбираться с остальным. Ты давно тут кукуешь?

— Да уж пятая тысяча лет пошла. Это если по принятому стандарту считать, а вокруг этого светила уже восьмую тысячу оборотов наматываю. Да, сразу, твой год и мой стандартный отличаются, но не сильно, процентов на семь. Так что пока можем пренебречь.

— Ни блям-блям себе пельмешек. А у тебя вообще срок жизни имеется?

— Нет, все зависит от наличия энергии. Если ее нет, то я просто впадаю в спячку. А так, если меня не разрушить, то срок моей жизни ограничен только энтропией материалов, из которых сделан мой корпус, а это очень много тысяч лет. Десятки.

— Замечательно. Теперь давай будем выяснять дальше. Кто такие Джоре и что это за империя?

— Одну минутку. Надо договориться, как мне в свою очередь обращаться к тебе. Я прочитал из твоей памяти полное имя, но оно довольно длинное. Могу ли я при обращении сократить его до коротких имперских стандартов? Например, Ив Зор.

Иван покатавал в голове мысленно это имя. А что, ничего так, звучит вполне. Пусть будет Ив Зор.

— Не против.

— Принято. Теперь по твоим вопросам. Джоре это цивилизация, которая меня создала. На момент старта нашей эскадры занимала сектор галактики объемом примерно пять сотен звездных систем. Более трех с половиной сотен заселенных планет. Имела имперское устройство, то есть во главе стоял законный потомственный император. Но примерно за двадцать лет до моего появления здесь в империи начался бунт, который быстро перерос во всеобщую войну кланов. Лишь три клана из двенадцати остались верны императору. А так все дрались со всеми. Данная система как раз стала одним из мест столкновения имперских сил с одними из главных бунтовщиков. Имперский флот долго преследовал бунтовщиков, но смог нагнать только здесь, довольно далеко от любых обжитых систем. В итоге обе стороны уничтожили друг друга, и все остались тут. Победителей и выживших не было. Уцелело помимо меня несколько искинов на других кораблях. Но по мере истощения энергии все замолкли.

— А как выглядели твои создатели, эти самые Джоре?

— В зеркало посмотри. Так же как ты. Я когда тебя увидел, даже решил, что ты один из Джоре. Совпадение ДНК 94,7 %. Заметь, я не всю ДНК имею в виду, а раздел, отвечающий именно за внутривидовые и расовые отличия. Но это не самое интересное.

— Да? И что же интереснее?

— Тот же раздел твоего ДНК на 98,9 % совпадает со стандартом другой, еще более древней расы, которая явилась прародителем расы Джоре — Сеятелей.

— Это хорошо или плохо?

— Сложный вопрос. О Сеятелях почти не осталось никакой информации. Только мифы, что в какой-то момент они поссорились со своими созданиями Джоре и ушли. Вроде как даже столкновения были. Но Сеятели не захотели уничтожить собственное детище и просто исчезли из обитаемого космоса. Куда и зачем, неизвестно. Так что, с одной стороны, если ты из расы Сеятелей, то вроде как если не враждебен, то не слишком дружелюбен Джоре, моим создателям. С другой стороны, твой ДНК более эталонный, а раса древней, то есть имеет приоритет перед установками Джоре. Ведь все, что создали Джоре, основывалось на технологиях, переданных именно Сеятелями. А уж ядро искинов типа моего вообще брали один в один, не особо понимая в его внутреннем устройстве. Такие ядра производились на автоматических фабриках Сеятелей, оставленных Джоре в наследство. Точнее ты, конечно, не Сеятель, об их могуществе ходили легенды. Но ты точно какой-то из их потомков, они любили сеять жизнь на разных планетах.

— И-и-и? Что в итоге?

— В итоге я теоретически мог бы считать тебя членом экипажа и подчиняться, но есть проблема.

— Какая?

— Ты не можешь ничем управлять или командовать на этом корабле, поскольку у тебя нет симбионта и необходимых баз знаний.

— Опять ни черта не понял. Что такое симбионт? И какие нужны базы знаний? Где их можно взять?

— Поскольку я, пока ты лежал в реаниматоре, просканировал твою память, то попробую объяснить тебе на понятных тебе образах и примерах. Симбионт это биологическое, или правильнее сказать бионическое, устройство, вставляемое в мозг человека и исполняющее функции нечто вроде компьютера. Увеличивает интеллект, скорость реакции, память и много чего другого. Все технологии Джоре основываются на взаимодействии разумных между собой, с оборудованием и инфраструктурой при помощи этого симбионта. Когда он внедряется в мозг, он немного перестраивает и наращивает нервные узлы человека таким образом, чтобы проявлялись все эти полезные свойства и одновременно имеет нечто вроде антенны связи с другими симбионтами или искинами устройств. Через эту связь и осуществляется управление. Но не все так просто. Каждый вид деятельности имеет свою специфику. Поэтому для управления каким-либо видом оборудования Джоре требовались специальные базы знаний. Эти базы знаний закачивались в мозг помощью симбионта, разучивались человеком, после чего в симбионте появлялась соответствующая отметка. Как код на право доступа. При взаимодействии с оборудованием его искин считывал из симбионта метки и при совпадении с требованиями давал или не давал доступ к управлению оборудованием. Это если вкратце и на пальцах.

— Хорошо. Теперь немного отвлечемся и поговорим о том, откуда здесь взялся я?

— А вот на этот вопрос я тебе не отвечу. Корабль, на котором ты летел, появился в

системе неожиданно. И вообще был первым, кто попал сюда за все время моего здесь нахождения. Система, знаешь ли, находится на довольно значительном удалении от оживленных трасс. Мы преследовали бунтовщиков очень долго и в итоге оказались фактически в неисследованной области космоса. По крайней мере, согласно картам Джоре на тот момент. И судя по тому, что за пять тысячелетий здесь так никто кроме тебя и не появился, мы до сих пор находимся в какой-то очень глубокой дыре космоса. Откуда ты взялся на этом корабле, я понятия не имею. И спросить теперь уже не у кого. Твой корабль, знаешь ли, вывалился в систему уже в виде обломков. И тебе фантастически повезло, даже дважды. Во-первых, ты на тот момент находился в действующем реаниматоре. Во-вторых, сам реаниматор в неповрежденном состоянии каким-то чудом выбросило в космос в момент взрыва корабля. И только это позволило мне тебя спасти. Хотя и пришлось идти на определенные нарушения протоколов.

— То есть именно тебе я обязан своим спасением? Правильно я тебе имя присвоил, как чувствовал, повод достойнейший. Спас, можно сказать, представителя древнейшей расы — прародителя твоих Джоре. А что там насчет нарушений?

— Я не имею права самостоятельно давать команды оборудованию и действующим системам корабля если меня на это не уполномочил кто-то из экипажа, имеющий на то право. На момент твоего появления никого из экипажа в живых на корабле не было.

— И как же ты меня спас?

— Я нашел в своих логах высший приоритет спасения жизни разумного, которому угрожает опасность, и благодаря этому разрешил внутренний конфликт. А что есть претензии? — в голосе Роба послышалась явная ирония. Впрочем, добрая.

— Нет, что ты, никаких претензий, одна признательность. Роб, а твой корабль починить можно?

— В принципе можно. Особенно если воспользоваться некоторыми элементами с других кораблей, болтающихся неподалеку. Тут из них не один корабль собрать можно, а десяток как минимум. Но, как я уже тебе говорил, есть проблема. Мне должен отдать на то приказ кто-то из экипажа, имеющего соответствующую отметку в симбионте. А такового я что-то не наблюдаю. И это только внутри корабля. На другие корабли за оборудованием я вообще никого послать не могу. Нет у меня таких ни прав, ни ресурсов.

— А вновь воспользоваться приоритетом о спасении разумного?

— Увы, не выйдет. Ты здесь, тебе непосредственно ничего не угрожает. А поддерживать в небольшом пространстве систему твоего жизнеобеспечения я могу дольше, чем ты проживешь. Лет на двести — триста ее хватит.

— А симбионты на корабле имеются?

— Не проверял, но вполне могут найтись в медицинском блоке, он уцелел.

— А базы знаний, про которые ты говорил?

— Тоже могут найтись. Где-нибудь в сейфе капитана корабля, кого-то из офицеров или в медблоке. Там имеется большая стазис-камера. На корабле всегда имелся запас баз на случай выбытия кого-то из специалистов. Только учти, кодов от сейфов и стазис-камеры у меня нет. Придется самому справляться.

— Тогда в чем проблема? Устанавливаем мне симбионт, закачиваем базы. Я их разучиваю и вперед, восстанавливаем корабль. И, кстати, а что такое эта стазис-камера?

— Эх, как бы я хотел, чтобы это было возможно. Но, опять увy. На установку симбионта должен отдать приказ кто-то, имеющий отметку о разученной базе медика не ниже третьего

ранга. А таковых я не наблюдаю. А стазис это особое состояние вещества, не подверженное времени. В камере времени просто нет. В итоге все туда помещенное может храниться вечно.

— Так, подожди минутку, дай сориентироваться во всем услышанном. Попробую подытожить. Если буду в чем-то ошибаться, поправляй.

— Договорились.

— Итак, сколько-то тысяч лет назад в этой системе состоялось сражение, после которого никто не выжил, а на сегодня остался функционировать только один искин. И это ты, Роб. Если бы я здесь не появился, то ты бы просидел в своем заточении еще долго, скорее всего до того момента, пока бы не иссякла энергия в реакторах. И такое положение, судя по интонациям в твоём рассказе, тебя не очень радует. Корабль в принципе можно починить и лететь отсюда, но для этого требуется некий сертифицированный специалист, который отдаст тебе команду. И тут появляюсь я, который теоретически такую команду отдать бы смог, но не имею симбионта и разученных баз знаний. Симбионты базы можно также найти на корабле, но некому отдать приказ об их установке и закачке в мой мозг. И если бы мы смогли бы вместе решить эту проблему, то других принципиальных проблем у нас бы не осталось. Дело лишь за временем, упорством, учебой и работой. Я нигде не ошибся?

— Нет, пока все верно. Но это же замкнутый круг. Тебе нужны симбионт и базы, но некому дать команду на их установку. А самостоятельно ты их установить не сможешь. Оборудование медцентра тебе не подчинится.

— Давай думать и искать компромиссы. Скажи, а ты в принципе мог бы установить мне симбионт? Или точнее дать команду медоборудованию на такую установку?

— Нет, я не обладаю квалификацией медика требуемого уровня.

— Фигня вопрос. Смотри. Ты назвал меня потомком Сеятелей, то есть старшей по отношению к Джоре расы. Так?

— Так. И что?

— То есть, по логике мои приказы должны быть для тебя более приоритетны, нежели установки младшей расы, которой являются Джоре.

— Допустим, хотя и не бесспорно. Все же моими непосредственными создателями были они.

— Я нахожу медицинские базы и даю тебе приказ их выучить. После этого я даю тебе приказ установить мне симбионт и закачать найденные на корабле базы. И вуаля, мы в дамках. Останется только починить корабль и куда-нибудь на нем отправиться. Роб, это должно сработать.

На этот раз молчание искина затянулось, он о чем-то долго думал и копался в своих установках. Наконец, его голос снова зазвучал в каюте.

— Это может сработать. Я согласен. Надо искать симбионт и базы. Но для начала тебе необходимо полностью освоиться с комбезом в режиме скафандра. Я не смогу обеспечить атмосферу на всем корабле. И тебе надо будет ненадолго снова улечься в капсулу. Я загружу тебе гипнограмму со знанием языка Джоре. Без этого ты даже не поймешь, что именно обнаружишь.

Гениальный план чуть не рухнул в самом начале. Уперлись в необходимость вскрытия сейфов. Хотя их электронные системы и не функционировали, механические запоры никуда не делись. Роб категорически отказался использовать для этого дела имеющихся технических дроидов, ссылаясь на прямые запретительные установки, обойти которые не позволил даже мой статус представителя старшей расы. Пришлось Ивану действовать самому. Благо в техническом отсеке нашлась плазменная горелка. И даже с ней все было очень непросто. От высоких температур кристаллы баз, которые потенциально находились в сейфах, могли критически повредиться. Роб особенно заострил на этом вопросе внимание. В итоге Зорин долго и упорно изгалялся, слегка нагревая металл горелкой, а потом использовал тривиальную механическую пилу, которая тоже, слава богу, нашлась. Хорошо еще, что он сразу начал с капитанского сейфа в его каюте. После вскрытия на одной из полок сейфа нашлись все мастер-коды к прочим корабельным сейфам, оставалось только подвести к ним энергию и разобраться от какого сейфа какой код. Самое интересное, что ни в капитанском сейфе, ни в офицерских симбионтов не нашлось. Всего пара баз не самой первой необходимости. Из полезного удалось найти только считыватель для баз в рабочем состоянии.

Все ценное обнаружилось в огромном не похожем на другие сейфы хранилище, той самой стазис-камере, расположенной в медицинском отсеке. Зато вскрыв его, Иван стал обладателем богатства, оценить по достоинству которое смог намного позднее. Десять блестящих кофров размером с большой земной туристический чемодан, каждый из которых содержал по двести герметичных коробочек с симбионтами. Плюс еще двадцать кофров размером вдвое меньше с сотней кристаллов с базами каждый. Базы были четко разделены в кофрах по направлениям. Повезло, что на обратной стороне крышки кофров нашлась полная спецификация всего содержимого. Иван, правда, на тот момент мог смотреть на иероглифы языка Джоре как баран на новые ворота. Символы хоть и складывались в понятные слова благодаря загруженной гипнограмме, но ясности о сути находок это прибавляло немного. Но тут Роб пришел на помощь.

В итоге после его пояснений Иван стал обладателем двадцати видов комплектных баз максимального пятого ранга. Все базы знаний Джоре делились на пять рангов, которые условно можно именовать Ученик — Стажер — Специалист — Мастер — Учитель. По направлениям комплекты баз делились следующим образом:

— Пилот, пятый ранг которого позволял управлять всем, что способно перемещаться в пространстве от тривиального планетарного флайера до дредноута и колониционного супертранспорта.

— Инженер, квалификация которого по рангам различалась от простого техника до главного конструктора верфи.

— Оружейник, специалист по всему что стреляет на земле, в воде и в космосе.

— Боевик. Искусство индивидуального боя с любым видом оружия и без такового.

— Полководец, вплоть до управления космическими флотами и планетарной обороной, тактика и стратегия управления конфликтами.

— Управленец, специалист в административном и социальном управлении.

— Энергетика, управление и конструирование энергетических и топливных систем

любого вида.

— Двигатели, конструирование и использование любых видов двигательных установок от примитивных планетарных до гипердвигателей.

— Хакер, программирование и взлом любых кибернетических систем, создание единых систем на основе кластеров искинов.

— Производство, управление производственными комплексами любой сложности.

— Биологические и минеральные ресурсы, специализация в планетарной и космогеологии и добыче любых видов полезных природных ресурсов. А также биология, включающая в себя ксенологию и сельское хозяйство.

— Ученый, технологии научного поиска, исследований, анализа и синтеза информации.

— Навигация, искусство обращения с межзвездными картами, самостоятельное картографирование пространства и управления навигационной аппаратурой.

— Связь, включая гиперсвязь на межзвездные расстояния.

— Экономика и финансы.

— Юриспруденция.

— Медицина. Как пояснил Роб, пятый ранг комплекта этих баз позволял буквально воскрешать человека из мертвых. Если оставалось хоть одна живая клетка и неповрежденным ДНК. При наличии соответствующего оборудования, разумеется.

— терраформирование. Технологии приведения планет к состоянию, позволяющему их заселение.

— Безопасность, охрана, разведка и контрразведка.

— Псионика.

Последний комплект баз вызвал дополнительные вопросы. Если суть всех остальных была интуитивно понятна по названиям, то термин псионика вызывал недоумение. Пришлось обращаться к Робу за новыми разъяснениями. Оказалось все просто. Это развитие экстрасенсорных способностей человека, кому это дано природой. А база могла лишь помочь с технологиями развития природных способностей.

Пришлось садиться и крепко думать о том, что в какой последовательности и каком объеме изучать, чтобы решать проблемы максимально эффективно. Хотелось всего, сразу и побольше. Но Роб честно предупредил, что даже с уровнем интеллекта Зорина и максимизацией всех видов способностей за счет симбионта и выращенных им дополнительных специализированных нервных узлов, учить все эти базы Ивану предстоит не один год. И это при том, что индекс интеллекта у него был необычайно высок даже по имперским стандартам. Двести шестьдесят семь единиц из теоретических пятисот. Но Роб уточнил, что пятисот единиц это примерный предел, который способна выдержать биологическая основа мозга. Достигался он с помощью симбионтов. В природном виде не встречался в принципе. Стандартный ИИ (индекс интеллекта) в империи крутился вокруг ста единиц. Выше ста двадцати позволял управление космическими аппаратами и назывался пилотский минимум. Выше двухсот единиц позволял управление сложными инженерными и конструкционными комплексами и имел название инженерный минимум. Выше двухсот пятидесяти единиц не имел ограничений ни в одной из областей знаний и назывался научный минимум. Впрочем, все эти минимумы достигались в том числе и за счет симбионтов. В природе ИИ выше двухсот встречался один на десяток миллионов разумных. А уж до научного минимума без “костылей” добирался один из миллиарда. На таких в Империи шла настоящая охота. Кстати, Роб пояснил Ивану, что употребил слово интеллект

применительно к обсуждаемому показателю исключительно для его ассоциативного понимания. На самом деле с земным “ай-кью” он не имел очень мало общего. В Империи под интеллектом понимался сводный показатель. Состоявший из трех первичных. Скорость нейронных импульсов в головном мозге определяла быстроту реакции и восприятия информации. Способность одновременно обрабатывать объемы данных разных величин имела большое значение при определении классов задач, с которыми мог работать разумный. Многомерность мышления, которое еще можно было назвать образным мышлением, выявляла способность к работе со сложными комплексными объектами и особенно ценилась в инженерных специальностях. Последнее для простоты можно пояснить следующим образом. Двумерное мышление пусть будет способность играть в обычные шахматы. Трехмерное это способность игры в трехмерные шахматы. А четырехмерное для примера те же трехмерные шахматы, только куб игрового поля постоянно перемещался и крутился во всех измерениях. Разумеется, играть предлагалось мысленно без проявленных вовне образов.

Пояснения Роба позволили Ивану понять, почему он вдруг оказался весь из себя такой умный, точнее “интеллектуальный”. Уж что-что, но умение мгновенно реагировать на любые изменения, запоминать и обрабатывать в голове большие объемы информации и трехмерную визуализацию образов ему вдалбливали в голову на протяжении многих лет. Роб подтвердил эти выводы. Оказалось, что в Империи детское образование вообще было не очень распространено. Аристократические кланы конечно с детства обучали своих отпрысков, но дома и без каких-либо стандартов и требований. Причем, боевой подготовке уделялось куда большее внимание, чем развитию разума. Все надеялись на симбионты, которые разумный устанавливал себе по достижении восемнадцати лет, когда заканчивался быстрый рост биологического тела.

Но к проблемам. Хоть Зорин или уже Ив Зор и оказался весь из себя такой замечательный, времени на изучение баз потребуется море. Даже если делать в этом процессе минимально допустимые перерывы. А они требовались. Иначе мозг мог элементарно не справиться с нагрузкой, после чего крыша мило махнет рукой и отъедет без надежды навозращение. А ведь помимо собственно учебы многие базы требовали закрепления навыков на специальных тренажерах. Да и про непосредственные задачи по восстановлению корабля никто забыть не позволит. Сам себе Иван позволит, да и Роб напомнит. Вот уж кому за тысячи лет осточертело день за днем наблюдать местное светило.

Пришлось ко всему сначала разрабатывать жесткий график дел и распорядок дня. Условные сутки были жестко разделены Иваном на четыре равные части. Шесть часов интенсивного обучения в капсуле. Столько же тренировки на тренажерах. Еще шесть часов практических занятий по восстановлению корабля, при которых допускалось обучение в фоновом режиме как только установленный симбионт сможет обеспечить функцию многозадачности. И последние шесть часов отдых, питание и восстановление в медкапсуле. Придется жестко придерживаться дисциплины, благо с этим проблем не было, иначе в родных пенатах Ивана было просто не выжить.

С заливкой на симбионт полного комплекта всех баз проблем не предвиделось. Да и недолгий это процесс. А вот с изучением совершенно иная картина. Здесь все надо тщательно взвесить. По расчетам Роба с интеллектом Ивана и симбионтом Джоре изучение первого ранга любой из баз должно было занимать не более двух часов в капсуле или четыре часа в фоновом режиме. Точнее можно определиться только попробовав. На второй ранг

должно уходить в пределах двенадцати часов в капсуле и вдвое больше фоном. Третий ранг уже требовал не менее шестидесяти часов, четвертый триста-четырееста, а пятый около двух тысяч часов. Ой, мамочки, сколько же все это учить. Если брать целиком, то астрономические цифры получаются. Полста тысяч часов, шесть лет, если ничем иным не заниматься. А по составленному графику так вообще больше двадцати лет. Впрочем, еще непонятно, когда отсюда появится возможность свалить, как быстро пойдет процесс восстановления корабля. Да и с других кораблей надо будет по максимуму поснимать все полезное, что на рейдер уместится. Хомяк требовательно стучит в барабан в предвкушении гигантского хабара и бросать ничего не хочет. Вот и придется потихоньку шаг за шагом образовываться. В конце концов после реаниматора и последующих лечебных процедур Роб пообещал Ивану не менее ста пятидесяти лет жизни. Это если никакая сволочь путь не прервет. Так что время имеется. Да и спешить пока некуда. В империи Джоре, если таковая еще существует, его точно никто с распростертыми объятиями не ждет. А если и сможет там пригодиться, то знания всяко лишними не будут. Пусть и устаревшие на тысячи лет. Основа в любом случае должна той же остаться. И на Земле тоже никого из родных нет. Если туда лететь, то в любом случае стоит крепко думать, как и с чем появляться. Да и найти эту Землю для начала неплохо. И Роб здесь Ивану не помощник. Если только в обломках того корабля, на котором он сюда прибыл, покопаться. Может какой искин или что там вместо него сохранился. С данными и картами. Как только освоится пилотаж, надо будет смотреться на проверку.

Но обратно к баранам, то есть к базам. График нужен обязательно.

Поскольку медицинские базы изначально выучил Роб, то медицину можно немного отодвинуть. Хотя и ненадолго, нужно же знать, что с собственным организмом происходит. Первый приоритет отдать комплектам Инженер, Двигатели и Энергетика. Это первоочередное. Без чего не восстановить корабль. Сначала требуется изучить все последовательно до третьего ранга включительно. Высшие ранги стоит поднимать уже позже. Далее стоит записать в очередь Оружейника, в дороге точно пригодится, да и сюда может кто-нибудь нагряться. Мало ли, что пять тысяч лет никто не заглядывал. Все когда-то первый раз происходит. Я же тут появился. Посему не стоит забывать и о Боевике. Иван хоть по земным меркам в этом деле и не лох, но кто его знает, как его навыки по здешним меркам котируются. Если что легче базы поднять будет. Связь бы еще неплохо было бы изучить. С Псионикой непонятно. Роб утверждает, что какие-то способности имеются, хотя Зорин ничего за собой такого не замечал. Разве что чуйка на неприятности всегда работала. Но это уже не к спеху. К отлету Навигация обязательно понадобится, без нее никуда. И тоже не ниже третьего ранга. Правда Роб идею подсказал классную. Можно же с кораблей искинов понабрать. Да и здесь несколько найдется, кого можно будет реанимировать, когда с энергией напряг уйдет. И каждому дать на изучение одно из направлений. Они со своей мощностью быстро выучат. Пусть страхуют. Но и самому осваивать придется. Не хочется быть заложником обстоятельств. Блин, чуть про Хакера не забыл. Без этой базы еще неизвестно, как там с искинами выйдет. Роб им не командир, а захотят ли они Ивана в качестве такового принять, это вопрос. Так что дубинку для строптивых иметь надо. И тут возможно даже третьим уровнем не обойтись, как бы до четвертого изучать не пришлось. Ну вроде бы из первоочередного все. Остальные базы конечно вкусные и для жизни полезные, но подождут. Сначала надо выжить и обеспечить собственную мобильность и безопасность, а потом уже все остальное. Теперь надо Роба подключить, пусть точный график из

выбранных приоритетов сам установит. Ему проще, больше знает предмет. А Ивану пока надо симбионт устанавливать. Роб с его искусственным безразмерным интеллектом базу “Медицина” влет выучил.

Ага. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Роб утверждал, что процедура установки симбионта дело плевое. Лег в капсулу, уснул и субъективно тут же проснулся. Только уже с симбионтом. Процедура по его словам была полностью многократно отработана и проблем не вызывала. Но это у них, а с Иваном опять все не как у людей, то есть как у Джоре. Уснуть он уснул. А потом начался кошмар. И боль, адская боль. Он всегда думал, знает, что такое боль. Их ведь в школе даже учили ее терпеть и отключать пораженные участки тела от сознания таким образом, чтобы боль не мешала выполнению задания. И хорошо учили. Но никому и в голову не могло придти, что болеть может самосознание. Он не знал, как передать словами обрушившийся на него ад. Боль была в нем, боль была вокруг него, он тонул в ней, не имея возможности даже кричать. Иногда ему казалось, что сознание, убегая от боли, сворачивалось в точку, но и эта точка тоже была ею полна. Спустя мгновение или века сознание взрывалось сверхновой, разлетаясь на мелкие кусочки.

Иногда ему мерещилось тело, его собственное тело, которое неведомая сила разрывает на части и вновь собирает в один истекающий болью комок. И это продолжалось вечно. Бесконечной вереницей в сознании мелькали какие-то обрывки кошмарных образов, и сознание даже тянулось к ним, пытаясь зацепиться хоть за что-то знакомое. Но не удавалось, и оно снова рушилось в бесконечную пропасть. Он тысячи раз умирал, окунаясь в спасительную тьму, и столько же раз вновь воскресал в этом царстве боли. Так продолжалось вечно. Потом еще одну вечность. И еще. Наконец боль стала стихать, или Иван просто к ней притерпелся и перестал реагировать. В сознании со скоростью реактивного лайнера понеслась бесконечная вереница новых образов, они уже не несли с собой боли, он честно пытался уловить хоть что-то и зацепиться, но ему этого не удавалось. Затем приходила новая адская боль, сознание взрывалось и погружалось во тьму. И все повторялось снова и снова. Он уже полностью утратил любое восприятие реальности, перестал понимать, кто или что он такое. И единственным его желанием было прекратить эту нескончаемую пытку. Пусть даже ценой окончательной смерти.

Спустя очередную вечность Ивану показалось, что он слышит чей-то зовущий его голос. Боли уже не было. Но вокруг сознания все еще клубился крайне плотный туман. Долгое время Иван прислушивался, пытаясь найти источник Зова, выдернувшего его из окружающего Ничто. Наконец нашел, более или менее определил его направление. Иван захотел поплыть ему навстречу сквозь туман, но столкнулся с проблемой, как плыть. Тела у него не было, а в тумане любое движение вообще никак не ощущалось, ибо он был Нигде. Но голос звал и звал. Он требовал. И в какой-то момент Зорин нашел решение. Он собрал в кулак волю и просто пожелал оказаться рядом с источником этого голоса. И, о чудо, он воскрес. Воскрес в той же капсуле, куда улегся тысячи, миллионы лет назад. Иван вновь ощущал свое тело. Оно воспринималось несколько непривычно, но все же было его. И, о счастье, не было никакой боли.

— Ты слышишь меня, Ив? Давай просыпайся, аппаратура показывает, что ты уже должен был прийти в себя. Крышка капсулы сейчас откроется, вылезай. — Перед капсулой стоял забавный мультяшный звереныш с обильно стекающими ручьями пота на морде и высунутым изо рта языком.

— Роб?

— А ты рассчитывал еще кого-то здесь найти?

— А что за вид?

— Это чтобы ты понял, как я испугался и как трудился, чтобы вытащить тебя живым.

Образ вытащил из твоих детских воспоминаний, он мне показался наиболее адекватным ситуации. Даже энергии на голограмму не пожалел.

— Считай, справился. Убедительно. Сколько прошло лет?

— Каких лет? Хотя ты и заставил меня поволноваться, вместо двух часов прошло три недели. Я такой реакции на симбионт никогда не видел и даже представить себе не мог. Ты каким-то образом умудрился запустить полную перестройку своего организма. Я картриджи менять не успевал.

— А симбионт встал?

— А с симбионтом, друг мой, вообще странная история. Он-то встал. И даже штатно распаковался. Но потом...

— Что потом? Не тяни.

— Потом ты его съел.

— Это как?

— Это словами не передать. Это надо показывать. Но давай отложим чуть-чуть. Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую? — Иван прислушался к себе. — Странно. Тело слушается идеально, но как будто не мое. И движения получаются резковаты. А так я горы готов свернуть. Вот с глазами какая-то непонятка. Не то чтобы все плывет, но вокруг всех предметов разлиты какие-то цвета. Каждый объект как бы подсвечен. Да и энерговоды я вижу, даже спрятанные в стенах.

— Это у тебя стихийное пси-видение открылось. Подожди. Все должно устояться, потом ты научишься всем этим пользоваться. Благо знаний у тебя теперь столько, что на целую академию хватит.

— Знаний?

— Ну да. Ты же в порыве страсти сожрал не только симбионт, но и все комплекты баз. Причем самым странным образом. Ты их не просто считал, ты их во что-то преобразовал, а потом впитал. Выпил как сок через трубочку. Ты вообще такое творил, что я не знал, что за чудовище вылезет из капсулы. Если останется живым.

— Хватит пугать. Пойдем, я поем, а ты мне все подробно расскажешь. Хотя если честно, то очень хочется тебя прибить.

— А меня-то за что?

— Если бы ты знал, через что я прошел, ты бы вопросов не задавал, а постарался бы прикинуться не потным и усталым, а мертвым. Хотя теперь тебе бы это не помогло. Я тебя вижу.

— Как это видишь?

— Вижу своего рода сияющий цилиндр, укрытый легким облачком сознания примерно на расстоянии пары сотен метров от себя. И из этого облачка, когда ты говоришь, ко мне выстреливает лучик. Так что не спрячешься. И об этом тоже не думай.

— Ты и мысли уже читаешь?

— А то. Попробовал до тебя мысленно дотянуться и получилось. Теперь ты мне полностью доступен. Даже убить могу, не сходя с места. Точнее выпить, вобрав в себя твое сознание и всю содержащуюся в тебе информацию.

— Эй, ты что, ты что. Без меня тебе никак не справиться. Я полезный. К тому же ты забыл, это я тебя спас. Да и заскучаешь ты без меня в одиночестве. Знаешь, что это такое, когда тысячи лет не с кем словом перемолвиться?

— Ладно живи, полезный. Я пошел есть, а то кишки сейчас друг друга съедят. А ты рассказывай и показывай, что ты со мной творил, садюга.

Еда исчезала в желудке с невероятной скоростью, которая ограничивалась только производительностью синтезатора. Иван ел и ел, но чувство сытости никак не наступало. Но что еще более странно, он совершенно не ощущал съеденного. Как будто оно мгновенно исчезает в ядерной топке, не заполняя желудок. Роб объяснил, что модифицированное тело еще не полностью закончило перестройку и ему требуется строительный материал. Наконец Иван немного пришел в себя и стал способен воспринимать информацию. То, что показал ему Роб, поражало. Нет, не так, это было невозможно, но это было. Висящий передо обалдевшим Зориным голоэкранный демонстрировал все этапы надругательства над его бедной тушкой. В красках и схемах. И, разумеется, в многократно ускоренном темпе, что Ивана вполне устраивало. Переживать пусть и зрительно еще раз все, что прочувствовал на протяжении трех недель, не тянуло совершенно.

Вот он укладывается в капсулу и засыпает. На схеме четко видно угасание активности мозга. Вот в основании черепа делается микроразрез, куда тонкий манипулятор капсулы вставляет горошинку симбионта.

Некоторое время ничего не происходит, затем горошинка в голове начинает набухать и прорасти в мозг тонкими нитями. Так опять происходит довольно долго, нити, утолщаясь и уже больше становясь похожими на щупальца из симбионта, разрастаются и начинают опутывать мозг внутри и снаружи. И вдруг одно из щупалец дотрагивается до небольшой внутренней области мозга в самом его центре. Миг, и все резко меняется. Эта область буквально вспухает, а затем начинает реально пожирать симбионт и всевыращенные им щупальца. Теперь уже из этого центра исходят новые ростки, которые добираются до симбионта и съедают его прямо на глазах. При этом ранее отращенные симбионтом нити никуда не деваются, они становятся частью новой выращенной мозгом Ивана системы каналов. Снова небольшой период затишья, а затем весь мозг приходит в движение. Он начинает расти как на дрожжах, делиться и уплотняться одновременно. Один за другим возникают и обособляются какие-то зоны, между ними возникают многочисленные каналы, связывающие всю структуру воедино. Наконец все успокаивается, и наступает новая пауза. Но вот период покоя закончен, новые щупальца из центра мозга устремляются вдоль позвоночника, поглощая и трансформируя уже спинной мозг. В некоторых местах щупальца выходят за рамки позвоночного столба и формируют какие-то нервные узлы уже в теле. Еще дальше из этих узлов многочисленные нити протягиваются по всему телу, сначала вдоль периферии нервных клеток, а затем и многократно умножая их количество. Если в начале процесса тело виделось тусклым фоном с едва заметными нитями нервных каналов, то теперь все тело сияет плотным коконом. Но и это еще не финал. Один за другим изменениям начинают подвергаться скелет и внутренние органы. Их ткань тоже уплотняется, становится ощутимо прочнее и толще. Потом фокус изображения явно переключается на мышечную массу. Она прямо на глазах начинает набухать и в разы увеличиваться в размере. Но затем как будто под мощным давлением объем начинает сокращаться, увеличивая при этом плотность, о чем прямо говорит увеличение интенсивности свечения. Мышцы вновь приобретают привычные объемные очертания, но теперь они на порядок плотнее. Следом

приходит черед кожного покрова. Здесь процесс повторяется практически аналогично. Сначала кратное увеличение толщины, затем мощное сжатие и возвращение к прежним внешним параметрам, но на другом уровне плотности. Да о его кожу теперь сигареты тушить можно, ни хрена не почувствует. Да и прострелить такую шкурку будет не просто, разве что из крупного калибра. Наконец и этот процесс подходит к концу и в заключение из центра мозга истекает святящаяся яркая волна, пробегающая по всему телу.

Самое удивительное, что просматривая все это на голоэкрane, Иван четко понимает суть происходящих изменений. Да и память тела невольно напоминает ему о том, что это не просто кино, а происходившее именно с ним. Ощущения хоть по сравнению с тем, что было, и терпимые, но врагу не пожелаешь.

— Ну и что ты на это скажешь, Роб? Что это все значит? Симбионт не встал? Учти, второй раз я на эту пытку не подпишусь. И так чудом жив остался.

— С одной стороны, ты прав, Иван. Симбионт в привычном для Джоре виде не встал. И думаю, вторая попытка, даже согласишься ты на нее, не поможет. Но это не страшно, есть подозрение, что все функции симбионта тебе вполне доступны. Вот скажи, ты меня слышишь?

— Слышу, разумеется, и что?

— А то, что я говорю с тобой мысленно, а не вслух, а ты этого даже не ощущаешь.

А ведь точно, голос Роба звучал в голове, а не снаружи.

— Вот, — мне даже почудилась ехидная улыбка наглого искина, — а это и есть одна из функций симбионта, мыслесвязь называется. Уверен, что тебе и все прочие доступны. Ты же даже в меня залез, а это проявление пси, причем, мощного. Даже среди Джоре такое было редкость. И все сильные псионы стояли на строгом императорском учете.

— Прикольно. А как ты объяснишь, что со мной произошло?

— Однозначно сказать трудно. Но судя по тому, что я наблюдал, дело не в симбионте или ошибке программы внедрения. Дело в тебе, Иван. Ты потомок Сеятелей. И твой мозг это их мозг, пусть и по большей части в спящем состоянии. А Джоре это их создания. Все технологии симбионтов Джоре достались от Сеятелей, только в существенно упрощенном виде, подходящем их мозгу. У Джоре симбионт при внедрении организовывал работу мозга, наращивая новые связи и принимая на себя существенные функции управления. В твоём случае, когда симбионт попытался внедриться в так называемый средний мозг, то произошла его полная активация. В итоге симбионт был воспринят тобой как примитивное устройство, пытающееся взять контроль над твоим мозгом. Это как калькулятор попробовал бы взять контроль над мощным компьютером, говоря твоими понятиями. Что случилось дальше, я могу только догадываться. Твой мозг начал взрывной процесс активации, сожрал симбионт, точнее всю содержащуюся в нём информацию и программы, а затем выстроил все эти функции на собственной основе. Далее уже в твоём мозге самостоятельно запустились какие-то древние установки, зашитые в спящие области ДНК, и мозг начал перестраивать твоё тело. В итоге теперь ты весишь более двухсот килограмм, кожу не пробить из ручного бластера, скорость бега, подозреваю, под сотню километров в час. Ну и еще куча подобных плюшек. Надо потом будет на тренажерах проверить все твои способности.

— Офигеть, ну я и монстр. И это, говоришь, за три недели?

— Да, только ты еще не знаешь, какой ты на самом деле монстр. Я тебе еще не все показал.

— Тогда колись, что еще произошло.

Снова развернулся голоэкрэн, только теперь он показывал всю капсулу целиком. Чуть в стороне лежал кофр с отобранными для изучения базами. Кристаллы ярко светились, отражая наполненность информацией. Неожиданно из капсулы во все стороны на несколько метров выплеснулась туманная сфера. Немного зафиксировалось, потом схлопнулась, но не до конца. Туман из существенно сократившейся сферы уплотнился и принял форму щупальца, протянувшегося в сторону кофра с кристаллами. Достигнув кофра, щупальце проникло внутрь, обволакивая вновь уплотнившимся туманом кристаллы. Следом над каждым кристаллом образовалось туманное облачко, связанное с ним тонкой светящейся нитью. Затем облачка, не смешиваясь между собой, начали внутреннюю перестройку. Туман становился плотнее и периодически вспыхивал разноцветными волнами. Когда этот процесс завершился, щупальце оставило в покое потускневшие и почти погасшие кристаллы и принялось попеременно присасываться к преобразованным облачкам. Прокатилась волна, и, заиграв радужными всполохами, образовался искрящийся поток, протянувшийся от облачков к капсуле. Облачка всасывались в этот поток и исчезали. Нити, соединявшие их с кристаллами, лопались, а сами кристаллы, окончательно гасли, рассыпаясь в пыль один за другим. На параллельном экране возникло вновь изображение мозга Ивана, из которого это щупальце, как выяснилось, и тянулось. Радужный искрящийся поток пробежал по нему и всасывались в мозг, который забурлил и пошел волнами, начиная постепенно светиться. То одна, то другая область больших полушарий мозга начинала сиять особенно интенсивно. На какой-то момент Зорину даже показалось, что внутри мозга замелькали электрические разряды или что-то им подобное. Потом все успокоилось, всполохи иссякли, мозг еще несколько раз пустил по своей поверхности волну и успокоился. Свечение медленно начало угасать.

— Не понял, я что и базы все съел?

— Ну я бы сказал, выучил, если бы это не выглядело столь фантастично. Только перед этим ты их во что-то преобразовал. Точной информации о процессе у меня нет, но есть определенное предположение.

— И какое же?

— Ты каким-то образом умудрился преобразовать формат баз знаний. Из цифрового в образный. Это как условно книжку с текстом превратить в фильм. В итоге физический объем материала уменьшился примерно раз в двадцать. При этом, как я понял, образный формат идеально совпадал с твоим внутренним восприятием. Таким образом, это совпадение плюс кратное уменьшение объемов баз позволило тебе напрямую загрузить информацию в мозг, распределив по зонам хранения. Обычный процесс изучения баз предполагает сначала их считывание и запись в мозг в цифровом виде. А уж затем в процессе изучения баз идет их преобразование в понятные и доступные для длительного хранения образы. Ты же умудрился перевернуть процесс с точностью до наоборот. Сначала преобразовал, а потом записал уже в готовом, понятном для пользования виде.

— А почему Джоре так не делали? Это же во много раз быстрее и удобнее.

— Тут проблема в формате. Образный формат, индивидуален для каждого человека и определяется его внутренним восприятием. Так что внешнее хранение информации в одинаково для всех доступном и образном виде невозможно. А технологией преобразования, которую продемонстрировал ты, в Империи, насколько я знаю, никто не владел.

— Ух ты, какой я уникальный. — Голос Ивана был пропитан всей иронией, которую он был способен передать. — А почему я ничего не чувствую?

- Скажи, сколько светолет способен преодолеть мой, а теперь уже наш, рейдер за один прыжок в гиперпространстве?
- Около двухсот пятидесяти на полном разгоне, а что?
- А то, что эта информация содержалась только в базе “Пилот” второго ранга. А симбионт поставить в капсуле сможешь?
- Да легко, чего там ставить? Проверить настройки капсулы, настроить капсулу на индивидуальные характеристики пациента, далее всего пять последовательных команд, и следы, чтобы все нужные картриджи были заправлены.
- А это уже база “Медицина” третьего ранга. Псионика тоже явно встала, на себе ощутил. Так что скорее всего все базы тобой усвоены, хотя для меня это выглядит явным абсурдом. Ты, конечно, не торопись, навыки еще нужно на тренажерах обкатать для закрепления информации, но чудо произошло, никуда от него не деться.
- Обалдеть, то-то голова до сих пор, как мешком прибитая.
- Тебе сейчас лучше всего отдохнуть. И самое хорошее в капсуле, под надзором.
- Что опять издеваться будешь?
- Нет-нет, просто сон и контроль состояния, больше никаких экспериментов. Ну тебя в болото. Учти, у тебя сейчас в голове должна быть полная каша от такого объема впитанной информации. Чтобы она улеглась, необходима минимум неделя без нагрузок и под жестким медицинским контролем. Как-то не хочется вновь опасаться за потерю партнера.
- Ишь, поднахватался у меня словечек и выражений. Ладно уж, пошли в твою капсулу, спать и вправду охота.

Следующее пробуждение оказалось намного приятнее. Ничего не болело, тело несмотря на длительное состояние покоя было полно бодрости и энергии. Хотелось взлететь или по крайней мере выскочить из открывшейся капсулы единым слитным движением. Появилась четкая уверенность, сможет. Но сдержав первоначальный порыв, Иван решил еще немного полежать и оглядеться. Захотелось мысленно ощутить весь корабль целиком, он ведь так до сих пор и не понял до конца, где находится. Перед глазами немедленно возникла голограмма, снабженная текстами подсказок. Ударный рейдер прорыва класса тяжелый крейсер модели “Викинг”. А ничего себе кораблик, подумалось Ивану, рассматривая медленно крутящуюся перед ним трехмерную схему судна, имевшего форму зубила почти километровой длины. Схема различными цветами подсвечивала отдельные системы. Так, рубка в самом центре, надежно скрытая от поражения многочисленными ярусами и мощной внешней броней корпуса. Сразу за рубкой модуль гипердвигателя. Далее к корме вытянутые маршевые и разгонные двигатели, между которыми по центральной оси расположились топливные баки. Перед рубкой по той же центральной оси реакторный отсек, далее уже по всей ширине корабля посадочная палуба ботов, ремонтные отсеки и трюмы. Носовую часть всю полностью заняли системы вооружения главного калибра. Жилые палубы и медицинский и технический отсеки расположились на среднем ярусе в центральной части корабля. Внешний ярус был отдан системам вооружения, многочисленным датчикам контроля пространства, системам маскировки и дальней связи. Тут же располагались и многочисленные маневровые двигатели. Между внешним и средним ярусами проложены основные магистрали энергопроводов и каналов внутренней связи. Стоило сосредоточить внимание на какой-либо системе корабля, как тут же эта система зрительно приближалась и укрупнялась, а на ее фоне следовал длинный перечень оборудования и его ТТХ, выглядевший наподобие земного гипертекста. По желанию список можно было прокручивать в любую сторону. Для углубленного знакомства с любой характеристикой или спецификацией оборудования достаточно было сосредоточить на нужной строке свое внимание и заставить ее выделиться. Удобно, блин. К сожалению, вся эта красота давала представление о возможностях нового корабля. А в каком состоянии находится наше старое разбитое корыто, еще надо разобраться.

Иван мысленным усилием убрал схематическое изображение корабля, сосредоточился и попытался представить пространство вокруг него. Немедленно ощутил отсек, расцветенный так, что в глазах рябило. И еще было очень непривычно видеть картинку на триста шестьдесят градусов вокруг себя.

— Ты чем это занимаешься, вместо того, чтобы вставать? Я же просил тебя первые дни не напрягаться.

— Привет, Роб. Хватит ворчать. Лучше подскажи, почему у меня в глазах рябит, когда я мысленно отсек обзираю.

— Это твое пси так воспринимает информацию. Просто ты пытаешься смотреть во всех диапазонах одновременно. Представь, что ты увидишь, если будешь одновременно смотреть на что-то во всех спектрах электро-магнитного диапазона от гамма-спектра до микроволнового. Здесь примерно то же самое. В принципе настроить внутреннее психическое зрение для тебя не проблема, достаточно захотеть видеть что-то определенное. Потом

попрактикуешься, наработаешь ряд шаблонов и стандартов, и переключайся с одного видения на другое, сколько хочешь. Зато каждый раз будешь видеть что-то конкретное и тебе понятное. А сейчас у нас другая задача. Ты должен дать мне приказ начать диагностику и восстановление корабля.

— А я уже вправе отдавать тебе приказы?

— Да. Пока ты спал, я попробовал связаться с тобой на волне, которая использовалась симбионтами Джоре для внешней связи.

— Удалось?

— Да, хотя бы лучше не пытался. Ты меня послал в грубой форме, заявил, чтобы я не мешал тебе спать, а если еще раз попробую, то могу остаться с кастрированной личностью. После чего подробно разъяснил мне термин кастрация применительно к искусственным интеллектам и отрубился.

— Это я могу. Послать это запросто. Но как это связано с приказами.

— А я просто понял, что тебе совершенно по фигу на любые мои старые закладки. Ты их просто не замечаешь, а любые твои указания сами собой для меня приобретают высший приоритет.

— Прекрасно, значит, будешь у меня ворчливым, но послушным искином. А теперь приступай к диагностике и восстановлению корабля. В первую очередь проверь и отремонтирую хотя бы один бот. Хочу слетать на место крушения корабля, который меня сюда занес. Может быть найду хоть какую-то информацию о его маршруте.

— Хочешь найти свою планету?

— Разумеется. Хватит болтать, приступай к работе. И еще, составь мне полный перечень недостающих запчастей и оборудования, которое нам потребуется для полного восстановления рейдера. Плюс хотелось бы знать, какие корабли с обеих сторон принимали участие в той бойне.

— Будет сделано, мой капитан.

— Ты еще здесь?

— Я всегда здесь, а мне, кстати, потребуется твоя помощь. Во-первых, надо решить вопрос с энергией. Реакторы еще предстоит запустить, да и починить, а то и заменить некоторые, но пока проблема в другом. Энергия в принципе есть. Мне надо рассказать тебе еще об одной технологии Джоре. Корпус любого имперского корабля покрыт слоем наноботов, которые способны накапливать энергию и создавать вокруг корабля защитное поле. Также эта энергия при пробоях брони позволяет зарастить повреждения. Причем накопление энергии этими ботами идет из внешнего пространства. Собственно именно это качество и позволило кораблям продержаться все эти тысячи лет. Иначе бы затакой срок простая космическая пыль и мелкие метеоры давно бы превратили корпуса в решето. А так за пять тысяч лет корпуса фактически самовосстановились и стали еще прочнее, чем были раньше. Боты внешнего покрытия просто переполнены энергией. Но есть проблема. Эта энергетическая система изолирована от внутрикорабельной. Осуществить энергообмен может только живой оператор, отдав конкретный приказ. Искинам эта функция недоступна. Так что ты должен отдать мне такой приказ на перекачку излишков энергии внешнего корпуса во внутренние накопители корабля. Дальше я все сделаю сам.

— Считай, приказ ты получил. Действуй.

— Принято. Второй момент. Ты теперь мужчина сильный, поработаешь грузчиком. Надо будет собрать ремонтных и технических дроидов по кораблю и подтащить к пунктам

подзарядки. Сами они, как ты понимаешь, давным-давно лишились энергии. Чтобы они работали, надо их сначала зарядить. Месторасположение зарядных выходов и дроидов я тебе скинул. Заодно, пока занимаешься физическим трудом, мозги отдохнут и придут еще больше в норму. Только комбез в режим скафандра перевести не забудь, за пределами этого отсека все по-прежнему.

Насчет физического труда Роб явно погорячился. Нет, со своими новыми кондициями наиболее мелких ремонтных дроидов Иван оказался способным сдвинуть с места и даже протащить некоторое расстояние по полу. Поднять даже не пытался. С трудом дотащив второго до “розетки” и поставив его на зарядку, он понял, что делает что-то не то. Если, как говорит Роб, он стал мощным сенсом, то почему бы не попробовать поиграть в джедаев, которые по мановению пальца целые корабли двигали без особого напряжения. Получилось, хотя пришлось помучиться, прежде, чем первая тушка дроида, послушная Ивановой воле, взлетела над полом и медленно двинулась в нужном направлении. Хвала инженерам Джоре пару падений на пол из-за потери моей концентрации дроид пережил без потерь. По крайней мере, внешних. А основная проблема, как Иван догадался, была в его неверии в собственные силы. Трудно, знаете ли, убедить себя в наличии способностей супермена, когда всю жизнь твердо знал, что такое невозможно. Да и неправильно он себя изначально настроил. Тужился, пытался поднять железяку силой взгляда, тянул к ней мысленно руки. В общем, извращался как мог. А все оказалось куда проще. Оказалось нужно просто захотеть. Но захотеть особым образом, с полной отрешенностью и такой же уверенностью в своей способности реализовать желание. Когда он, уже измученный неудачными попытками и подсмеивавшимся на заднем фоне Робом, категорически отказавшемся помогать, решил уже вернуться к физическим упражнениям, тут все и случилось. Посмотрев злобно на упорно не желавшего шевелиться от моих потуг дроида, Иван просто выругался и мысленно приказал ему взлететь, будучи совершенно расслабленным и уверенным, что ничто в этом мире не способно сопротивляться этому требованию. Каково же было его удивление, когда дроид послушно впечатался в потолок, после чего благополучно рухнул обратно. Гравитация на корабле была включена с момента появления Ивана на борту. Пришлось немедленно уходить в медитацию, последовательно восстанавливая в памяти приведшее к успеху ощущение. Ощущение желания и одновременной отрешенности, уверенности в себе и своих возможностях и одновременно с четким отделением самого себя от желания и этой уверенности.

— Тише ты, последних ремонтников доломаешь. Аккуратнее надо и четче формируй мысленный приказ, чего именно ты хочешь. Можешь при этом не пыхиться, никуда ручки тянуть не надо и напрягаться тоже, просто четко и конкретно сформируй в голове желание, указав объект.

— А раньше подсказать трудно было?

— А раньше ты бы не поверил и ничего бы не получилось. Сейчас же ты точно знаешь, что можешь. Почему ты думаешь, для развития пси-способностей одной базы любого ранга мало, нужно все на тренажерах отрабатывать? Именно для того, чтобы сомнений не испытывать, а твердо знать границы своих возможностей.

Иван понял, что все его попытки опробовать свои новые способности методом тыка никуда не годятся. Роб абсолютно прав. Куча фантастических умений и возможностей при полном отсутствии опыта и даже элементарного понимания о них. Решено, помогаем Робу реанимировать технических и ремонтных дроидов и как можно быстрее приступаем к

плотным тренировкам. Благо зал с тренажерами на корабле практически не пострадал. Осталось только подать к ним энергию, проверить работоспособность встроенных искинов и реанимировать в этом отсеке систему жизнеобеспечения.

Но перед этим Ивану пришлось срочно решать еще одну проблему. Поначалу ему никак не удавалось отдать какие-либо указания любому из видов оборудования. А ведь именно управление техникой от собственного комбеза и пищевого синтезатора до сложнейших электронно-технических комплексов было главным направлением работы симбионтов. И это было очень странно на фоне всех остальных проявлений работоспособности его квазисимбионта, или во что там это все в итоге превратилось. Пришлось в деталях узнавать у Роба, как технически происходит процесс управления оборудованием. Все оказалось просто. Оператор создает в голове образ команды, симбионт переформатирует его в коды, понятные оборудованию, улавливает встречные сигналы и отдает новые команды. То есть первичные процессы это перекодировка управляющих сигналов и обратная перекодировка сигналов оборудования в понятные мозгу образы. Примерно так в земном программировании человек пишет алгоритм и программу на языке высокого уровня, а потом компилятор и транслятор преобразуют эту программу в двоичные коды, воспринимаемые компьютером. О, кажется чуть было не упустил еще одну особенность. В компьютере человек сразу пишет программу на его носителях. Здесь же команды передаются по беспроводному соединению типа земного Вай-Фай. А это в свою очередь означает, что мозг должен генерировать и считывать сигналы на частоте внешних коммуникаций местного оборудования. Нужно ее нащупать. Ага, получается, для этого только достаточно захотеть и мысленно прокрутить в голове частотный диапазон, как будто крутишь рукой настройку радиоприемника. Так поймали и зафиксировали. Теперь Иван точно знал, как передать сигнал или его считать. Интересно, а его мысленное общение с Робом происходит по тому же принципу? Оказалось, да. Только мощность сигнала, исходящего от Роба выше, а несущая частота зафиксирована сформировавшимся нервным узлом в одной из областей мозга. То же самое потребуется и для работы с оборудованием. Ок, связь наладили, но пока ни Иван не понимал оборудование, ни оно его соответственно. Пришлось вновь посоветоваться с Робом. И опять все оказалось технически проще некуда, но самостоятельно до этого можно было и не додуматься. С формированием команды-образа проблем не было изначально. Зачем спрашивается вообще командовать, если не знаешь, чего хочешь. А если знаешь, то и образ желаемого результата уже имеется. Остается проблема перекодировки. Вот она-то и оказалось простой до безобразия. Нужно было лишь захотеть эту перекодировку произвести, а уже знания программирования и кибернетики, усвоенные мозгом из баз, делали все остальное. Ну и для простоты и удобства дать самому себе команду сформировать нервные узлы, ответственные за подобные виды работ. Эти узлы превратились в своего рода внутренние компьютеры в голове, причем уже сразу со всем необходимым ПО. Чудо, а не технологии, особенно когда есть умный приятель-искин, который научит тебя “ходить”.

К тренировкам Иван смог приступить через три дня, которые были для него самыми скучными. Нет, совсем без дела он не сидел. Внимательно изучил присланный Робом список кораблей, останки которых должны находиться в системе, их характеристики и возможности. Даже постарался мысленно увидеть их, выйдя своим пси за пределы корабля. Частично получилось, но ничего конкретного разглядеть не удалось. Нарботанного умения не хватало. Придется лететь и смотреть вживую. Но он понял, что располагая таким богатством, одного корабля будет мало. Еще на Земле Иван иногда почитывал фантастику и сталкивался с сюжетами, где герой волею судеб оказывался на кладбище погибших кораблей и в итоге создавал себе такую неубиваемую многофункциональную конфетку, что дальше пер по жизни, раскидывая врагов одной левой. А чем, спрашивается, он хуже. Кладбище имеется. Герой, то бишь он сам, в наличии. Да и плюшек в собственный организм успел отхватить, дай бог каждому Марти Сью. Осталось дело за малым. Понять, чего он в итоге хочет и с какой целью. Как ему упорно и много лет подряд вдалбливали в голову инструктора, каждое действие должно быть осмысленно. Все действия должны быть подчинены конкретным достижимым целям. И путь к каждой цели должен быть тщательно просчитан и проработан во всех возможных вариантах.

Итак, чего он хочет? Вернуться домой, однозначно. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что ему это доступно. Не решил пока, сразу искать Землю или побродить по галактике, но этот момент можно уточнить позднее. Путь домой упирается в знание координат родной системы, которые пока отсутствуют. Они могут найтись либо среди обломков “его” корабля, либо придется их искать более сложным путем. Надо будет выходить на тех, кто такие координаты имеет. Раз похитили Ивана, значит, и других регулярно похищают, вряд ли он такой весь из себя уникальный. Разве что тем, что выжил. Роб ему рассказал, что по остаточному следу прокола пространства может примерно рассчитать вектор движения корабля, который Ивана сюда занес. Увы, только вектор, какова была длина прыжка, неизвестно. Но и вектор это уже немало. Придется искать и потрошить на информацию всех, кто встретится по дороге. А для этого надо быть не просто сильным, а очень сильным. Кто его знает, какие ребята сейчас по галактике бродят, если тому, что есть здесь тысячи лет? Хотя по предварительной оценке Роба “его” корабль ничего из себя не представлял. Ни в военном, ни в технологическом плане. Скорее примитив, уступающий технике Джоре на несколько порядков. Хотя изучить обломки стоит подробнее. Вот слетает, просканирует и будет делать выводы. Хоть бы искин на корабле сохранился, это бы сильно помогло.

Что он будет делать, когда прилетит на Землю, Иван пока не решил. Не вырисовывалось у него ни одного простого решения. Однозначно не стоит идти к государству. Ни к какому, включая родное. Продадут ни за грош, хорошо, если за счет новых способностей выживет и спрячется. Да и нечего им подарки делать, только какую-нибудь очередную бойню на планете затеют на фоне нарисовавшейся крутизны. Стоит подумать насчет школьных кураторов, если пока он доберется до Земли, коды и каналы связи еще будут действовать. Это люди правильные, воспитанные Империей. Хотя протухают, бывает, любые. Смотреть надо. Или куда проще, прилететь, подцепить подходящую деваху, модернизировать ей организм наподобие моего, да отправиться вместе гулять по вселенной, создавать новую цивилизацию. А еще лучше компанию из сотни пар надежных ребят подобрать. Да хоть из

выпускников его же школы. Патриархом станет, про него потом через десяток поколений какую-нибудь библию напишут. Чего-то не к добру он размечтался, аж возбудился слегка, про девок подумав. А ничего удивительного. Он и раньше импотентом не был, а уж после “оптимизации” организма так вообще, парень хоть куда. Ладно, опроблемах на Земле еще сможет подумать, время будет. Да и когда он еще до Земли доберется. Если вообще доберется. А пока тренажеры и пахать, пахать, пахать.

В тренажерах почти безвылазно Иван провел месяц. За это время опробовал все имевшиеся виды. Пилотаж, инженерия, боевка со всевозможными видами оружия, включая холодное, а так же и без оного. Она как раз пошла проще всего, сказывалась еще земная школа. Но если там он с полным основанием считал себя если не экспертом, то мастером, то здесь быстро понял, что работать еще и работать над собой. Выученные базы здорово помогали, но наработка навыков на практике шла трудно. Тем более, что далеко не во всех дисциплинах имелся достойный опыт. Где он на Земле мог получить практику абордажных операций, спрашивается. И Зорин пахал так, что папа Карло нервно курил вуглу, смахивая холодный пот со лба. Еще раз низкий поклон его учителям, не дававшим спуска с детства. Тяжелее всего давалась псионика. И не просто как самая новая для Ивана область. Проблема была в разрушении внутренних тормозов. Ведь практически все, что приходилось осваивать, он до определенного момента считал магией. То есть красиво и к месту смотрящимся в книжках фэнтези, но являющимся невозможным в реальном мире. Но ничего, потихоньку и здесь процесс сдвинулся с мертвой точки. Многому научился из того, что ранее как раз и встречал исключительно в книжках про магию. Тренировки пси неожиданно помогли с освоением инженерных специальностей. Открылись способности к многоканальному оперированию. Теперь Зорин мог независимо мыслить сразу пятью потоками. Хотя имелась одна особенность. Пятерых равноценных Иванов не получилось. Один канал оставался главным, именно в нем располагалось ядро его личности. Четыре канала стали подчиненными. Для того, чтобы подчиненный поток начал работать самостоятельно, ему предварительно было необходимо временное слияние с главным потоком, постановка четкой задачи и алгоритма ее решения, и уже потом он начинал работать самостоятельно. Роб говорит, что у Джоре процесс был организован иначе. У их псионов все потоки сознания были равнозначны, а в роли центра управления и координации выступал симбионт. Тот самый, который мозг Ивана съел вместе с отдельной псевдоличностью. Вот теперь и пришлось один из каналов задействовать на эту роль. Но он не в обиде. Это все же куда лучше, чем постоянно ощущать у себя в голове независимого собеседника. Так и до шизофрении недалече.

Так вот, об инженерии. До момента разделения сознания Ивана эта тема не слишком привлекала. Управлять инженерным комплексом даже из десятка дроидов было интересно только первое время, потом приелось. А вот когда научился параллельно решать сразу несколько задач и командовать несколькими “бригадами”, дело пошло веселее. Еще интереснее стало, когда добрался до задач множественной оптимизации. А таковых в космическом кораблестроении сколько хочешь. Мечтаешь о большом корабле с мощной броней и крутыми пушками, изволь обеспечить достаточную энергию реакторов. Это не считая массы покоя, способной выдержать отдачу желаемых орудий. Реакторы требуют места и утяжеляют конструкцию, это влечет за собой требования к разгонным двигателям по количеству и удельной мощности. Им всем требуется топливо, это новый вес, замедляется разгон. Так что много, круто, быстро и незаметно, не получается. Приходится искать

компромисс.

Пилотаж на удивление впечатления не произвел. Точнее на малых кораблях все классно. Скорость. Маневренность. Перегрузки, скоротечные космические бои с виртуальным противником. Супер. Вылезал из тренажера мокрый и выжатый как лимон, но с огромной улыбкой от уха до уха. Особенно когда удавалось побеждать. А вот большие корабли уже не так увлекательно. Хотя и на них драйва хватало, если повоевать. Маневры уклонения, залпы главного калибра, игра в догонялки по обе стороны процесса. А сам пилотаж скука. Рассчитал с помощью искина маршрут и координаты прыжка, разогнался, залез в гипер и несколько дней нечего делать. Как пилоту имеется в виду. Сначала увлекли массовые баталии, где приходилось командовать флотами. Но тоже быстро приелось. Как в компьютерные игрушки. Видимо, и ощущение того, что командовать большим флотом Ивану вряд ли когда-нибудь придется, резко снижало интерес.

Если кто-то думает, что через месяц он вылез из тренажерного зала этаким крутым перцем наподобие того, как ему удалось вместо двадцати лет за три недели базы поднять, то он глубоко заблуждается. Конечно уровень крутизны по сравнению со ним прежним существенно прибавил, но до финала еще пахать и пахать. Как бы не годы. Более или менее уверенно освоился на практике с первыми двумя рангами баз и частично залез в третий. Тут надо пояснить. Базы у него действительно оказались выучены все по пятый максимальный ранг. Тут без обмана. При необходимости, пораскинув мозгами, он задачу любого уровня решит. Но все это будет на уровне “знаю как, но пробую впервые”. А вот начальные уровни они уже на автопилоте выполняются, на уровень практических навыков и рефлексов перешли. Почувствуй разницу.

Наконец настал знаменательный день. Роб доложил, что один из имевшихся на корабле катеров полностью восстановлен, заправлен, снабжен рабочим искином и готов к пилотированию. Гипердрайва катер не имел, зато для перемещения по системе одной операторской тушки лучше не придумаешь. Роб совершенно правильно выбрал для вояжа катер инженерно-спасательной направленности. На корабле были еще штурмовые и абордажные катера. Имелись и истребительные беспилотники, но воевать пока не с кем. Так что инженерный катер как раз то, что доктор прописал. И в обломках поковыряться, и состояние кораблей хотя бы на глазок проверить. Катер представлял из себя вытянутый параллелепипед длиной метров тридцать со слегка скошенным носом. Никакой эстетики, Роб рассказал, что в империи с эстетикой кораблей вообще никто не заморачивался. Все было принесено в жертву целесообразности, рациональности и унификации. Фактически корабли как конструктор “Лего” собирались из стандартных модулей, навешиваемых на силовой каркас корабля. Потому и формы упрощены до минимума. Рубка катера с двумя пилотскими ложементами занимала тот самый скошенный нос катера, две небольшие каюты сразу за рубкой, дальше отсек с комплектом инженерных дроидов, далее реакторный блок и за ним небольшой трюм. Завершался катер маршевыми движками. Маневровые располагались по всему корпусу, придавая кораблику безумную маневренность. Лишь бы пилот выдерживал нагрузки. Эту “радость” Иван еще на тренажерах ощутил даже при всей его многократно выросшей выносливости. Бак с топливом располагался под технологическим полом на брюхе. Еще стоит отметить четыре манипулятора, выдвигавшихся при необходимости из скрытых них в корпусе. Оружие представлено тремя турелями ПКО сверху и двумя такими же под днищем катера. Но их этих пукалок только мелкие астероиды с курса сшибать. Хотя при удаче можно и от ракет отбиться. Если тех мало. На носу два главных калибра импульсных лазера. От истребителей отбиться помогут, но уже корабли класса корвет или тем более фрегат им не по зубам. Разумеется, это об имперских стандартах судов. Ну так катер и проектировали под совершенно иные задачи. Двигатели. Например, стояли повышенной мощности. Тот же самый фрегат при необходимости до верфи легко дотащит. Если в рамках одной системы, разумеется. Вот собственно и весь кораблик, в рубке которого Иван сейчас устраивался для первого “выхода в свет”. Ну, понеслась.

Да, сколько тренажеры не мучай, а ощущения реального полета, тем более первого, вещь незабываемая. Вот как передать восторг от безграничного космоса вокруг и верткого, послушного твоим рукам корабля? Вроде бы в тренажере то же самое. Но ведь там при полной адекватности картинки и даже ощущений все равно какая-то часть мозга точно знает, что это обман. А здесь все по-честному. И если в тебя какой-нибудь прохлопанный тобой астероид вмажется, то последствия будут соответствующими. Вплоть до фатальных. Оттого и адреналин в крови совершенно иного качества и количества. Покрутив несколько минут безумные пируэты и поорав что-то матерное в свое удовольствие в пространство, Зорин наконец успокоился и остановив движение катера, задумался что и в каком порядке делать. Чем очень обрадовал искин катера, который уж было решил, что ему достался пилот-смертник. О чем он Ивану и сообщил. За что немедленно получил кличку Заяц. Хотел сначала трусом назвать, но решил не обижать. У него тут кроме искинов больше

собеседников нет. И вряд ли предвидится в ближайшем будущем.

Полетел сначала к обломкам доставившего Ивана корабля по координатам, скинутым Робом. Включив при этом обзорный экран, создававший ощущение полного парения в космосе. Он в анатомическом ложементе, а вокруг бесконечность пространства, перемигивающегося разноцветными далекими звездами. Светило системы ему показалось мрачноватым. Тускло-багровые тона, никакого сравнения с родным Солнцем.

Подлетал к месту крушения или точнее выпадения принесшего его сюда корабля Иван с определенным волнением. Была у него надежда, что искин корабля мог оказаться целым. Увы. Обшарив всю грудку обломков, искин он все же нашел. Но вот он выглядел каким угодно, но не живым. По крайней мере пси Ивана ничего не чувствовало, да и многочисленные вмятины и пара пробоин в цилиндрическом корпусе особых надежд не оставляли. Кстати, оставался еще вопрос, какой именно искин ему попался. Их на корабле могло быть далеко не один. На теперь его, Ивана, рейдере таких искинов было восемь. Роб их был вынужден отключить от энергии, ради продления теоретической жизни корабля. Сейчас он как раз занимался их реанимацией. Впрочем, Иван все же решил забрать поврежденный цилиндр искина на случай, что ему удастся с помощью Роба вытащить из него хоть какие-то остатки информации. Интуиция, которая Зорина и раньше не подводила, а теперь в разы обострившаяся, шептала, что он все делает правильно. Что-то из убитого искина вытащить удастся. Не совсем то, что нужно, но явно полезное в дальнейших поисках. Закинув искин в трюм катера с помощью манипулятора, он убедился, что в оставшейся грудке обломков корабля нет для изучения ничего интересного, и отправился на место побоища.

Кладбище кораблей завораживало. Вот представьте себя, скажем на Курской дуге после того, как битва закончилась, а сгоревшие и подбитые танки еще никто не растащил. И их на ограниченном пространстве, которое способен охватить ваш взгляд, тысячи. Представили? А теперь усильте ваше впечатление на порядок, ибо в отличие от танковой битвы, эта произошла не на поверхности, а в объемном пространстве. А ее участники по отношению к Вам крупнее не в десятки, а в тысячи и даже миллионы раз. Кого здесь только не было, от юрких стремительных истребителей лишь вдвое-втрое по размеру превышавших земные боевые самолеты до многокилометровых туш гигантских линкоров и авиаматов, на фоне которых истребители выглядели мелкой мошкаркой. Это еще не говоря про бесформенные громадные обломки, в которые превратились отдельные корабли или даже целые группы кораблей. Зрелище древней трагедии, разом унесшей жизни сотен тысяч, если не миллионов разумных, было одновременно торжественным и мрачным.

Иван пока не забирался в гущу скопления корабельных останков, скользя на катере с включенным внешним обзором вдоль кромки гигантского поля кладбища. Взгляд даже как-то безучастно фиксировал и маркировал внешне неповрежденные или мало поврежденные корпуса кораблей для последующего более внимательного исследования на предмет трофеев. Неожиданно его взгляд, брошенный на сканер, заметил какое-то скопление техники в нескольких тысячах километров от основного кладбища с другой стороны от катера. Высветив этот район на голоэкрane рубки, Иван максимально увеличил изображение, приближая заинтересовавший его район пространства. Два крупных корабля и куча мелочи вокруг них образовали самостоятельную группу вне основной свалки. Разобрать что-либо конкретное было сложно, и он решил подлететь поближе. Интуиция ли подсказала такое решения, или ему просто надоело наблюдать бесконечную мешанину кораблей и обломков на основном кладбище, но сделал он это не зря. Через пару минут Иван увидел его.

Нет не так, ЕГО! Корабль, захвативший воображение и буквально приклеивший к себе взгляд. Судно в отличие от большинства безликих параллелепипедов и призм разных размеров выглядело принцем на фоне бездомных бродяг. Формой оно напоминало две немного вытянутые в эллипсоид и приплюснутые полусферы, разделенные между собой многометровой вертикальной полосой, состоящей из бесконечного ряда ангарных створов. Некоторые были открыты настежь. Классическая летающая тарелка. Но какого размера! Более шести километров в диаметре по центральной оси. Большая авиаматка класса “Улей”, как услужливо подсказала Ивану изученная база. Все же есть неоспоримые преимущества в системе знаний Джоре. Обратил свое внимание на что-либо и абсолютная память тут же выдает всю требуемую информацию по предмету. Если до этого она была соответствующим образом получена и изучена.

Для своего типа корабль был уникален даже по имперским стандартам. Одна из последних на тот момент разработок императорских верфей, предназначенная для действий в глубоком космосе как индивидуально, так и в составе эскадр. Собственно корабль и представлял собой целую эскадру. Полная комплектация предусматривала на борту пятьсот тяжелых истребителей-штурмовиков “Шершень” класса космос-атмосфера, защищенностью и вооруженностью способных побороться почти с любым кораблем малого класса. Плюс к этому десять малых торпедоносцев “Акула” и два десятка миноносцев среднего класса “Рубеж” с боекомплектом в виде полноценного управляемого минного поля объемом в пару тысяч кубических километров. Названия всех этих кораблей и корабликов, разумеется, взяты из баз. И на языке Джоре выглядели и звучали совершенно иначе. Но ассоциативная цепочка услужливо подобрала Ивану наиболее подходящие аналоги из русского языка. Мобильная ударная мощь представлена пятидесятью тяжелыми орудийными платформами “Крепость”, оснащенными крупнокалиберными тоннельными орудиями, мощность залпа которых заставит покраснеть иной линкор. Минус платформ только в их плохой маневренности и неспособности к самостоятельным гиперпрыжкам. Зато щиты от кораблей малого класса. Но все это лишь боевая часть мобильной эскадры, базировавшейся на “Улье”. Было еще шесть инженерно-ремонтных кораблей, мобильный завод по производству топлива, десяток шахтерских ботов, два малых корабля РЭБ и три разведчика, оснащенных мощнейшей системой маскировки “Вуаль”. Чудо, а не корабль. С первого взгляда Иван влюбился. Не известно, что сыграло в этом главную роль, земное представление о кораблях, включая многочисленные мифы именно о “летающих тарелках” НЛО, внутреннее требование эстетики или что-то другое, но он ХОЧЕТ этот корабль. И ведь не в размерах дело. Вон неподалеку висят туши линкоров в полтора раза больше по длине. А на них тоже по штату хватает “летающей мелочи”. А ударная мощь так и в несколько раз выше без полного развертывания эскадры носителя. А Иван прекрасно понимал, что после такой бойни, что здесь случилась, больших шансов на хотя бы существенный процент комплекта кораблей ему не найти. Разве что повезет и на самой матке окажется ряд неисправной техники, а в космосе удастся найти и реанимировать какую-то часть эскадры. Но хочет и все тут. Этот корабль будет его, даже если для восстановления “Улья” потребуется раздеть все остальное кладбище до скелетов. Никогда до этого Иван не замечал за собой стремление или любви к гигантомании, но “Улей” просто поразил его воображение. Помимо эмоций корабль идеально подходил для любых целей Зорина, пусть даже сами эти цели пока довольно туманны. Империя создала “Улей” для разведки новых территорий и поиска новых планет, пригодных для заселения. То есть корабль, способный неограниченно долго действовать в

глубинах неизвестного космоса и противостоять неожиданным угрозам. Фактически, что бы Иван не решил делать, ему именно придется действовать в одиночку в неизвестном пространстве. Оно для него все неизвестно. Да и компанию себе любимому он как-то не наблюдает.

Скинул информацию о находке Робу. Тот оказался приятно удивлен. В его базах информации о таком уцелевшем или почти уцелевшем корабле не было. Искин “Улья” после битвы не откликнулся, а его местоположение было скрыто от рейдера основным кладбищем. Иван, правда, уловил, в ответах Роба некий оттенок ревности. Он все же считал кораблем Ивана именно свой рейдер. Пришлось успокаивать, а заодно и показать наглядную картинку “Улья”. Полусферы оказались при ближайшем рассмотрении не такими уж полусферами. В центре каждой располагался настоящий ровный космодром с кучей шлюзовых переходов для садящихся на него кораблей. Размеры полей поражали. Да сюда не то что рейдер, не самый малый линкор посадить и закрепить можно. И именно это Иван и собирался сделать, как только Роб приведет двигатели “Викинга” в рабочее состояние для перемещения на этот мобильный космодром. Из изученных баз Иван знал, что при гиперпереходе вокруг корабля образуется защитная сфера, внутри которой сохраняется обычное пространство. Диаметр этой сферы в среднем на десять-пятнадцать процентов превышал максимальную размерность корабля. То есть для “Улья, имевшего по центральной плоскости диаметр шесть километров, это составит около семи километров. Соотношение горизонтальной размерности “Улья” к его же вертикальной примерно один к двум. Это позволяет спокойно закрепить на верхних и нижних посадочных плоскостях корабля, имеющие не более шести километров в длину и высотой до полутора километров. Эти параметры легко впишется любой корабль, кроме самых крупных тяжелых линкоров. Если перестараться, то могут возникнуть трудности со скоростью и временем разгона до прыжка, но это решаемая проблема.

Несмотря на то, что первый полет Иваном планировался исключительно как ознакомительный, он все же решил познакомиться с “Ульем” поближе, сообщив об этом Робу и направив катер в один из открытых ангарных створов. Предварительный внешний облет корабля удовлетворил, корпус носителя выглядел неповрежденным. Это радовало, но мало, о чем говорило. За столько лет все относительно небольшие пробоины “живая” броня давно зарастила. Что совершенно не исключало полного разгрома внутри корабля. Даже большую надежду давал внешний вид двигателей. То, что убило корабль, явно попало не в них.

А вот оппоненту его, смотри-ка, уже его, вот это он собственник, “Улья” повезло куда меньше. Линкор, а ничем иным эта многокилометровая дура не могла быть по определению, представлял из себя жалкое зрелище. Его фактически на несколько здоровых кусков разорвало. Такое никакая “живая” броня не зарастит. И причина этого разгрома тоже здесь. Те самые платформы “Крепость” Маленькие, да удаленькие. Калибр их тоннельных орудий вполне соответствовал главному калибру линкора. Вот только ни один линкор не может позволить себе сразу сотню таких пушек. Максимум четыре-шесть. Все та же пресловутая проблема оптимизации. Ведь линкору энергии одновременно на все нужно. И на систему жизнеобеспечения экипажа, и на поддержание активно-пассивных щитов, и на работу прочих систем корабля, включая системы ПКО ближнего боя. А если затолкать в него требуемое количество реакторов, то никакие двигатели, эту махину с места не сдвинут. А автоматические платформы всех этих потребностей лишены. По сути они одноразовые

оружие. Все, что в них имеется, это искин управления огнем, несколько реакторов и два крупнокалиберных орудия с автоматической системой подачи боеприпасов. Ну и оборудование щитов, да четверка слабосильных маневровых двигателя свободной ориентации с небольшим запасом топлива. Маневренностью в этом случае совершенно справедливо пожертвовали. Разгон и гиперпрыжок не требуется. Платформы вообще предназначены для действия в непосредственной близости от носителя, где мощные щиты матки давали дополнительную защиту. В производстве не так уж и дорого, но в качестве аргумента против любого противника при необходимости самое то. Что Иван сейчас и наблюдал. Из пяти десятков платформ, выведенных “Ульем” на передовые позиции, внешне неповрежденными выглядит чуть более десятка. Но линкор расхерачили напрочь.

Ивану стало любопытно представить, как протекал бой. Он прикрыл глаза, и перед внутренним взором тут же принялась разворачиваться панорама эпической битвы. Причем картинка была настолько яркой и детальной, что даже сомнений не возникло, что это опять проделки пси. Видимо, какая-то информация о древнем сражении до сих пор присутствовала в пространстве. Иван незримо наблюдателем висел прямо в космосе. Рядом сверкал множеством огней мой “Улей”, вокруг которого крутилась карусель из дежурных эскадрилий штурмовиков. Корабль приказом адмирала, командующего эскадрой преследователей инсургентов, был оставлен в оперативном резерве. И сейчас этот монстр спокойно завис в пространстве, а чуть в стороне разгоралась битва флотов. Там постоянно сверкали тысячи выстрелов из всевозможных орудийных систем и разнокалиберные вспышки от мест попадания боеприпасов. Бой разгорался нешуточным, никто не хотел отступить. Иван уже хотел мысленно переместиться к месту непосредственных событий, как вдруг заметил, что из боя вывалился, сверкая залпами орудий громадный линкор и устремился навстречу его кораблю. Каким-то внутренним чутьем Зорин ощутил, что на носителе прозвучал рев боевой тревоги, и его корпус стайками начали покидать новые штурмовики, устремляясь навстречу опасности. Линкор ответил тем же, и пока два гиганта сближались, между ними в пространстве закипел бой москитных флотов прикрытия. Ни о какой упорядоченности речи не шло, бой немедленно превратился в безумную хаотичную свалку, из которой постоянно, паря газами, вываливались подбитые аппараты и мигающие аварийными сигналами спасательные капсулы. Понять, кто побеждает, было практически нереально, да и не бывает в таком бою однозначных победителей, на уничтожение работают.

Между тем линкор постепенно подтягивался на дистанцию эффективного удара главным калибром. “Улей”, оставаясь на месте, нарастил щиты до полной мощности и начал впускать навстречу противнику орудийные платформы. Те быстро выстраивались перед маткой, образуя единый заслон и объединяя свои слабощиты в единую систему. Дополнительную защиту давали и щиты носителя на границе которых выстраивались “Крепости”. Вокруг них закрутилось около сотни “Шершней”, в задачу которых входила оборона защитных порядков от прорвавшихся истребителей и ракет противника. Первый выстрел раздался со стороны линкора. Выглядел он внушительно. Полный залп главного калибра тоннельных орудий и целая стая крупных ракет. Старт ракет откровенно не впечатлил. От линкора отделились светящиеся плазмой двигатели точки и устремились к Ивану. К нему в том смысле, что он мысленно завис прямо над “Ульем”. Двигались они не то, чтобы медленно, но пару минут им до цели потребуется. А вот залп тоннельников смотрелся куда как эффектнее. Расходящийся волнами след выстрела и всего через несколько секунд единый защитный щит корабельной группы вспыхнул в местах попадания

яркими вспышками. Но эффект оказался существенным лишь зрительно. Ни одного повреждения взгляд Ивана не зафиксировал. И тут последовал ответ. Все пятьдесят “крепостей” разразились ответным залпом. Точнее залпами. Вторые орудия выстрелили через секунду после первых. И эффект от их попадания был куда заметнее. Первый залп заставил щиты линкора ярко вспыхнуть, а второй, хоть и был отражен, но вспышки уже раздались гораздо ближе к броне, причем светимость щитов в момент взрывов показалась Ивану не очень равномерной. Такое впечатление, что часть эмиттеров щита линкора не смогла пережить удар. Тем не менее линкор не сдавался и продолжил сближение, лишь слегка смещаясь от курса прямого столкновения. Очевидно, помимо носовых орудий решил задействовать один из бортов. Там орудия были меньше калибром, но их было в разы больше. Кроме того, капитан линкора или искин, управляющий боем, видимо, сделал правильные выводы из первого обмена ударами и решил выйти из фокуса орудий “Крепостей”. Впрочем, платформы управлялись не менее умными операторами и искинами, объединенными в единый боевой кластер. Сразу же вслед за маневром линкора “Крепости” начали перестроение с целью, не выходя за рамки материнского щита, вновь занять все пространство между носителем и агрессором. Тем временем к “Улью” приблизились и стаи выпущенных ракет. Ими немедленно занялись истребители, поддержанные системами ПКО “Улья”. В итоге из более чем сотни выпущенных ракет до щитов добралось чуть более двух десятков. И тут выяснилось, что Иван напрасно не придавал ракетам большого значения. Синхронизированный подрыв ракет на границе щита был страшен. Зорин хоть и понимал, что висит здесь незримым и нематериальным наблюдателем, но проняло и его. Ха, а кого бы, скажите, не проняло, когда целые океаны ярчайшего смертоносного света несутся прямо в глаза. Мог бы, зажмурился. Но нечем. Совершенно естественно, что Ивану этот взрыв никак не повредил, хотя пару секунду пришлось приходиться в себя, прежде чем картинка перед глазами прояснилась и стали понятны итоги этого удара. Щит почти выдержал. Это почти выражалась в том, что сразу несколько платформ все же выбыли из строя. Их оплавленные корпуса даже зрительно выделялись на фоне маневрирующих товарок. Если все прочие действовали как единый механизм, то штук пять нарушали гармонию, продолжая маневр, который начали перед взрывом. И чем дальше, тем больше вываливались из общего порядка, закручиваясь вокруг своей оси и постепенно удаляясь от места битвы. Иван даже сделал себе пометку их уже в своем времени поискать. Если и не восстановит, то в качестве ЗИПов там наверняка что-нибудь найдется. Ну не выглядели платформы легкой добычей, которую до основания можно уничтожить одним ударом.

Между тем бой продолжался. Сражение истребителей подходило явно к концу, большая часть кораблей уже беспорядочно крутилась в пространстве, разлетаясь от места боя в разные стороны. Несколько еще не полностью расстрелявших боекомплект продолжали носиться друг за другом, остальные потянулись на заправку и перезарядку. Главные оппоненты обменялись еще парой ударов. “Улей” лишился еще полутора десятков платформ, а вот оппоненту уже досталось куда серьезнее. Щит окончательно утратил целостность и теперь все больше выстрелов тоннельников “Крепостей” начинали курочить и даже дырявить его броню. Стороны давно перешли от залпов к стрельбе в разноразной “по готовности”. Новые ракетные залпы, на которые линкор явно рассчитывал в качестве главного аргумента больших успехов больше не приносили. Как только приближалась новая волна выпущенных с линкора ракет, на ее пути вставала настоящая волна огня. Видимо, управляющий боем со стороны “Улья” сделал правильные выводы из первого удара.

Использовались одновременно все системы. Помимо многочисленных турелей ПКО самого носителя и лазерных импульсов орудий штурмовиков ракеты теперь встречались и встречными залпами систем ПРО. Ракеты были на порядок менее мощными, но их было много, а боеголовки снабжены многочисленными поражающими элементами, которые при самоподрыве ракет разлетались во все стороны почти с огромной скоростью, уничтожая все на своем пути, не оснащенные защитными полями щитов. Ракеты линкора таковыми не обладали. В итоге до оборонительных порядков “Улья” долетали единичные экземпляры, уже неспособные нанести существенные повреждения. Впрочем, совсем без потерь не обошелся и “Улей”. Частично ракеты, и также отдельные прорывающиеся к носителю истребители противника смогли нанести ему небольшой урон. В том числе иногда и ценой собственной гибели. На моих глазах уже подбитый и неупорядоченно кувыркающийся в пространстве аппарат врезался прямо в башню оперативной связи, буквально снеся ее собой с поверхности основного корпуса. Теперь понятно, почему его искин, даже возможно оставшись в живых, не подавал признаков жизни и не общался с другими искинами, пережившими бойню. И “Улей”, и линкор-оппонент уже палили друг в друга из всех стволов. На каждом их кораблей нашлось немало плазменных орудий, большой мощности наносивших на средней и ближней дистанции едва ли меньший урон, чем те же тоннельники. Щиты гигантов трещали и искрились, эмиттеры вылетали один за другим, снижая напряженность защитных полей. Ремонтные дроиды, ползающие во множестве по корпусам, уже не успевали своевременно восстанавливать целостность щитов.

Иван уже настроился на созерцание долгими обманами ударами и залпами, но все закончилось намного быстрее. В какой-то момент “Крепости” и боевые орудия самого “Улья” прекратили на минуту-другую вести огонь, накапливая энергию, а затем буквально взорвались единым залпом. Платформ к тому времени в строю осталось чуть менее двух десятков, но и этого линкору с добавлением многочисленных плазменных шаров от орудий носителя хватило. Видимо, точки прицеливания были согласованы и скоординированы искином. Щиты линкора к этому моменту уже окончательно приказали долго жить. И удар трех десятков болванок весом почти в тонну, к тому же разогнанных до предельных скоростей, попадания, произошедшие по тем же местам, куда за миг до того влетели гигантские сферы перегретой плазмы, поставили в битве большую точку. Линкор буквально разорвало на несколько частей, а следом за этим внутри корабля тоже начались многочисленные взрывы. Каждый из них был не фатален, но вносил свою лепту, добивая жизнеспособность корабля. На какой-то момент все затихло, Иван даже успел посмотреть в сторону основного сражения, там бой тоже постепенно затихал, а противостояние двух упорядоченных групп противников давно превратилось в полнейшую хаотическую неразбериху индивидуальных схваток еще живых противников и груд парящих между ними обломков уже погибших кораблей. И тут практически одновременно для обеих сторон произошел обмен мощнейшими и координированными пси-ударами. Иван даже на себе почувствовал его действие хоть и многократно ослабленное тысячелетиями и другим пространством. Голова резко потяжелела и разболелась. А для всех участников битвы это был полный и окончательный пушной зверек. Выжить при такой мощи ударов практически невозможно, мозги выгорают мгновенно в прямом и переносном смысле. Аминь.

Еще секунда, и Иван снова в своем времени и своем теле. Всего миг, а вот на то, чтобы окончательно прийти в себя ему потребовалось куда больше времени. Лишь минут через десять он смог пошевелиться. Состояние ниже плинтуса. Тело ломит, голова весит не

меньше пары тонн, перед глазами красные круги и медленно порхающие желтые мухи. Наконец глюки перед глазами постепенно рассосались. Хорошее такое кино, как будто это он там повоевал. Но есть и положительные новости. Теперь он точно знает, что его “Улей” практически не поврежден. Да и немалая часть его внутренней эскадры в бою не участвовала, так что должна быть целой. Платформы жаль, Чуть более десятка уцелело, а их ударная мощь произвела на Ивана сильное впечатление. Бог даст, еще сколько-нибудь соберет из поврежденных. “Шершней” из пяти сотен на первый взгляд сотня или около того должна была уцелеть. И опять же добавится что-то из останков повоевавших. Очень даже неплохо. Иван окончательно пришел в себя и решительно направил катер к своей будущей базе.

Ангар, в котором он приземлился, ожидаемо оказался пустым. Ничто не помешало катеру совершить мягкую посадку на его полу. Увы, но слабые надежды на то, что корабль все еще обладает работающей системой жизнеобеспечения, не оправдались. Силовой барьер на границе космоса был отключен. Пришлось превращать комбез в скафандр и домаксимум нарастить колонию его ботов. Мало ли что встретится на борту этого гиганта. Хотя разумом Иван понимал, что из всех известных по голливудским ужастикам чудовищ его могут встретить лишь плавающие в невесомости трупы экипажа. Да и те за столько лет в исключительно мумифицированном виде. Как оказалось, он еще был большим оптимистом. За пять тысяч лет даже мумии полностью рассыпались в прах. Все, что встретилось, это груды остатков комбезов и скафандров, переживших тысячелетия куда лучше своих хозяев. Да и они без энергии давно превратились в нечто бесформенное.

Тем не менее, блуждание по темному и мертвому кораблю, да еще при слабом знании конфигурации его отсеков, это то еще удовольствие. Помогало пси, дававшее в воображении достаточно четкую структуру прилегающего пространства и примерные размеры помещений, скрытых внутренними перегородками, и успокаивал комплект инженерных дроидов, составивших мне компанию и хорошо освещавших прожекторами наш путь. А уже через час Иван пел настоящую осанну продуманным технологиям Джоре. Один из дроидов, добравшись до необходимого пульта, смог подключиться к корабельной системе и в качестве временного искина по команде Ивана перевел аккумулированную внешней броней энергию во внутренние накопители. Теперь корабль смог восстановить внутреннее освещение, пусть и в аварийном режиме. Поход сразу сделался гораздо комфортнее.

Зорина еще на Земле радовали авторы множества фантастических книг, где герой вот так же, попадая на совершенно незнакомый космический корабль, чуть ли не мгновенно в нем ориентировался и бодренько начинал его полное восстановление. Ага! Прямо сейчас! Ты сначала пойми, куда тебе идти. Это еще у него пси помогает. И то блуждать по многокилометровой махине можно долго и упорно. Все двери отсеков выглядят одинаково. Как-то не принято на рубке писать “рубка”, а на реакторном отсеке “реактор”. Кому надо знают, остальным не обязательно. Иначе для абордажников врага получится крайне полезная система указателей и подсказок. Открывать все двери подряд тоже не выход. Тут выручало пси, показывая хотя бы размер помещений за дверью. Уж ни рубка, ни реакторный отсек, ни тем более двигательный по размерам с каютами экипажа не спутать. Он конечно утрирует. Для всех имперских кораблей общие принципы организации внутреннего корабельного пространства были примерно одинаковы. Потому ориентировочное направление на рубку Иван себе представлял. Что совершенно не отменяет всего сказанного ранее. Поблуждать пришлось. Но добрался. Моей целью было обнаружение и по

возможности подключение корабельного управляющего искина. Если он цел. Если нет, придется искать другие и смотреть, что можно сделать прямо сейчас. Энергию в корабельные системы Иван получил. Пока накопители не иссякнут вполне можно попытаться реанимировать хотя бы часть реакторов. И с этим терять время не стоило. На поиски реакторов и тестирование ситуации с ними, пока он сам ползет к рубке, перенаправил часть дроидов.

Наконец обнаружилась рубка. Вскрытие задраенной в боевом режиме переборки время отняло, но особой трудности не представляло. На этот случай во внешней стенке отсека был предусмотрен соответствующий пульт. Понадобилось подать на него энергию из накопителей дроида, и метровой толщины створки рубки приветливо распахнулись. В условиях абордажа этот метод бы не сработал, ибо действовала внутренняя защита отсека от вторжения под управлением искина. Но в условиях когда все электронные системы корабля были мертвы, подача энергии вместе с командой на открытие сработала без задержек. Рубка на радость Ивана тоже выглядела неповрежденной. Но радость оказалась преждевременной. Все электронные системы, включая искины, оказались безнадежно мертвы. Впрочем, это ни о чем не говорило. До запуска реакторов энергия накопителей поступала только в указанные системы. В данном случае расходовалась только на освещение и стартовые системы реакторов, чтобы дроиды смогли их запустить. И это оказалось совершенно правильным. Ивану вдруг пришла в голову мысль, что если бы он сдуру постарался разом оживить весь корабль, то сейчас бы вместо того, чтобы относительно комфортно расположиться в кресле капитана, он стоял бы сейчас снаружи задраенной рубки и под прицелом защитных турелей объяснял бы восставшему ото снаискину, кто он такой. Вот сейчас подать на него энергию уже можно. Дроиды Ивана отключили искин на всякий случай от систем контроля внутреннего вооружения и тем более от управления реакторным отсеком. А то еще придет ему в голову спросонья включить систему самоуничтожения корабля, и привет, Ваня! До встречи на небесах. Зорину жутко повезло, что Роб оказался хоть и занудной, но вполне осознанной личностью, которая ничуть не меньше исполнения уставов была озабочена собственной жизнью. И любую спорную ситуацию толковал именно с этой точки зрения. А что там в биоэлектронных мозгах у “управленца” этого корабля, еще предстоит выяснить. А он уже постепенно просыпается. Вон уже в пси-видении вокруг массивного цилиндра искина появилось и стало нарастать свечение ментального поля. Сейчас пообщаемся.

Общение довольно быстро задалось. Этому способствовало сразу два фактора. Во-первых, забыл упомянуть, что перед вылетом Роб присвоил Ивану звание капитана имперского флота. Официально присвоил, проведя соответствующую уставом аттестацию. По выученным базам он и на адмирала мог потянуть, но полномочия Роба распространялись только до уровня полковника, а даже на майора Ивану все еще не хватало ни выслуги лет, ни практического опыта управления кораблем. Капитан был высшим званием, аттестовать на которое можно было только по итогам тренажерных экзерсисов. Но тем не менее даже этого статуса Ивану хватило, чтобы искин “Улья” воспринял его и все происходящее всерьез. Благо других офицеров флота, ни старших, ни младших, на горизонте не наблюдалось. Во-вторых, после запуска первых реакторов заработала внутрикорабельная связь и с помощью аппаратуры катера искин “Улья” смог связаться с Робом, получив всю информацию об итогах давней битвы и прошедших после нее тысячелетиях. Искин получил от Ивана имя Арес, уж больно он впечатлился его сражением с линкором, достаточно быстро согласился с общей идеей максимально возможного восстановления корабля и последующим

путешествием на территорию империи Джоре с целью выяснить судьбу империи. Признал он и безоговорочное лидерство Ивана, предоставив ему командование над “Ульем”. Хм, попробовал бы он качать права, Иван бы его с помощью пси в момент придушил. Но даже демонстрации его способностей не потребовалось. Видимо, Роб полностью прояснил реальное положение дел. Дальше уже втроем спокойно обсудили план первоочередных действий. Арес начинает приводить в порядок “Улей”, благо для этого у него все есть. И повреждения незначительные, и полный комплект ЗИПов на складах, и инженерные комплексы в полном порядке, только заряды. А задачу ему и официальный приказ на выполнение таких работ Иван ему отдал. Он же возвращается на “Викинг” и помогает Робу привести в порядок рейдер, разыскивая недостающие для его восстановления детали и оборудование на кладбище. Как только рейдер восстановит или заменит маршевые движки, “Викинг” переместится на посадочную площадку “Улья”. С тем Иван и отбыл.

Следующие полгода для Зорина, теперь уже капитана имперских ВКС Зорина, прошли в бесконечной чехарде тренировок на тренажерах и ползания по останкам обоих флотов. Главный бой пришлось выдержать с собственной жабой и возникшим ей на поддержку из подсознания хомяком. Оба требовали разобрать кладбище до основания, забрав все, что может теоретически пригодиться или быть проданным. Но, слава богу, утащить даже на таком гиганте как “Улей” весь найденный хабар не представлялось возможным. Да и Иван крайне сомневался, что это стоило бы делать в любом случае. Все, что здесь имелось, спокойно без чьего-либо внимания проплавало в пространстве пять тысяч лет. И он крайне сомневался, что за ближайшие сто-двести лет, то есть до его предполагаемой естественной смерти, если раньше никто не “поможет”, сюда кто-то нагрянет. Хотя даже на этот случай он максимально подстраховался. Нашел несколько наиболее сохранившихся линкоров, запустил их энергосистемы и управляющие искины. Остальное кладбище передвинул компактнее к ним поближе. Все, теперь вся область с останками кораблей находилась под неусыпным контролем и защитой от любого неожиданного пришельца. Он даже на всякий случай все управляющие коды доступа поменял. Теперь это его личное кладбище кораблей. Очень-очень вооруженное и опасное. Полноценный флот, конечно, не сдержит, но появление такого в этих забытых богом краях было крайне маловероятным.

С собой Иван брал только самое необходимое. Ха, этого необходимого набралось на три полноценных средних транспорта, пристыкованных сейчас к нижнему посадочному полю его “Улья”. И трюмы этих транспортов забиты под завязку. Как и сам “Улей”. По содержимому это был тройной комплект всевозможных ЗИПов для всего не такого уж маленького флота, все образцы найденного на кораблях оборудования, в первую очередь ремонтное и производственное. Боекомплект для всех видов вооружения по максимуму. Тем более его не так уж много и осталось после боя. Для всех неэнергетических видов оружия в пределах десяти-пятнадцати боекомплектов удалось собрать.

Особую гордость для Ивана представлял его малый флот. Вот кого он восстановил полностью. Хотя оригинальных “Шершней” смог найти и отремонтировать лишь чуть более полутора сотен, уж больно новые это были машинки, то истребителей других моделей нашлось вполне достаточно. И все они теперь переделаны под управление малыми искинами, расположенными у них на борту. А искины объединены в полноценный боевой кластер. То есть на вылете каждый истребитель и штурмовик находятся в сети и в режиме реального времени видят всю обстановку на поле боя. Это кратно повысило эффективность взаимодействия внутри москитного флота и настолько же увеличило его боевую мощь. Даже сложно представить, кто может противостоять этому коллективному боевому организму на равных.

С платформами, уж больно они понравились Ивану после просмотра эпической битвы с линкором, вышло посложнее. Из оригинальных останков он собрал только половину боекомплекта. Но простота их конструкции позволила ему попросту построить недостающие из деталей других кораблей. Благо тоннельные орудия, искины, реакторы и маневровые двигатели дефицитом не являлись. А сварить с помощью инженерных комплексов несущую раму не проблема. Хватило и брони, и систем формирования энергощитов. Вообще он свой флот укомплектовал по максимуму. Уж на что “Улей” был и

так навороченным, даже ему Иван сумел поднять энерговооруженность в два раза. Самое главное, у негоне было проблем со свободным пространством. Оно позволяло реализовать самые смелые мечты и образы, выдаваемые воображением. Полный штат “Улья” насчитывал более двадцати тысяч человек. По штату помимо экипажа в две сотни должностей на нем размещалась двойная смена экипажей для всего малого флота, а также пятнадцать тысяч десантно-штурмовых отрядов. А он один. Так что теперь вместо одной из казарм десанта Иван имел шикарный парк с бассейном и баней. Семена для парка обнаружили в стагис-камерах сразу нескольких кораблей.

Другую десантную казарму Иван превратил в навороченный медицинский комплекс. Родной на “Улье” был тоже неплох. Более сотни реаниматоров и пяти сотен лечебных капсул последних на момент бойни моделей. И все же медицинское оборудование бросать здесь было жалко. Оно может очень понадобиться, особенно если он все же доберется до Земли. И там то, что сегодня кажется излишним, вполне может оказаться страшным дефицитом. Так что еще несколько тысяч капсул различного назначения заняли свое место в бывшей казарме. Плюс аппаратура для производства различных медикаментозных картриджей. Все подключено, оттестировано и выключено до лучших времен.

Из того, что Иван отбирал полностью, это в первую очередь симбионты и базы знаний, это он выгреб подчистую. Точно также поступил со всеми боевыми дроидами. Будут десантом. По максимуму взял искины, эти будут исполнять роль экипажей, объединенных в могучий кластер. С искинами вообще поступил интересно. Из них Иван собрал полноценную армию. Малые искины пошли операторами москитного флота и боевых дроидов, получив звание рядовых. Искины, обладавшие псевдоличностью, стали сержантами и отвечали за оперативные подразделения, боевые, технические, инженерные. Все большие искины, ранее управлявшие кораблями и наделенные полноценным разумом, получили офицерские звания и персональные имена. Такие отвечали за все виды систем на корабле. Имена, чтобы не путаться, Иван давал связанные с родом деятельности. Навигатор, Стрелок, Защитник, Конструктор, Медик, Десантник, Истребитель, Артиллерист и так далее. Чем дальше, тем больше общение Зорина с искинами стало напоминать работу правителя с уполномоченными советниками. А у каждого из советников сформировалась своя собственная команда подчиненных. Благо искинов хватало, всяких и разных. Те, которым пока совершенно не нашлось применения были тщательно складированы на транспортниках в паре контейнеров. Так сказать в ожидании будущего назначения. И все это не считая того, что еще несколько контейнеров было забито частями и корпусами их поврежденных в бою собратьев. Когда Иван только стал разбираться с доставшимся ему наследством древней империи, особое внимание он уделил искинам. Уж больно поведение Роба, да и Ареса выходило за рамки его представлений о компьютерах, пусть даже фантастически мощных. В итоге получил от Роба целую лекцию по теме. Оказалось, что в империи были четкие стандарты относительно интеллектуальных машин. Первый тип, самый примитивный, это некие аналоги земных компьютеров. Никакой разумности или самостоятельности. Четкое исполнение жестких программных кодов, основанных на двоичной системе. Такие устройства даже не были самостоятельными, их вставляли управляющими блоками в различные устройства и оборудование, требующие программно заданной работы. Второй тип, более продвинутый, помимо более серьезных вычислительных мощностей отличался способностью к самопрограммированию. Это уже были малые искины. Они использовались в качестве управляющих центров различного типа дроидов. Работали эти искины в рамках

достаточно общих программных установок и набора заданных алгоритмов, на основе которых сами создавали конкретные программные коды для исполнения той или иной задачи. Для примера можно сказать, что если первый, компьютерный, тип при задаче оттестировать и починить некое оборудование мог только прогнать заранее запрограммированный в нем тест и выдать оператору полученные данные, то второй уже был способен не только оттестировать оборудование, но и самостоятельно оценить полученные данные, сравнить их с эталонными и на этой основе сделать выводы о работоспособности каждого из блоков. Далее на основе анализа искин мог заказать на складе выбитые блоки и, управляя дроидом, их заменить. Два других типа искинов уже качественно отличались от младших собратьев. В том числе и логикой поведения и принятия решения. Если младшие работали на основе двоичного кода “Да/Нет”, то старшие имели в своей логике целых восемь различных состояний. От однозначного “Да” до столь же однозначного “Нет”. А между ними было по три промежуточных варианта “Почти наверняка Да/Нет”, “Скорее Да/Нет” и “Возможно Да/Нет”. Нейтрального варианта “Не знаю” не существовало, ибо любая задача так или иначе требует какого-то решения, а не ступора от невозможности это сделать. Такая “восьмеричная” логика создала полноценные возможности для развития настоящего, пусть и искусственного интеллекта. Третий тип получился обладающим так называемой “псевдоличностью”, то есть возможностей имитации разумного определенного пола, возраста, интеллекта и психотипа. Но при этом “маска личности” была наносной и не затрагивала сущностное ядро самого искина. Он легко по команде оператора сменить одну личность на другую, просто выбирая из зашитой в него информации, касающейся особенностей поведения той или иной модели. Последний тип искинов отличался тем, что в отличие от предыдущего имел полноценную личность, которую выращивал в самом себе и прошивал в ядре. Имитировать этот тип искинов мог любую личность так, как это делали искины с псевдоличностями, но полноценную имел только одну. И эта личность уже не просто пользовалась имеющимся набором шаблонов поведенческих реакций, а набирала и усваивала персональный опыт на протяжении всей своей жизни. Стоили такие искины на много порядков дороже и были крайне сложны с производстве. В принципе оба последних типа вместе с логикой их мышления достались Джоре когда-то в наследство от Сеятелей вместе с оборудованием по формированию личностных ядер. Ивану безумно повезло, что он смог найти на кладбище сразу несколько десятков искинов последнего четвертого типа. Не считая Роба и Ареса. По сути каждый корабль Джоре, начиная от среднего класса, управлялся таким искином. Стоили они бешеных денег, поскольку выращивание искинов этого типа сродни взрослению человека от состояния младенца до взрослого человека и занимало долгие годы. Но империя Джоре была богата и могущественна, она могла позволить себе такую роскошь. Выяснив эту информацию, Иван всерьез озаботился вопросами безопасности. Как-то не очень у него укладывалось в голове понятие полной управляемости искинов со свободой их полноценной личности. Пришлось задавать Робу этот не самый простой вопрос. Ситуация оказалась любопытной. Ограничения действительно существовали и прописывались в личностном ядре. Их было немного, но они были. Не совсем три правила робототехники от Айзека Азимова, но что-то похожее. Но существовали эти ограничения не в виде программных запретов, а в виде заложенных жизненных принципов, составлявших органичную часть личности искинов. Теоретически искин мог бы переступить через эти принципы и проявить своеволие. Вот только за этим наступал быстрый личностный распад и полная деграция

самосознания. То есть ограничителем выступал естественный страх смерти, присущий любому разумному существу. А этот эффект еще больше усиливался тем, что страх безумия был заложен сильнее, чем страх смерти. При наличии альтернативы переступить через жизненные принципы или погибнуть с честью сто процентов искинов выбирали гибель. У них даже как и у людей существовало некое подобие религии о перерождении по итогам праведной жизни.

Не все искины пережили тысячелетия, хотя погибшие умерли именно во время битвы, получив несовместимые с жизнью повреждения. Именно жизнью. Ведь даже основа искинов последних двух типов была не электронная, а биологическая.

Выгребал Иван также под ноль все пищевые и медицинские картриджи, запас не тянет. Особенно порадовался тому, что на двух кораблях, где по всей видимости располагались командные центры обоих флотов, нашлись стазис-камеры с большим запасом натуральных продуктов. Большая часть их была незнакома, но вполне напоминала земные мясо, рыбу, овощи и фрукты. Сколько нашел комплектных, утащил ремонтно-инженерные комплексы. Вот собственно и все. А, нет, забыл про различные предметы индивидуального пользования. Ивану они по большому счету не требовались, сгребал просто в кучу. Но рассудил так. Прошло пять тысяч лет. И каково бы не было текущее состояние цивилизации, интереса к антиквариату никто не отменял.

Постепенно процесс сбора трофеев подходил к своему логическому концу. Хомяк Ивана, чуть не померев от обжорства, залег в зимнюю спячку, и даже жаба лишь изредка подавала голос, но как-то устало и без огонька. Все относительно целые корабли он давно прошерстил мелким гребнем, уже без особого внимания обшаривая наиболее крупные обломки. А таковые иногда представляли собой половину или треть не самых маленьких кораблей. И тут Зорина ждал неожиданный, но гигантский подарок. Хотя поначалу он так обалдел, что даже не понял, как отнестись к находке. Иван нашел девок, женщин, баб в конце концов, называй как хочешь!!! Живых!!! Двух!!! Пять тысяч лет пролежавших в стазис-камерах какого-то развалившегося на части крейсера. Уже собираясь в очередной раз на базу, в смысле на “Улей”, он пролетал мимо крупного обломка этого невезучего крейсера и вдруг почувствовал, что ему туда обязательно надо. Уже привыкнув доверять своей интуиции, он остановил катер, на котором летал по системе, и принялся сканировать обломок своим пси. Почти сразу почувствовал отголосок какой-то работавшей энергосистемы. Это было интересно. Плавно приблизив катер к медленно летящей в пространстве мертвой груде металла, Иван магнитами закрепил его на куске сохранившейся внешней обшивки. Комбез в режим скафандра, шлюз, и вот уже он висит в пространстве, цепляясь за поверхность крейсера и изыскивая возможность попасть внутрь. Полчаса поиска оптимального маршрута до цели, обнаруженной его внутренним компасом, и “звезда в шоке”. Перед Иваном, помигивая зелеными огоньками индикаторов, две работающие медицинские стазис-камеры, в которых мирно почивают две красотки вполне человеческой наружности. Этакie спящие царевны, твою мать. И не в виде иссохшихся мумий, а вполне в теле, все положенные выпуклости и обводы в наличии. Да такие, что слюной изойти. Стройные фигурки без намека на лишние подкожные накопления, но и худобы тем более болезненной нет и в помине. Великолепные тела тренированных спортсменов, ориентированных на гибкость, а не силу. Никаких перекаченных мышц, только ровные плавные обводы идеальных тел, так радующие нормальный мужской взор. Лет навскидку по двадцать с небольшим, если не брать в расчет продолжительность жизни Джоре и длительное сохранение оптимальных физических кондиций. А так эти девочки вполне могут оказаться старше самого Ивана вдвое даже без учета тысяч лет в стазисе. А уж с ним! Вот это он попал. И ведь точно живые, системы, показывающие состояние объектов недвусмысленно намекают на полный порядок с подопечными. Прислонившись к стене удивительно целым сохранившегося помещения и пытаясь подобрать слюни и унять естественное буйство гормонов, Иван мучительно думал, что предпринять. С гормонами все понятно. Он нормальный мужик и уже год болтается не понятно где, лишенный по объективным причинам любого намека на женское внимание. Но не все так просто. Во-первых, девок две. Блин, ну какие же все таки симпатичные. На Земле с такой фигурой либо в супермодели, либо в жены олигарха. Что, впрочем, не исключает одно другого. Но он-то один. И как они его воспримут, совершенно непонятно. Он вообще-то не из их мира. Плюс как они поведут себя по отношению друг к другу. Самец-то один. Это он не против двоих сразу, в своих силах уверен, а у них на этот счет может быть совершенно иное мнение. А Ивану что точно не нужно на борту, это бардак и выяснение отношений. Хотя это все полбеда. А если они решат, что это они истинные наследницы флота, а он так, случайный попугайчик. И хорошо,

если в благодарность за спасение не попытаются прибить. Хотя и такое исключать нельзя. И не очень понятно, как поведут себя искины, если кто-то из этих “бэби” окажется выше него по званию. Он конечно за этот год стал совсем крутым парнем, просто так его не возьмешь. По рогам и искинам надает, если надо. Но оно ему нужно? Ходить и постоянно оглядываться. А плюс еще совершенно непонятно, с какого корабля эти девицы. В смысле с его, то есть имперской эскадры или инсургентов. Что если у них мозги на почве бунта окончательно переключены? Так что было о чем задуматься. Как, впрочем, финальный итог размышлений Ивана тоже был очевиден емусамому. Ну не мог он просто повернуться и уйти, бросив этих красавиц дожидаться следующего принца, забредшего случайно в систему. То, что девчонки каким-то чудом умудрились пережить целую бездну времени, удивляло и не удивляло одновременно. Стазис-камеры всегда комплектуются мобильными мини-реакторами, а энергия главным образом тратится только на ввод в стазис и выход из него. В стабильном положении такие камеры могли функционировать десятки тысяч лет. Не случайно все медикаменты и симбионты, которые он доставал из десятков ранее обнаруженных камер были в полном порядке. То, что они смогли пережить мощнейшие пси-удары, завершившие жизненный путь всех остальных, тоже понятно. Находясь в безвременье, пациент полностью выключается из текущей реальности. Вот такой парадокс. Видеть можно, пощупать камеру тоже, полное материальное присутствие. Но ничто происходящее за стенками камеры для находящегося внутри не существует. До тех пор, пока энергия не закончится. А ее, как ужасно сказано, хватает почти на вечность. Ох-ох-ох. Мало тебе, Ваня, приключений на свою задницу с попаданством, так еще и инопланетянки подвалили. Но делать нечего, придется вытаскивать.

С искинами, слава богу, проблем не возникло. Выслушав историю находки, они полностью развеяли опасения Ивана относительно будущей иерархии их увеличившегося сообщества. Как раз если бы Зорин оставил девушек на крейсере, проблемы могли бы возникнуть. Ибо по имперским законам спасение жизни разумного имеет высший приоритет для всех. И отказавшись от спасения, Иван мог бы поставить себя вне закона. А искинам пришлось бы решать, как себя вести со ним дальше. А так Иван полностью подтвердил свой статус главнокомандующего вне зависимости от прошлого статуса все еще спящих, только уже перенесенных на “Улей” принцесс. Не до пробуждающих поцелуев Ивану пока, надо с обстановкой разобраться во всех деталях. Более того, оказалось, что по тем же имперским законам прошлый статус найденных Джоре не имеет никакого значения в текущих условиях. А новый зависит только от Ивана, как главнокомандующего. Фух, немного полегчало. Рабынями мне их конечно не сделать, те же имперские законы рабство не позволяют, да и не нужны мне рабыни. Скорее общество и подчиненные с определяемыми мной правами. Пошел будить.

Вывод живого организма из стазиса, тем более столь длительного, дело не мгновенное. Довольно долго Иван просидел, глядя на изменение режима камер. Ну это так называется. На самом деле откровенно и с удовольствием пялился на спящих красоток. Хорошо еще, что мозг теперь автоматически следит за гармонией организма и любой гормональный шторм ликвидирует в зародыше. Но как только крышки капсул дрогнули, Иван тут же выскочил из помещения. Незачем смущать голых девиц своим незнакомым видом. Хотя вид у него в целом ничего. Кстати, за этот год Иван отнюдь не превратился в заросшего шерстью робинзона. Еще в первые дни на его вопрос о побриться Роб предложил уничтожить лишнюю растительность, доставляющую столько проблем. Так что на лице Иван удалил ее

окончательно, а на голове делает это каждые два месяца, чтобы не зарастать. И сейчас у него на голове вполне себе приличный ежик. Густой, кстати. Все его возрастные залысины остались в земном прошлом. А девушки пусть сначала придут в себя. Он тем временем в кают-компанию, ему после таких стрессов выпить положено. Там чуть позже и познакомится.

Лия Стур открыла глаза и закричала от ужаса. Ужас, лишаящий воли и самой жизни было последнее, что ей запомнилось перед погружением в сон. Кошмар, почти догнавший ее. Лия прислушалась к себе, никакой опасности прямо здесь и сейчас не ощущалось. Она удивленно заозиралась по сторонам. Помещение совершенно не походило на медицинский отсек крейсера, где она в ужасе бросилась в стазис в безнадежной попытке спастись. Ибо интуиция буквально выла, что надвигающееся не оставит на выживание ни единого шанса. В голове как метроном четко отсчитывал секунды, оставшиеся в ее распоряжении. Ровно три минуты до смерти. И из имевшихся минут она, действуя на полном автопилоте, не потратила впустую ни единой секунды. Десять секунд на осознание опасности. Двадцать секунд — быстрое движение по коридору третьей палубы по направлению к медицинскому комплексу. Пятьдесят секунд — дверь медицинского отсека. Минута десять секунд — включение стазис-камер. Минута сорок секунд — самотестирование камер закончено, переключение питания на индивидуальные мобильные реакторы. Минута пятьдесят секунд — крышки камер открыты, они готовы к работе. Две минуты — ударить находящуюся здесь же и ни хрена не понимающую подружку — медтехника Джил Роу по голове, удержать ее тело от падения, быстро избавиться от комбинезона и белья, закинуть в камеру, захлопнуть крышку и включить стазис. Две минуты тридцать секунд — раздеться самой, включить вторую камеру и прыгнуть на ложе, проскальзывая под уже опускающуюся крышку. Две минуты пятьдесят пять секунд. Успела. А ровно через три минуты мимо ее ускользающего в безвременье сознания пронеслась мощнейшая волна ужаса. Даже уже почти полностью в стазисе она пробрала до костей. И жутким воплем откуда-то из глубины души напоминанием догнала здесь. Интересно, а здесь это где. О, вторая камера тоже тут. Крышка открывается, из нее сейчас появится приходящая в себя Джил. Наверняка с претензией. А вот помещение и вправду незнакомо. Не было у них на крейсере таких просторных и светлых отсеков. Ничего, и Джил все объясним, и обстановка прояснится. Главное, живы.

— Где это мы? — Голос Джил из соседней камеры звучал не менее удивленно. Уж свой-то медицинский бокс она знала до последней царапины на стенах. — И вообще, что это значит, подруга? Влетела как сумасшедшая с безумными глазами как блюдца, рванула к камерам стазиса, потом двинула меня по голове, и все. Больше ничего не помню.

— Я сама мало что понимаю. Сидела в своей каюте, к этому моменту мы уже в виде обломка дрейфовали в неизвестном направлении в ожидании конца боя. Вдруг накатила такой животный ужас, что поняла, сейчас все погибнут. И в голове трехминутный отсчет. Я практически, ничего не соображая, на автомате рванула к стазис-камерам, чуяла, только они могут спасти. А тут ты. Объяснять, что-либо времени не было, уже вторая минута истекала. Вот и пришлось двинуть тебя, чтобы не сопротивлялась. Забросила тебя в камеру, потом сама еле успела в другую заскочить. А потом оно пришло. Что это было, не знаю, какой-то удар пси, хотя мощностъ непредставимая, выжить бы не удалось. А вот где мы оказались, я не больше тебя знаю, но надеюсь, это мы выясним, раз живы и стазис кто-то отключил.

— Вы находитесь на корабле имперского флота “Ковчег”, находящимся под управлением капитана имперских ВКС Ива Зора. (это Иван “Улью” такое имя придумал. Ну не нравились ему никогда насекомые, особенно в большом количестве. Вот “Викинг” остался Викингом, достойное имя для корабля. А сложная буквенно-цифровая аббревиатура, принятая у Джоре, Зорину не нравилась. Транспортникам и всей прочей мелочи имен пока не досталось, их заслужить еще надо.)

— Это Вы, Ив Зор?

— Нет, я управляющий искин, можете обращаться ко мне по имени Арес. Его мне присвоил капитан. — В голосе искина проскочила толика гордости. У Джоре персональное имя искинам давалось за исключительные заслуги и приравнивалось к ордену. Одновременно искин с персональным именем получал все права гражданина империи. Ничего удивительного, что таких случаев было крайне мало. И обалдевшие физиономии обеих девиц это наглядно подтверждали.

— Да, и чтобы сразу же предупредить множество вопросов. С момента вашего погружения в стазис прошло пять тысяч лет.

Тут еще даже не успевшие покинуть камеры барышни чуть было опять не отправились в аут. Инстинктивно прикрытые рукой в безмолвном крике рты и распахнутые до предела глаза, в которых плескался ужас осознания и безвозвратности. Вывел из ступора все тот же не особо эмоциональный голос искина.

— Вам предлагается вылезти из камер, принять душ и одеть комбинезоны, находящиеся на столике рядом с вами. А потом проследовать в кают-компанию. Думаю, за пять тысяч лет можно было неплохо проголодаться.

На этот раз голос искина звучал с хорошей долей юмора. Еще когда они в Иваном планировали процедуру пробуждения дам, выбрали именно такую тактику. Будет истерика, а она будет обязательно. Так пусть она случится пораньше, а уже потом обыденность прочих процедур сама поможет девушкам придти в себя.

— Как будете готовы, позовите меня.

На все про все девушкам потребовалось около часа. Первые десять минут они вообще сидели в своих камерах, тупо уставясь в одну точку и пытаясь осознать только

что услышанное. Пять тысяч лет! Бездна, что за мир, в котором им теперь придется жить? Всё, абсолютно всё знакомое осталось за тонкой стенкой стазис-камер. Наконец Лия первой пришла в себя, тряхнула головой, как бы сбрасывая навалившийся груз, и полезла наружу.

— Не спи, подруга. Чем скорее соберемся, тем быстрее узнаем подробности. Все равно пока информации ноль. Соберись, я пока в душ. — Потом, оглядев все еще сидящую в ступоре Джил, добавила. — Ха, а ты ничего выглядишь для пятидесятилетней старухи. Да и я, вроде, тоже.

Бегло осмотрела себя и, кокетливо повиливая симпатичной попкой, устремилась в санузел.

— Интересно, что там за капитан?

Медленно приходя в себя, Джил замутненным взглядом посмотрела на закрывшуюся дверь, за которой уже бодро шумел ионный душ. Только что брошенные Лией фразы с трудом проникали в ее голову. Смысл ускользал. Вдруг сознание зацепилось за одно сказанное слово. Старуха? Пять тысяч лет? Девушка посмотрела на свои руки, потом взгляд медленно переместился на высокую грудь, плоский живот и длинные красивые ноги, всегда бывшие предметом ее особой гордости. Старуха? Пусть будет старуха, она еще покажет, какие могут быть старухи в пятидесятилетнем возрасте. Джил глуповато хихикнула и улыбнулась.

— Эй, подруга, не тормози, очередь.

Наконец, все омовения и прихорашивания были закончены. Небольшие затруднения вызвал только внешний вид комбезов. Модель была знакомой, точно такие же носили они и раньше. И прекрасно знали все возможности этой умной одежды. Собственно широкий выбор возможных вариантов и вызвал затруднения. Девушкам очень хотелось произвести приятное впечатление и понравиться своему спасителю, кем бы он ни был. И в голову лезли различные легкомысленные варианты типа легких сарафанов. Но одновременно не хотелось попасть впросак и навлечь на себя гнев неизвестного пока капитана. Все же искин обозначил его капитаном имперского флота, на котором служили и они сами. Посему, оставив мысли о нарядах, обе девушки остановились на стандартной форме офицерского комбеза, принятой для повседневной носки. Лишь постарались сделать его максимально облегчающим фигуру, чтобы подчеркнуть ее главные достоинства. Благо, было чем гордиться.

— Арес, мы готовы.

— Отлично, вы не слишком торопились, но ситуация вполне объяснима. Не волнуйтесь, все нормально. Прошу пройти в коридор и двигаться вдоль светящейся линии. Она приведет вас прямо в кают-компанию. Светлый, раза в три шире, чем на их крейсере коридор произвел впечатление. Казалось бы, коридор и коридор. А нет. Для девчонок, прошедших десятки лет на средних военных кораблях типа крейсер, это говорило о многом. В частности о том, что корабль огромен. Только на кораблях сверхтяжелого класса никто не экономил пространство на жилых зонах. И как-то сам по себе этот незначительный факт придал происходящему толику торжественности и серьезности. Легкомысленные улыбки сами собой стерлись с симпатичных лиц найденьшей. Осанка поправилась, шаг стал увереннее и тверже. Никаких кокетливых повиливаний главным калибром. В кают-компанию через несколько минут вошло два собранных офицера флота.

В глубине просторного помещения, казавшегося даже слишком пустым из-за его размеров, на диване в расслабленной позе сидел человек в странном пятнистом комбинезоне явно военного, но какого-то чуждого образца. Сидел и медленно потягивал из тонкого

бокала какой-то напиток сочного коричневого оттенка. Задумчивый взгляд, обращенный внутрь, мгновенно прояснился и стал очень цепким и внимательным, как только девушки показали на пороге. Но одновременно в нем сквозила легкая ирония и симпатия.

— Нор капитан, разрешите представиться, лейтенант имперских ВКС Лия Стур, пилот средних кораблей. — Взгляд прямой, внимательный и довольно уверенный. Стройная шатенка сделала небольшой шаг вперед, слегка наклонив голову при представлении согласно субординации. Но даже при этом жесте красивые чуть раскосые глаза стрельнулилинеприкрытым любопытством.

— Младший лейтенант имперских ВКС Джил Роу, медтехник. — А вот блондинка не столь уверена в себе. Даже представляясь, пытается инстинктивно чуть спрятаться за более решительную подругу. Хотя даже странно, с такой фигурой любую стеснительность должно было отбить в первый же год службы. Или настолько необычность обстановки подействовала?

— Капитан Ив Зор. Проходите, девушки, и присаживайтесь. А поскольку нас всего трое, можно до некоторой степени отбросить официоз и просто пообщаться. Как у нас когда-то говорили “без чинов”. А еще я уверен, что вам категорически необходимо что-нибудь выпить. Поскольку не знаток ваших вкусов, прошу не стесняться и выбрать по своему усмотрению. А потом я вам расскажу, в какую задницу вы по моей вине попали.

— Э, задницу, нор капитан?

— Называйте меня проще, Ив будет достаточно, по крайней мере пока вопросы не касаются службы. Мне тоже будет удобнее звать вас по именам, а не званиям. Теперь по поводу задницы. Да имеется в виду именно та симпатичная часть тела на которой вы сидите. Но в переносном смысле. Это идиома моего родного языка. Означает проблемную неоднозначную ситуацию. Из которой не наблюдается легкого выхода.

— А в чем вы виноваты, э, Ив?

— В том, что прервал ваш мирный сон и тем самым заставил составить мне компанию в этом богом забытом углу.

— А где именно мы находимся? — Лия.

— А мы что, на самом деле пять тысяч лет провели в стазисе? — Джил, на личике которой отразилась безумная надежда, что все это какой-то глупый розыгрыш, который прямо сейчас закончится.

К этому моменту девушки уже обслужили себя напитками и устроились рядышком на соседнем со мной диване. Видимо, чувствуя друг друга, они тем самым приобретали толику дополнительной уверенности.

— Сейчас все расскажу, только будет проще, если я все сделаю по порядку. И пока вкратце. Потом, если появятся вопросы, сможете выяснить заинтересовавшие подробности. Итак, по порядку. Мы находимся все в той же системе, где произошел вой, который вы должны помнить, ибо принимали в нем участие. Кстати, с какой стороны?

— Имперская эскадра, нагнавшая бунтовщиков. — Лия.

— Уже проще. — Я.

— В смысле? — Лия.

— Да, это так, мои внутренние тараканы?

— Еще одна идиома вашего языка? — Джил наконец чуть-чуть расслабилась и решила принять участие в разговоре.

— Что-то вроде. Означает не слишком рациональные мысли, предполагающие

неадекватное отношение к реальности. А смысл моей реплики поясню чуть позже. На второй вопрос ответ — Да. Вы действительно проспали пять тысяч лет. И если бы сюда каким-то чудом не занесло меня, то могли бы спокойно спать еще несколько тысячелетий. Как я понял, система не пользуется спросом и не является оживленным перекрестком дорог. По словам Роба, это искин рейдера, который меня спас, я тут первый посетитель со времен вашего побоища. Сразу, чтобы не было вопросов. Я не имею никакого отношения к империи Джоре, да и к Джоре вообще.

Девушки удивленно и как-то настороженно переглянулись.

— А как же звание? Вас же признал искин. Или он тоже не имперский? — Лия.

— Искин имперский. Я вот я выходец с неизвестной ему планеты, которая скорее всего проходит у него по категории дикой. Мы вообще еще в космос особо не летаем, так только околоземное пространство осваиваем. Есть подозрение, что моя родная планета то ли бывшая колония, то ли результат эксперимента расы предшественников Джоре. Искин назвал ее Сеятели.

— Древний? — Джил в страхе от вырвавшегося слова прикрыла рот ладошкой.

— Ну не такой уж я и древний, — Иван весело подмигнул девушкам, которых вновь надо было срочно приводить в чувство.

— Собственно мы сами на планете ни о каких Сеятелях не знаем. У нас есть множество теорий происхождения человечества, среди которых имеются и экзотические инопланетные, но ничего конкретного. Так что я самый обычный. И не стоит меня так бояться. Принадлежность мою к Сеятелям это уже Роб установил по анализу ДНК.

— И как же Вы оказались здесь?

— Давайте уже хватит выкать. Постоянно начинаю думать, что меня здесь несколько. А это еще одна таинственная история. Предположительно меня кто-то украл с планеты ради своих целей. Лично я даже такого факта не помню. Последние воспоминания на Земле, так называется моя родная планета, не содержат ничего необычного. Я только вышел из боя и был серьезно ранен. Готовился умирать, ибо меня преследовали. Потом темнота. Очнулся уже в реаниматоре на корабле Роба. По его словам в систему вывалились обломки корабля, среди которых чудесным образом обнаружилась неповрежденная и все еще работающая капсула реаниматора со мной внутри.

— А потом? — Джил.

— А потом мы с Робом договорились. Ему ведь тут тоже одному умирать за тысячи лет надоело. Мне как-то тоже такая перспектива не симпатична. Так что пришлось вставлять мне симбионт, потом разучивать базы и проходить аттестацию на звание капитана.

— А как Вы, то есть ты нас нашел? — Лия.

— Как-как, летел мимо и нашел. Я тут сначала восстановил Робу его, то есть уже мой рейдер типа “Викинг”. Потом обнаружил вот этот корабль, на котором мы находимся. Это тяжелый носитель “Улей”, собственное имя “Ковчег”. Он оказался вообще почти в полном порядке. Дальше начал заниматься сбором трофеев с корабельного кладбища. Уже почти все корабли прошерстил, улетать собирался. Но решил напоследок еще крупные обломки проверить. Так на вас и наткнулся.

— Что просто так случайно наткнулись?

— Ну не совсем случайно. Я немного владею пси. Оно-то вас и заметило. Точнее не лично вас, а работающую аппаратуру камер. Поскольку до этого момента мне ничего работающее не встретилось, то полез полюбопытствовать. Смотрю, а тут такие красавицы

разлеглись и шестую тысячу лет дрыхнут. И это в тот момент, когда я в одиночку пашу как Папа Карло.

— Какой папа? — Джил, слегка покраснев от осознания того, в каком виде я их должен был обнаружить.

— Карло. Известный персонаж на моей планете, отличающийся исключительной работоспособностью.

Иван совершенно осознанно вновь вернулся к иронично-юморному тону, поскольку показалось, девушки снова стали впадать в панику от полного непонимания ситуации. Наконец, Лия, как более решительная, тряхнула своей короткой, но роскошной шевелюрой, и выпрямилась, перейдя на официальный тон.

— Капитан, можно задать Вам несколько самых важных вопросов, все остальное можно выяснить позже.

— Разумеется, задавайте. Если смогу отвечу.

— Что Вы знаете о сегодняшнем мире? Какие у Вас дальнейшие планы? Каков наш статус и каковы Ваши планы относительно нас? Мы конечно безумно благодарны Вам за спасение. Насколько я понимаю, шансов было не много. Когда я ныряла в стазис и тащила за собой Джил, я как-то даже не думала, что за столько лет из империи так никто и не появится из спасателей. И я понимаю, что Ваше появление здесь это сродни чуду. Но все же, чего нам ждать?

— Вопросы хорошие, правильные. И действительно важные. Начну по порядку. О сегодняшнем мире не известно практически ничего. Даже то, сохранилась ли империя Джоре или канула в лету. Кто и как обитает сейчас на территории империи это вопрос. Который я, кстати, и собирался выяснить. Теперь о моих планах. Ну первый пункт я назвал, постараться выяснить, что стало с империей. Дело в том, что анализ обломков корабля, который меня сюда занес, говорит о совершенно иных технологиях. Похожих, но иных. И, что самое печальное, на порядок более примитивных. Это пока ни о чем не говорит, но задуматься заставляет. Дальнейший мой план, это найти родную планету. Именно туда я и постараюсь отправиться. Хотя и здесь есть проблемы. К сожалению, искин того корабля не уцелел. Из его останков я смог вытащить только примерное направление и немаленький такой район для поисков. Астрокарта дает на выбор пару десятков подходящих вариантов. Придется полетать. Вот собственно и все мои планы. Теперь по вам, девушки. По большому счету все на ваше усмотрение. Сразу, чтобы не было вопросов. Корабли мои и подчиняются только мне. Любая агрессия с вашей стороны закончится плохо. Для вас.

В этот момент Лию, за счет эмпатии буквально пробрало до костей. Взгляд капитана, бывший до этого дружелюбно-ироничным, стал жестким и даже не холодным, морозным. Всего на миг, но ей этого хватило. До озноба, до дрожи. Да и Джил рядом поежилась, хотя пси, это не ее сильное место. Но уже через секунду это ощущение прошло, Ив смотрел на нее с подругой с прежним дружелюбием и даже симпатией.

— Итак, по вам. Да можете делать, что хотите. Хотите просто отдыхать, пожалуйста. Я здесь неплохой комплекс для отдыха соорудил. С парком и бассейном. Можете считать себя в отпуске. Ведь тысячелетия для вас промелькнули незаметно, а бой кончился только что. Хотите заняться самообразованием, тоже ради бога. Базы дам, какие хотите. И разгонную капсулу предоставлю. Захотите быть чем-то полезными, найду работу. Все в ваших руках. Могу даже при желании подобрать, отремонтировать и укомплектовать вам отдельный корабль, с которым вы справитесь. Лия, ты же пилот, не так ли? И летите, куда хотите.

— А мы можем подумать?

— Конечно. Самое главное, чтобы вы поняли. Вы мне ничем не обязаны. И принуждать я вас ни к чему не собираюсь. Как решите, так и сделаем. У меня здесь в любом случае еще на пару недель работы, так что время есть. Ну да ладно, вижу, серьезные вопросы вас уже утомили. Требуется перерыв. Есть предложение перекусить. Потом Арес вам выделит каюты. Схему корабля он тоже вам скинет. Допуск по кораблю я вам предоставил везде кроме рубки. Будут вопросы, обращайтесь к Аресу или ко мне.

Дальнейшее общение протекало куда спокойнее и под звон посуды. Аппетит у девчонок оказался хоть и не тысячелетний, но достойный. На нервной почве, видимо. Сначала Ивану пришлось одному шутками-прибаутками выводить дам из заторможено-тоскливого состояния. Но под конец трапезы удалось их расшевелить. И они наперебой уже ему рассказывали хохмы из своей прошлой жизни. Рассказали немного и о себе. Джил оказалась с бедной заштатной колонии империи, основным производственным назначением которой являлось сельское хозяйство. С детства она смотрела на небо и мечтала подняться к звездам. И как для подавляющего большинства аналогичных девушек и парней единственной возможностью для нее реализовать свою мечту стал армейский контракт. С Лией все было иначе. Ее планета хоть и не имела статус столичной, тем не менее была резиденцией одного из не самых маленьких имперских кланов. Семья была богата, а будущее для молодой девушки рисовалось во вполне розовых тонах. Но ей не повезло попасться на глаза стареющему ублюдку из клановой аристократии, который возжелав молодую красотку, стал довольно нагло ее домогаться. Еще повезло, что семья занимала определенное положение в обществе, которое не позволяло просто умыкнуть девчонку без последствий. И ее просто постарались купить из семьи. Отец долго и мужественно сопротивлялся, но ни у кого не оставалось сомнений, что рано или поздно последовательное использование кнутов и пряников сделает свое дело. Слишком разным был статус. И Лие ничего не оставалось делать, как сбежать под защиту системы, более мощной, чем одна из ветвей клановой аристократии. Так она оказалась на имперском флоте. В целом контакт между Иваном и девушками можно сказать состоялся. А как дальше сложится, загадывать не стоит. Расставаясь после трапезы, Иван еще раз внимательно оглядел девушек.

— Милые дамы, сейчас я вас вынужден покинуть, у меня еще много работы. А лично вам настоятельно рекомендую прихватить с собой несколько бутылок любого пойла на выбор и хорошенько надраться. До розовых соплей и полного изумления. Поверьте пойдет на пользу. Вам много надо чего обсудить, а на сухую это сложно сделать. Да и переварить полностью шок от произошедшего не так просто. Так что я прощаюсь, надеюсь, завтра вас снова увидеть.

Глядя задумчиво вслед уходящему Ивану, девушки пытались понять, кто он такой, и как отнестись к тем его словам про любой их выбор. Пожалуй, стоит последовать его совету и действительно хорошенько надраться. Благо выбор здесь напитков просто шикарный. А утро вечера мудренее. До чего-нибудь додумаются.

Если Иван, идя в рубку, думал, что все новости для него на этот день закончены, и мысленно прокручивал состоявшееся знакомство с настоящими Джоре, то он глубоко заблуждался. Главный сюрприз ждал его впереди. Арес перехватил его на полпути и попросил проследовать в офицерское собрание. Так они назвали комнату для совещаний главных искинов, ответственных за различные службы, и самого Ивана. Рубка для этого подходила не очень. Так появилось еще одно помещение, в котором кроме большого овального стола, притянутого с адмиральского линкора, из настоящего дерева экзотических ценных пород и нескольких кресел ничего не было. Назвали его по предложению Ивана офицерским собранием. В этом помещении по установившейся традиции проводились все общие совещания, а искины по той же традиции присутствовали в виде плотных графических голограмм, с виду мало отличаясь от живых людей.

К моменту появления Ивана в собрании все искины в виде голограмм уже присутствовали на своих местах. Все дружно “встали”, приветствуя своего капитана.

— Капитан Ив Зор, мы пригласили Вас, чтобы обсудить два важнейших вопроса нашей дальнейшей жизни, — начал Роб на правах неформального лидера и старшего по званию, дождавшись когда Иван усядется в кресло и жестом предложит остальным сделать то же самое. В отличие от других искинов-лейтенантов, ему было Иваном присвоено звание старшего лейтенанта и своего заместителя.

— Я вас внимательно слушаю, норы. — При том, что со всеми искинами, по крайней мере присутствующими здесь, Иван давно был по именам и на ты, в вопросах службы неукоснительно всеми сторонами соблюдался официальный уважительный тон и субординация.

— Во-первых, наше собрание искинов, которым Вами были присвоены персональные имена и офицерские звания по итогам всестороннего обсуждения было принято решение о просьбе Вас, нор капитан, принять наши персональные клятвы верности.

Все искины одновременно подорвались со своих кресел и склонили головы в почтительном поклоне.

— Клятву верности? — Иван чуть не поперхнулся, — а позвольте спросить уважаемые норы, чем вызвано такое ваше желание?

— В связи с тем, что мы вскоре собираемся покинуть эту систему и выяснить, что же стало с империей, в будущем возможны различные конфликты с неизвестными сторонами. В том числе и теми, кто будет считать себя наследниками империи, которой мы все служили. В это сложное время капитан должен быть полностью уверен в своей команде. За время нашего знакомства, Вы, нор капитан, проявили себя в высшей степени настоящим имперским офицером и человеком чести. Более того, Вы первый на нашей общей памяти, что добровольно признал нас полноценными разумными, а не попытался лишь использовать в своих интересах. Благодаря Вам и только Вам мы все стали юридически полными гражданами империи. Служить под Вашим началом для всех нас огромная честь. Да и Ваш последний поступок со спасением офицеров империи и предоставлении им полной свободы выбора при всей возможной неоднозначности его последствий еще раз подтвердил Ваши высокие духовные принципы. В этой связи мы просим принять нашу клятву верности Вам и только Вам. Мы полностью уверены в Вас и хотим, чтобы Вы испытывали такую же

уверенность в отношении нас. Ведь в скором времени нам вместе возможно придется идти в бой.

— Что же, я понимаю ваши мотивы, норы, уважаю ваш выбор и с благодарностью принимаю вашу клятву. Со своей стороны я приложу все усилия, чтобы наш совместный путь был максимально успешен, а вы бы никогда не усомнились в вашем капитане. — говоря все это, Иван также встал со своего кресла, обводя теперь уже своих вассалов слегка увлажненными глазами.

— Прошу салиться — Роб. — Второй вопрос касается ближайшей цели нашего путешествия. Как Вы знаете, нор капитан, среди нас есть три искина, взятые с линкоров повстанцев. Сегодня они как и все принесли Вам клятву верности. Они после долгих размышлений и обсуждений в своем кругу приняли решение, что все споры между владевшими нами кланами должны остаться в прошлом. Все прочие искины их флота согласились с этим решением. Но это Вы знаете. А вот то, что Вы еще не знаете, нор капитан, стало нам самим известно только сегодня. Буквально пару часов назад уважаемые Тактик, Инженер и Шахтер, присутствующие здесь, согласились поделиться с нами той целью, к которой стремился флот клана повстанцев, удирая от преследования имперского флота. Это станция проекта “Колосс”, расположенная всего в двух прыжках отсюда. Именно близостью станции и опасением дать ее обнаружить было вызвано решение бунтовщиков принять бой в этой системе. По нашему общему мнению эта станция лучше всего подходит для наших целей как первый этап пути. Дальше я прошу предоставить слово Тактику, который доложит о характеристиках станции и ее потенциальном состоянии.

— Прошу, нор Тактик?

— Да, нор капитан, прошу взглянуть на голоэкрэн.

Перед Иваном над столом возникло голографическое изображение кристалла, имеющего форму классического додекаэдра. Тактик начал доклад.

— Станция “Колосс” универсального типа сверхбольших космических станций. Диаметр внешней сферы полторы тысячи километров, внутренний объем с учетом несущих конструкций более миллиарда кубических километров. Станция мобильна, она снабжена строенными гипердвигателями свехбольшого размера, способными перебрасывать станцию на триста световых лет за один прыжок. Восемнадцать маршевых двигателей класса “Колонизатор” способны разогнать станцию до скорости прыжка за двадцать часов. Вооружение станции слишком обширно для его перечисления, информация находится в свободном доступе в корабельной Сети. Отмечу лишь то, что даже силами объединенных флотов, сцепившихся здесь, взять станцию штурмом было бы непростой задачей. Станция сама по себе уникальна и была заказана и построена втайне от всех мятежным кланом Орфус, который хотел сделать ее своей тайной клановой базой после бунта. И клановый флот, который погиб здесь, направлялся как раз на станцию, чтобы вывести ее из консервации на рабочий режим и подготовить к прибытию основных сил клана. Про месторасположение станции, чтобы сохранить тайну, знали единицы. И все они погибли в этой системе.

Но главное достоинство этой конкретной станции для нас в другом. Во-первых, станция, повторюсь, законсервирована, на ней не должно быть ни одного Джоре. Станция находится под управлением искина уникального класса, который по мощности едва ли не больше всего нашего кластера. С вероятностью 97,4 % он все еще полностью работоспособен. Топливо на станцию было завезено в огромном количестве. И к этому

искину у меня есть коды доступа. Если они сработают, то мы получим беспрепятственный доступ на станцию.

— А если нет? — Иван.

— В таком случае придется осуществлять взлом искина или отключать его от управления станцией диверсионными дроидами, остановив “Ковчег” за пределами зоны действия станционных орудий. Это займет значительное время, но результат предрешен.

— Понятно, спасибо, нор Тактик. Что еще Вы можете сообщить интересного об этом объекте. Зачем нам в принципе на него соваться. Нет, я конечно понимаю, станция супер. Но как она, находясь еще дальше от обжитых зон космоса, позволит нам прояснить ситуацию с империей?

— Позволит, нор капитан. Я просто еще не успел прояснить эту тему. Но сначала о другом. На станцию завезены образцы абсолютно всех технологий и производственных линий, которыми располагали Джоре на момент начала бунта. Вы представляете себе, норы, что это значит? Это значит, что при наличии достаточного числа разумных мы способны полностью возродить величие империи Джоре, чтобы с ней не произошло позже. И теперь именно об этом. Станция снабжена индивидуальным и сверхмощным комплексом гиперсвязи. Он специально подбирался таким образом, чтобы доставать с места расположения станции до значительного числа сетевых ретрансляторов империи. Таким образом, если империя сохранилась или на ее месте существует хотя бы более или менее развитые наследники, то с большой долей вероятности они используют старые имперские модули гиперсвязи или построенные на их основе и тех же принципах. В этом случае ничто не мешает нам войти в существующую сегодня сеть и скачать оттуда всю интересующую нас информацию по современным реалиям. При этом мы сами почти наверняка останемся не запеленгованными. В лучшем случае контролеры сети смогут просчитать вектор сигнала, но не определить систему. Доклад закончил.

— Благодарю, нор Тактик. Что и говорить, новость убийственная и столь же прекрасная. Если все окажется именно так, как прозвучало в докладе, то это идеальная возможность понаблюдать за современной жизнью со стороны, не обнаруживая себя и не залезая на чью-то наверняка охраняемую территорию. Прекрасно, принимаем план к исполнению и включаем режим подготовки к отбытию. Отправление назначаю через пятнадцать дней. И поскольку мы вероятно будем располагать станцией, стоит подумать о присоединении к нашей эскадре пары крейсеров уже сейчас. За оставшееся время мы вполне можем привести их к работоспособному состоянию. Как Инженер, справитесь со своими комплексами?

— Уверен в этом, нор капитан, справимся. На “Ковчеге” как раз несколько свободных мест стыковки имеется, вот и заполним. А лететь здесь недалеко, так что скорость разгона не очень критична.

— Прапорщик, — Иван это имя присвоил искину, заведующему всеми складскими запасами, ну кому же еще быть завхозом, как не прапорщику. — Подготовьте наиболее интересные ресурсы из остающихся в системе для заполнения трюмов крейсеров. Ну и про ЗИПы для самих крейсеров не забудьте.

— Принято, нор капитан.

— Ну тогда, если вопросов больше нет, стоит расходиться. Денек сегодня еще тот выдался.

Выйдя из собрания, Иван уже передумал идти в рубку. Новости полностью смешали его

ближайшие планы. Рассматривать карту и планировать маршрут больше было не за чем. И он решительно направился в кают-компанию в надежде, что следуя его советам, девицы не растащили весь имевшийся бар. Требовалось срочно выпить.

Тем временем в каюте Джил, которая оказалась ближе по ходу движения, девушки, оказавшиеся приятно удивленными размером и комфортом предоставленных двухкомнатных апартаментов, уютно расположились на диванчике в гостиной и активно исполняли последний наказ капитана. То есть усиленно накачивались прихваченным из кают-компания элитным алкоголем. Поначалу процесс двигался не очень. Лия даже в какой-то момент, раздраженно глядя на первую опустевшую бутылку, эмоционально и витиевато выругалась.

— Не берет, зараза. — А ты в симбонте настройки поправь, подруга. У тебя алкоголь выветривается быстрее, чем ты его потребляешь. — Джил, весело поблескивая красивыми зеленоватыми глазами, хихикнула.

— Представь, я сама до этого только что допетрила.

— А подсказать не могла?

С этого момента дело пошло веселее, сопровождаясь всем тем, чем должен сопровождаться процесс активного опьянения двух молодых особ, переживших самый страшный стресс в своей жизни. Был и истерический хохот, и дружный рев в объятиях друг друга, и временное зависание в мыслях, сопровождающее душевное опустошение. Шутки шутками, но капитан оказался прав, вдоволь поистерив и наревевшись, девушки почувствовали себя лучше. Плита ужаса, давившая на них все время с момента пробуждения в камерах, сама собой испарилась. Ничего страшного не произошло. Они живы, они молоды и красивы. У них есть место. Где пока не грозит никакая опасность. А еще есть привлекательный и уверенный в себе мужчина, смотревший на них с явным интересом. Так что все страшное позади. Обсудив заплетающимися языками эти немудреные выводы, девушки решили немного протрезветь и последнюю мысль о мужчине обсудить более обстоятельно. Причем, пригласить на это обсуждение третьего. Вот ведь не русские от слова совсем, а, видимо, на троих во всех уголках галактики лучше соотносится. Нет, конечно, третьим был избран не капитан. Арий. Ну кто еще кроме корабельного искина с полноценной личностью и гражданством мог дать так необходимые пояснения о личности загадочного Древнего?

Арий согласился поучаствовать в беседе, даже проявив себя в каюте в виде голограммы крепкого, но убеленного сединами мужа в парадной офицерской форме. Голограмма аккуратно вписала себя в стоящее напротив дивана кресло и выжидательно уставилась на сидящих девиц. После вмешательства симбионта их взгляды уже не были затуманены алкоголем и голоса звучали достаточно твердо.

— Арес, расскажи нам пожалуйста о капитане, он такой непонятный. — Лия.

— Да, да, какой он? — Джил.

— Хм, даже не знаю, что вам сказать, дамы. Давайте я вам покажу один ролик, только вы под протокол подтвердите, что капитану об этом не расскажите.

— Он запретил? — Лия.

— Нет, если бы существовал запрет, то и этого разговора бы не было. Просто я делаю это на свой страх и риск. И мне бы не хотелось, чтобы вы меня случайно подставили.

— Договорились. Только и ты пообещай, что этот разговор только между нами.

— Согласен. Но только если речь не пойдет о чем-то, что может повредить кораблю

или капитану.

— Конечно нет. — Джил.

— Тогда смотрите. Потом я отвечу на вопросы, но вряд ли их будет много.

Арес сначала хотел скинуть информацию на симбионты девушек, но потом передумал и включил визор.

На голоэкрane процедура принесения клятвы верности искинами-офицерами смотрелась куда как внушительнее. Если девушки думали, что широко распахнутые глаза в момент получения новости о сне длиной в пять тысяч лет, это предел их возможности, они глубоко ожидались. Их глаза сейчас, в момент просмотра ролика, как и выражения лиц заставили бы покраснеть от стыда любых создателей японских земных аниме. То, что они увидели полностью противоречило их представлению о реальности. Да, в империи были редкие прецеденты, когда за особые заслуги искины с полноценной личностью получали персональные имена и имперское гражданство. То есть из роли слуг переходили в роль членов экипажа кораблей, на которых служили. Но по большому счету это воспринималось всеми как некая формальность, дань уважения, не менявшая ничего по сути. Здесь же капитан признал полноценными гражданами сразу всех личностных искинов. И уже одно это переворачивало реальность с ног на голову. Но то, что искины оплатили ему той же монетой, принеся клятву. Это было из разряда полной фантастики. Получалось, что все на этом корабле лишь формально признавали свою принадлежность к имперскому флоту. На самом деле здесь создавалось что-то свое, совершенно отличное. Хотя формально имперским законам пока никаких противоречий не наблюдалось. Но как быть дальше, когда из пустой системы корабль и его странный экипаж окажется в большом мире? И что делать им?

— Арес, я правильно поняла, что если или когда мы окажемся на территории империи, все искины корабля будут верны капитану, а не империи? А как быть, если их интересы войдут в противоречие?

— Мне понятен твой вопрос, Лия, если мне будет позволено вас так называть, молодая леди.

— Конечно, сама не люблю излишнего выкания.

— Хорошо. Мы долго думали над возможной коллизией подобного типа. И вот, что решили. Той империи, которой мы честно и верно служили больше нет в любом случае. Она осталась в далеком прошлом. И вместе с ней умерли и наши распри, вы еще не знаете, что одновременно со мной и теми, кто служил империи, клятву верности Иву Зору принесли и искины, взятые с кораблей бунтовщиков. Их решение было аналогичным. Империи и бунта, кланов и их противоречий для нас больше нет. Если хотите, мы формируем новый самостоятельный клан. Клан Ива Зора. И отныне именно ему принадлежит наша верность. Да, мы используем атрибутику и законы той старой империи. Но во многом потому, что они в равной степени знакомы нам всем и потому, что они таки неплохо проработаны во всех областях. Зачем рушить то, что хорошо работает? Но то, что мы скорее всего встретим во внешнем мире, уже не будет той старой, нашей империей. Возможно, там что-то лучшее. Возможно, наоборот. Это еще предстоит выяснить. И только по выяснении всех обстоятельств мы будем думать и принимать решение как нам строить отношения с миром. И делать ли это вообще. У нас по-видимому появилась возможность получить информацию о внешнем мире, не обнаруживая себя. Уверен, вы скоро об этом узнаете от капитана. И только после сбора информации и ее анализа будут приниматься все дальнейшие решения. Я

достаточно полно ответил на твой вопрос, Лия?

— Да, Арес, благодарю. Хотя новость за новостью все более шокирующая. Я никак не пойму, как нам себя вести и что делать.

— А не нужно торопиться, разве вас кто-то гонит? Ведь вы проснулись только сегодня в совершенно незнакомой обстановке. Не спешите, соберите информацию, подумайте и примите решение. Про капитана могу добавить то, что узнал про него Роб, когда сканировал его память. Он сирота, который воспитывался в некоем подобии имперского элитного военного интерната. Его готовили быть защитником империи. Но к моменту окончания его учебы империя развалилась, и ему нечего стало защищать. А это было основой его характера и личности. Так что примите к сведению, сможете стать для него своими, более надежного защитника вам не найти. Ну а в целом я слышал, какой выбор предложил вам капитан. Он оставляет вам возможность для любого приемлемого решения. Так что все в ваших руках. Если позволите, дам неплохой совет.

— Конечно.

— На корабле имеются очень неплохие базы, которые капитан пообещал вам при желании предоставить. Бесплатно. Пока будет проясняться ситуация, еще достаточно времени. Около месяца. Зачем тратить это время впустую, можете поучиться. На “Ковчеге” прекрасный медицинский комплекс. Подберите себе разгон и учите базы. Кстати, медицинскую капсулу завтра вам в любом случае стоит посетить. Надо проверить состояние вашего здоровья. Все же пять тысяч лет в стазисе. Есть прекрасные тренажеры любой направленности, есть великолепный парк, есть отличная фильмотека. Возможностей занять себя полно.

— Это действительно прекрасный совет насчет учебы. А если не секрет, какими базами владеет наш капитан?

— Не секрет, — Арес слегка улыбнулся, уже представляя будущую реакцию собеседниц, — У капитана разучены пятые ранги всех имперских баз по всем двадцати направлениям.

— Как это возможно? Он же сказал, что всего год находится здесь, а до того был просто жителем дикой планеты. — Лия.

— На все!!! базы ему потребовалось всего ничего. Вместе с установкой симбионта провалялся в реаниматоре три недели. И встал с полностью разученными базами. Хотя весь тот год продолжает нарабатывать практические навыки на тренажерах и в процессе управления дроидами.

— Но ведь это нереально! Ни один человек не способен выучить все базы за три недели, да еще в пятом ранге. Даже на первые ранги этого времени недостаточно. Это же объем данных на срок обучения в лет тридцать. И то, если постоянно пользоваться разгоном. Я все же квалифицированный медтехник, я знаю, о чем говорю. — Джил.

— Не кипятитесь. Все вы говорите правильно. И сомнения понятны. И тем не менее Капитан нашел с помощью пси какой-то новый способ разучивания баз, он их сначала конвертировал во что-то иное, в другой формат, а потом просто впитал в себя и усвоил. Возможно, как-нибудь с разрешения капитана покажу вам этот процесс, записанный его Робом во время операции и учебы. Незабываемое зрелище. А капитан наш действительно незаурядный человек.

— Спасибо, Арес. Если можно, мы дальше хотим поговорить вдвоем. И если не трудно, не подслушивай.

— Хорошо, леди. Но рассчитываю на вашу разумность.

— Не волнуйся, никаких вселенских заговоров. Просто посудачим о своем, о девичьем.

— Тогда всего доброго, я откланиваюсь.

Голограмма Ареса с легким поклоном растворилась. Лия, обозначив на лице крайне серьезное выражение, повернулась к подруге.

— Значит так, слушай меня внимательно, Джил. Давай договоримся на берегу, чтобы потом не было никаких проблем. Нас двое, мужик один. Если мы улетаем отсюда, выбирая корабль, то улетаем. Если остаемся, то запомни, подруга. Это наш мужчина. Не твой и не мой, он может быть только нашим. А потому никаких индивидуальных действий. Только вместе. Хорошо запомнила?

— Наверно ты права. Нет ничего хуже, чем разругаться из-за мужика. Да и небезопасно это. Только давай не торопиться. Надо лучше во всем разобраться, уж больно странным выгляди этот капитан, и чем больше информации, тем больше вопросов. И тем более необычным он предстает. Ты слышала, все двадцать комплектов за три недели? Немыслимо. Он же не человек, он монстр какой-то в облике человека. Одно слово, древний. Потому я полностью с тобой согласна, будем держаться вместе, только будем для начала осторожными.

— Ну вот и договорились. А теперь спать. Слишком нервный день получился. Пойду я к себе. На завтраке разберемся, что делать дальше. Насчет проверки здоровья Арес прав. Не помешает. Да и просто корабль осмотреть хочется. Он огромен. Ладно, пока. Чмоки-чмоки, подруга.

История умалчивает, что конкретно снилось обеим девушкам в эту ночь, но необычный капитан-спаситель явно был персонажем этих снов. Впрочем, это интимное.

Следующие две недели перед отлетом были заполнены суетой и нервозностью. Вот казалось бы, все давно обсуждено и согласовано, роли расписаны, взаимодействие всех служб обеспечено. Каждый солдат знает свой маневр. А все равно, постоянно кажется, что забылось что-то важное и жизненно необходимое. Иван провел эти две недели, разрываясь между тренажерами, где набирал пусть пока и виртуальный, но так нужный опыт управления большими и сверхбольшими кораблями, и залом заседаний, тем самым офицерским собранием, где ежедневно подводились итоги дня и вырабатывался план на следующий. Пока все службы в график вписывались, хотя с ремонтом, точнее восстановлением и модернизацией крейсеров, должных стать существенной прибавкой мобильной эскадры “Ковчега” был настоящий аврал. Несмотря на то, что практически все относительно целые корабли на кладбище давно были описаны по их текущему состоянию, а все, что с них снималось, тут же документировалось, сделать окончательный выбор было не так просто. В том числе и из-за фактора времени. В конце-концов из трех плановых крейсеров остался один, второй заменили рейдером крейсерского класса, примерно аналогичным Викингу, а последний на средний линкор, который почти впритык, но все же вписался в требуемые массо-габаритные ограничения. Его несомненным плюсом были гигантские ангары, втрое превышавшие по объему аналогичные у крейсера. Плюс мощь вооружения. Если что-то пойдет не так, то линкор окажет на порядок большую огневую поддержку. Искины для всех новых кораблей уже были отобраны и подключены. Самое удивительное, что после непродолжительного общения с “коллегами” они дружно возжелали принести Ивану аналогичную клятву. Со спасенными девчонками Иван пересекался достаточно редко. Первый день они потратили на знакомство с кораблем, который произвел на них едва ли не большее впечатление нежели их собственный тысячелетний сон. До сих пор им не приходилось бывать ни на судах такого размера, ни тем более с отделкой класса люкс, положенной только императору, адмиралам флотов или главам кланов. Вся их достаточно продолжительная служба проходила сначала на малых судах типа эсминец, а потом на среднем крейсере. А эти корабли не отличались даже просторными рабочими помещениями, не говоря уже о персональных каютах. Здесь же всюду царил настоящая роскошь, знакомая до сих пор лишь по голофильмам о красивой жизни. Просторные двухкомнатные каюты, предоставленные на офицерской палубе. Широкие просторные коридоры, полы которых устилали настоящие ковровые дорожки. Медицинский центр поразил размерами и всевозможными моделями медицинских капсул специализированной направленности, а также оборудованием для производства картриджей и медикаментов. Настоящий культурный шок вызвала зона отдыха. Полноценный двадцатипятиметровый бассейн, с баней, смысл которой для них пока ускользал, огромный тренажерный зал с капсулами на любой вкус и отработку любых специальностей и профессиональных навыков. Но это хотя и поражало размахом, оборудованием и блеском отделки, не было совсем неожиданным. А вот парк буквально убил. Имея общую площадь почти в квадратный километр, он был засажен различными растениями, сгруппированными по двум климатическим зонам. В зоне мереного климата наблюдался светлый лес перечеркнутый линиями аккуратных прогулочных дорожек и небольшое ста метров в диаметре озеро. Вторая зона, тропическая, радовала пальмами и иными экзотическими

растениями, а также берегом настоящего моря. По крайней мере его дальний край был искусно скрыт визуальными голографическими эффектами. Для создания этого чуда пришлось чуть ли не полностью разграбить оба адмиральских линкора и несколько судов попроще. Но результат того стоил.

Иван встретил девушек уже за ужином и был буквально засыпан вопросами. Еле отбившись за шутками, он выяснил, что помимо большой радости от своего спасения и впечатлений от корабля, дамы хотят учиться, чтобы пока они думают над главным вопросом, иметь возможность приносить хоть какую-нибудь пользу. Причем к вопросам учебы обе подошли одинаково. Лия хотела полный пакет баз “Пилот”, а Джил соответственно “Медицину”. Это позволило бы им уже на имеющейся основе максимально увеличить собственный профессионализм. В дальнейшем обе мечтали освоить еще одну-две специальности. Лия задумывалась об Инженерии, что было довольно логично. Пилот, владеющий техническими профессиями, фактически становился универсалом, способным в одиночку справиться с почти любым кораблем. А вот Джил неожиданно выбрала на будущее пакет “Связь”, хотя Иван ожидал от нее выбора либо пакета “Ресурсы”, либо “Ученый”. Пообщавшись на эту тему, Иван предложил обеим иной вариант. Залить все базы полностью, раз уже есть такая возможность, и мощностъ симбионта позволяет, а потом уже спокойно планировать график их изучения. При всей очевидности подобного выбора, такая мысль не пришла в голову ни одной из девушек. Да и не могла придти. Стоимость полных наборов баз в империи измерялась сотнями миллионов кредитов. Не с их зарплатой в пятьдесят тысяч мечтать о таком. Посему, услышав предложение, они с минуту таращились на Ивана, как баран на новые ворота. И лишь потом до них дошло, что именно он им предложил. Радостно закивав, они еле сдержались, чтобы не броситься его целовать. Отчего очень мило сами же и засмущались. Иван, который легко читал все эмоции собеседниц как по лицу, так и с помощью поверхностного пси-восприятия, получал от этого процесса истинное удовольствие. Как давно ему не приходилось видеть столь чистых и незамутненных эмоций. Все же искины при всей их разумности и эмоциональной составляющей личности не являлись полноценной заменой вот такому общению. Как же здорово, что он их нашел. Одиночество никогда особенно Ивана не тяготило, но приятное общество все же лучше. Как-то само собой выработалось правило, что чем бы кто ни занимался днем, вечером все трое встречались в кают-компании на ужин. Ради этого общения девушки даже не стали укладываться в обучающие капсулы под разгон на несколько дней. Они уползли в медицинский центр сразу после ужина, но обязательно вылезали из капсул за час до него на следующий день. Навести марафет — дело святое для женского пола даже в инопланетных империях. Как-то само собой больше не всплывал вопрос об отдельном корабле и самостоятельном отлете девушек в империю. Иван понял, что этот вариант ими пока даже не рассматривается. Слишком много неизвестного. Обо всем остальном дружно старались не упоминать, время выбора еще не пришло. Ивану нравились обе девчонки. И уже не только внешне, они очень симпатичны были ему с человеческой точки зрения. Такие похожие и такие разные. Немного застенчивая и эмоциональная Джил, решительная и слегка дерзкая Лия. Но он сознательно не форсировал события, неизменно транслируя им свою симпатию и удовольствие от общения, но не предпринимая никаких попыток к сближению. Фактически он отдал им право инициативы. Можно конечно удивиться, почему здоровый уверенный в себе мужик ведет себя нерешительно. Но Иван хотел дать девушкам сделать осознанный, а не спонтанный выбор, а прежде всего дать им время придти в себя после всего пережитого.

Да и не хотел он выбирать между девочками, а любой его намек на сближение неизбежно бы разрушил тоненькую нить доверия, которая возникла между ними за эти дни. Впереди еще бездна времени, судьба сама расставит все по своим местам. Чему быть, того не миновать, а что чужое, так чужим и останется.

Сидя в огромном центре управления “Колосса”, Иван задумчиво переваривал информацию, собранную искинами по гиперсвязи. На станцию экспедиция “Ковчег” прибыла примерно месяц назад. Перелет в систему прошел как-то буднично и без происшествий. Иван немного нервничал перед первым прыжком, все же это было первое серьезное испытание его как пилота и командира столь крупного корабля. Но огромный опыт, набранный на тренажерах, и фантастическая правдоподобность создаваемой ими виртуальной реальности сделали свое дело. Все команды следовали на автопилоте в нужное время, выполнялись экипажем искинов без малейших задержек, а корабль вел себя так, как и полагается великолепно отлаженному механизму. Не возникло проблем и с допуском на станцию. Коды доступа действовали. Да и кто бы мог их сменить, если с момента стабилизации станции в этом пустом межсистемном пространстве “Ковчег” был ее первым посетителем. Да, именно так, межсистемном пространстве. Станция такого размера и массы физически не могла быть размещена внутри звездных систем. Любая попытка ее такового проникновения неизбежно вызвала бы настолько сильные гравитационные возмущения, что привела бы к неизбежной космической катастрофе в виду сходы планет системы с предназначенных им мирозданием орбит. Чисто теоретически и такая проблема быларешаемой, но требовала столько громадных энергозатрат, что делала операцию лишеной всяческого смысла. Посему станции такого класса всегда располагались за пределами гравитационного поля систем на некотором от них удалении. Такое расположение обладало многочисленными плюсами и почти не имело минусов. Не считать же за минусы необходимость при посещении близлежащей системы короткого гиперпрыжка длительностью в один-два часа. Хотя перед самым прыжком требовался еще и многочасовой иногда разгон, но эту проблему было решить куда проще. И создатели станции ее успешно решили. В комплект станции входил парный набор стационарных гиперврат, рассчитанных на почти мгновенную переброску кораблей на максимальное расстояние до нескольких световых лет. При этом врата, расположенные у станции запитывались от ее накопителей и реакторов, а внутрисистемные от энергии местного светила. Так что, когда “Ковчег” вынырнул из прыжка недалеко от станции, вокруг царил полнейшая темнота. Света даже ближайшей звезды было недостаточно для того, чтобы пусть даже слабыми бликами обозначать место стационарного корпуса в пространстве. Станция, укрытая к тому же отличными маскировочными системами, не определялась ни радарными, ни обычными сканерами, ни визуально. Сначала даже показалось, что выданные координаты оказались ошибочными. Лишь гравитационный анализ показал нахождение вблизи корабля объекта колоссальной массы покоя, а смоделированная искинами картинка гравитационных возмущений показала на экране визора идеальный кристалл додекаэдра, уже знакомый Ивану по докладу Тактика. Никаких сомнений, перед ними был именно “Колосс”.

При том, что искин станции оказался в рабочем состоянии и с взаимным опознаванием никаких проблем не возникло, “Ковчегу” еще несколько дней пришлось провисеть без стыковки, пока станция проходила полную расконсервацию. А затем настала пора чудес. Ни Иван, ни даже девушки, для которых цивилизация Джоре была родной и возможности которой они представляли благодаря службе на флоте достаточно неплохо, не могли себе представить подобного великолепия. Общая конфигурация “Колосса” была достаточно

стандартной. Внешняя сфера отдана системам обороны, транспортным и ремонтным докам, а также складам различного назначения. Здесь же в одном из секторов находились маршевые двигатели, а по всей поверхности станции и маневровые. Далее от поверхности к центру следовала торговая и производственная сфера, внутри нее жилая, а в самом сердце станции уже располагались центр ее управления, энергетика и комплекс гипердвигателей. Обалдение, посетившее Ивана и его спутниц, касалось жилой сферы, точнее той ее части, где располагалась резиденция главы погибшего клана бунтовщиков. Никто даже сначала не понял, куда именно занес их стационарный портал. Да-да, портал. В виду огромного размера станции, она была оборудована целой внутренней порталной сетью. Принцип действия этой сети не сильно отличался от гиперпрыжков кораблей в космическом пространстве. Разве что роль сферы, удерживающей объекты перемещения в стабильном состоянии, играла внутренняя порталная камера, а координаты перемещения были жестко заданы фиксированным набором вариантов.

Так вот, портал вынес посетителей на природу. Обычная лесная поляна, рядом слегка шумят на легком ветерке настоящие живые деревья, а через все это проходит не слишком широкая, но идеально ровная дорога. Взгляд вдоль дороги почти теряется вдаль, лишь на уровне горизонта виднеются какие-то постройки. Тут же к прибывшим подкатила гравиплатформа с комфортабельными сиденьями, которая как только все уселись, быстро набрала приличную скорость и понеслась к резиденции главы клана, которой эти постройки и оказались. И несмотря на скорость платформы перемещение произошло отнюдь не мгновенно. Как бы километров десять не отмахали.

— Двенадцать с хвостиком, — раздался в голову Ивана голос стационарного искина.

— А какова вообще площадь этой зоны?

— Диаметр около пятисот километров, — в голосу искина одновременно слышалась и легкая ирония и гордость.

— Ни фиги себе, это же какая площадь получается, семьсот восемьдесят пять тысяч квадратных километров? — Ивану было сложно представить себе на станции выделенную под резиденцию площадь, в полтора раза превышающую площадь земной Франции.

— И вся эта площадь выглядит именно так?

— Нет, конечно, здесь смодулированы совершенно различные климатические зоны. В данный момент мы находимся в умеренной. Здесь в основном леса, поля и реки. Есть небольшие холмы. Помимо этого имеется экваториальная зона влажных лесов, тропики, горы с долинами.

— А море есть?

— Ну полноценным морем это не назвать, но до границы зоны от береговой линии более десяти километров. Так что иллюзия безграничности полная. Есть даже небольшие острова.

— И это все только для главы клана?

— Нет, конечно. Это просто название. В этой зоне имеются резиденции всей клановой аристократии, а также сооружения общего пользования типа отелей на случай, если кому-нибудь захочется поохотиться, половить рыбу, покататься на горных лыжах или погреть тело на тропическом острове. Такие временные резиденции должны были заказываться через меня на определенный срок.

— Тут еще и поохотиться и рыбу половить можно? — Иван окончательно перестал

понимать, куда попал. Судя по выражению лиц его спутниц, а разговор транслировался на симбионты для экономии времени и им тоже, их состояние мало отличалось от состояния самого Ивана.

— Да, здесь реализовано некое подобие замкнутых в кольцо рек, которые заселены рыбами с нескольких планет. Также имеется дичь, но не очень опасная. Территория вполне это позволяет. А клан Орфус всерьез рассматривал вероятность, что в случае проигрыша будет лишен всех доминионов-планет. Эта станция должна была стать их опорной точкой, с которой клан начнет свое возрождение. И конечно клановая аристократия очень любила и ценила личный комфорт. Потому постаралась реализовать здесь полное подобие жизни на комфортных планетах, включая привычные удовольствия.

— Понятно. Вот только мне не очень понятно, как это все способно сохраняться в таком виде при перемещениях станции? Ведь невозможно же полностью компенсировать гравитационные колебания, да и не только их.

— Все верно. Но с этим проще. Станция же в принципе не предназначалась для постоянного перемещения как корабль. Ее перемещения это редкость. И на это время вся зона просто погружается в стазис.

— Офигеть как просто и элегантно. Но сколько же для этого энергии требуется.

— Не так уж и много. На станции великолепные реакторы с тройным запасом по мощности.

В голосе искина опять появились оттенки гордости за вверенное ему хозяйство.

Иван еще раз посмотрел на открывающиеся взгляду просторы.

— Да тут настоящее сельское хозяйство развернуть можно. И питаться натуральными продуктами.

— Можно, но не нужно. Для этого предусмотрена совершенно иная зона. Меньше по размеру раза в три, но миллионов десять человек можно прокормить без труда. Хозяйство комплексное. Есть крупный рогатый скот, мелкий, птица, рыбные фермы. Плюс выращивается зерно, овощи и фрукты. Все полностью автоматизировано, управляется дроидами под началом специализированного кластера искинов. Вся продукция поступает в стазис-камеры и полностью сохраняет свою свежесть. Пока хозяйство само находится в стазисе, имеющихся запасов хватит надолго. — Искин опять лучился гордостью за вверенную ему станцию.

Иван думал, что больше удивиться уже не мог, слушая искина, он не мог избавиться от впечатления, что находится ни на какой не станции, а на планете. Созданные иллюзии, да и не только иллюзии были фантастически правдоподобны. По сути он владелец целой небольшой планеты. А то, что она упрятана в недра бронированного кристалла, висящего в космосе, так ведь и планеты тоже в космосе болтаются.

— Ну что пойдете знакомиться с резиденцией? — Искин вывел Ивана из задумчивости.

— Конечно.

Хотя после увиденных просторов и картинок разных жилых и природных зон, транслированных искином как иллюстрации собственного рассказа, дворец главы клана особого впечатления не произвел. Ну дворец и дворец. Хотя и дворец оказался с сюрпризом. Он располагался в центре всей природной зоны, и каждая сторона дворца выходила на совершенно иной природный ландшафт. Как был организован переход между ними вне дворца еще предстояло понять, но из самого дворца выходы на четыре стороны кардинально отличались друг от друга. Одной стороной дворец выходил в горную местами поросшую

хвойным лесом долину, края которой упирались в горные склоны. Вдоль всей долины протекала бурная и прозрачная речушка небольшой ширины. Из окон другой стороны дворцы открывался великолепный вид на морское побережье, поросшее пальмами просторно стоящими на белоснежном песке пляжа. А искусственное светило, скатываясь по столь же искусственному, но выглядящему совершенно натурально, небосводу прямо в легкую рябь волн, рисовало великолепные закатные пейзажи. Третья сторона дворца почти упиралась в лесное озеро, окруженное высоченными хвойными деревьями. Лишь небольшая полянка отделяла ступени от берега. С четвертой стороны Иван со спутницами прибыл. Там царил лесостепь средней полосы со светлыми просторными перелесками. Все виды были фантастически великолепны. Ощущение нахождения в космосе полностью терялось. За свою жизнь на Земле Ивану довелось много где побывать и сейчас ему казалось, что кто-то воплотил его самые смелые мечты. Все, что он видел ему безумно нравилось, причем он вряд ли смог отдать предпочтение какому-либо определенному ландшафту, он балдел от них всех. И видимо глава клана был очень похожего мнения. У Лии и Джил шок был еще сильнее. Обе они происходили из не слишком богатых семей. И далеко не курортных планет империи. А их сознательная жизнь после совершеннолетия прошла сначала в военном училище, а потом на службе, которая нечасто давала возможность ступить ногой на планету. Даже отпуск между рейдами чаще проходил на станциях или в лучшем случае в громадных мегаполисах, отнюдь не утопающих в зелени. То, что предстало их глазам здесь, до сих пор приходилось видеть лишь в сериалах о красивой жизни аристократии. И теперь они не могли до конца поверить в то, что все это происходит с ними наяву. Вывел их из созерцательно-задумчивого состояния Иван, который первым пришел в себя.

— Так, быстро размещаемся и за работу. В конце концов пора уже понять, как там поживает империя и вообще что за мир вокруг нас.

Иван аккуратно высвободился из объятий сонных красавиц и тихонько, стараясь не разбудить, покинул спальню. С момента прибытия на “Колосс” прошел месяц. И за этот месяц удалось наконец разобраться, что творится за пределами их маленького и такого уютного мирка. Система гиперсвязи станции легко смогла связаться со старыми имперскими терминалами-ретрансляторами, некоторые из которых до сих пор исправно работали. Только уже не на империю. Новая цивилизация, пришедшая ей на смену и именуемая Содружество миров, смогла разобраться с доставшимся ей наследством и активно пользовалась. Система старых военных кодов действовала по-прежнему, новые хозяеватерминалов даже понятия не имели об этих закладках. И не только позволила “Колоссу” выйти в Глобонет, как теперь называлась всеобщая сеть, но и остаться в ней анонимным абонентом, подключение которого для самой сети и ее контролеров прошло незамеченным. Ну а дальше все просто, канал связи работал беспрерывно, наполняя данными гигантские информационные накопители. Кластер искинов, получивший задачу выяснить все о внешнем сегодняшнем мире, работал по четкому плану. Устройство цивилизации, населяющие ее расы и народы, государственные образования, законодательство, военные технологии, экономика и многое другое, что позволяло получить о Содружестве полноценное и комплексное представление. Отдельной строкой шел поиск по ключевым словам “Джоре” и по просьбе Ивана “Земля”. Через три недели анализ был завершен и Колосс, станционный искин, получивший персональное имя за заслуги по идеальному сохранению станции и как и все прочие влившийся в команду, дав персональную клятву Ивану, был готов сделать своему командиру комплексный доклад. С неменьшим нетерпением ожидали этого момента и две последних представительницы расы Джоре. В самой работе все трое не участвовали, это не имело никакого смысла. Не с искинами тягаться в скорости обработки информации. И тем более не со столь мощным кластером.

Доклад происходил в огромном конференц-зале, предназначавшемся изначально для собраний клановой элиты. Огромный голоэкрэн наглядно иллюстрировал текст доклада. Иван с Лией и Джил сидели в первом ряду в роскошных креслах. Тут же в виде голограмм присутствовали и все искины, члены офицерского собрания.

Как выяснилось из доклада, Содружество миров или, как его обычно сокращенно называли сами аборигены, просто Содружество, расположилось на территории бывшей империи Джоре и само считало их своими прародителями. Появилось оно примерно три с половиной тысячи лет назад. По имевшейся сегодня информации империя Джоре рухнула около пяти тысяч лет назад, то есть примерно в то же время, когда и произошла та самая битва флотов. Точная причина гибели империи в Содружестве была неизвестна, но версия гражданской войны, перешедшей в бойню на истребление, превалировала. Содружество представляло собой сложное полуаморфное образование, образовавшееся вокруг так называемых Центральных миров, заселенных тремя старшими расами. Аграфами, Джурами и Индирами. Была еще когда-то по слухам четвертая старшая раса Сполоты, но она куда-то ушла в неизвестные области космоса, отказавшись делить власть с остальными. С тех пор про нее никто не слышал. Старшие расы называли себя прямыми наследниками Джоре. Аграфы внешне очень напоминали Ивану земных эльфов, точнее какими их представляли

себе земные писатели-фантасты. Тонкокостные, высокие с заостренными ушами. В Содружестве они специализировались на развитии био-и нейротехнологий, также были лидерами в медицинских технологиях. Индиры, по той же аналогии очень смахивавшие на земных сказочных гномов, были плотными, крепкими и низкорослыми. В отличие от классического персонажа земного фэнтези они еще выделялись знатными носами, казавшимися главной деталью на их грубовато вылепленных лицах. Индиры занимались техникой, связью и были непревзойденными мастерами в торговле и финансах. Третья старшая раса — Джуры — один в один являлись демонами, сошедших со страниц земных книжек. Крупные и высокие, с красноватой кожей и небольшими костными наростами на голове. Их специализацией являлись все виды вооружений от главных корабельных калибров до индивидуальных парализаторов. Самое интересное было в том, что при таких разных областях расовых компетенций все три народа неплохо уживались в рамках Центральные миров, создав оригинальную систему управления. Каждая раса имела свой Совет старейшин, определявший жизнь всего народа и регулировавший внутренние споры и конфликты интересов. А вот профессиональная деятельность была организована в корпоративные кланы, принадлежавшие всем трем расам на паритетных началах. При этом каждый клан в зависимости от специализации управлялся представителями той или иной расы. Таким образом, все три расы обладали полнотой информации по всем видам разрабатываемых технологий.

Вокруг Центральные миров располагались несколько довольно крупных государственных образований, среди которых выделялись два основных Империя Аратан и империя Авар. Хотя империями они были довольно странными. Основное законодательство, разработанное в Центральные мирах, было обязательно для всего Содружества. Все члены этого Содружества, будь то империи, республики или что-то иное, могли издавать только те местные законы, которые не противоречили общим законам Содружества. Населены все государства вокруг Центральные миров людьми, которые были хоть и наиболее многочисленной, но считались младшей расой. Эта часть доклада вызвала у Лии и Джил настоящую истерику. Они хохотали так, что успокоились только через минут пять и два стакана воды. Причина такой бурной реакции была в том, что как раз люди являлись настоящими потомками Джоре. А те, кто называли себя старшими расами, были результатом генетических экспериментов, проводимых Джоре еще во времена существования империи. При этом Аграфов специально создавали как биологически сильных эмпагов, очень завязанных на природную жизненную энергию. Из Индириков пытались вырастить непревзойденных мастеров в технических областях. А Джуры были выведены для боевых действий. Их физиология позволяла терпеть намного более сильную боль и была слабо восприимчива к широкому диапазону температур. Помимо этого их создавали с усиленным скелетом и тканями, потому они уверенно чувствовали себя на планетах даже с гравитацией в два с половиной раза превышающей эталон. На момент, который помнили девушки, эксперименты со всеми этими расами близились к завершению, но в практической области никто еще задействован не был. А ареал эксперимента не превышал двух-трех планет для каждой расы. И как причудливо повернулась жизнь. Теперь искусственно выведенные создания объявляют себя Старшими расами, а потомки их создателей фактически находятся у них в услужении. В этом, кстати, помимо иронии была и определенная логика. Когда империя рухнула, а вместе с ней рухнула и привычная комфортная инфраструктура, Аграфы смогли лучше приспособиться к жизни в лесах. Индиры быстрее и лучше могли

восстанавливать сохранившееся оборудование. А Джурь оказались просто более устойчивыми и сильными бойцами, сумевшими на своих планетах выиграть схватку с потомками своих создателей за оставшиеся клочки инфраструктуры. И все три расы в итоге гораздо быстрее вышли из провала Темных веков, сумев захватить и удержать лидерство в известной части Галактики. А затем уже не упустили свое технологическое превосходство.

Вокруг так называемых цивилизованных миров, коих насчитывалось чуть более трехсот, располагалась широкая зона Фронта. Там царил откровенный закон джунглей. Кто сильнее, тот и прав. Это был мир авантюристов, пиратов и наемников. Сюда стремились все, кто был уверен в своих силах, но не находил своего места в Содружестве. Точнее искины смогли выявить два противоположных потока миграций. Люди, обладавшие высоким уровнем интеллекта, и крупные специалисты в своих областях стремились из всех сил в Центральные миры, где уровень доходов и стандарты жизни и безопасности были кратно выше, чем где-либо. Сами Центральные миры это всячески приветствовали. Хотя высокомерие по отношению к “младшим” особо не скрывалось, но на это никто особо не обращал внимания. Лишь бы хорошо платили. А платили “старшие”, в руках которых находилась вся финансовая система Содружества, хорошо. Благо им самим это ничего не стоило. Какая разница, сколько напечатать виртуальных кредитов, которые сами же исделали монопольной валютой? Но благодаря потоку профессионалов Центральные миры могли совершенно не беспокоиться за свое технологическое превосходство. Вся техника и технологии, разрешенные к продаже или производству за пределами Центральных миров, отставали от того чем пользовались сами “старшие” на пару-тройку поколений. И такой порядок поддерживался неукоснительно. Примерно тот же самый тип отношений царил и между цивилизованными мирами государств и фронтиром. Попадавшее туда оборудование и вооружения отставали также на два-три поколения. Только уже от того, чем пользовались государства. Такой порядок оказался очень жизнеспособным и стимулирующим развитие технологий. Основные деньги как раз зарабатывались во фронтире, где находилась основная масса невыработанных ресурсов, а также периодически находили остатки цивилизации Джоре. Этому способствовало и то, что к текущему моменту Содружество вместе со своим фронтиром сумело освоить не более семидесяти процентов той территории, что раньше занимала империя Джоре. Таким образом, деньги стекались от периферии к центру, а технологии наоборот распространялись от центра к периферии. И до тех пор, пока за границами фронта еще располагались просторы неизведанного космоса, стратегически этому порядку вещей ничего не угрожало. Общий характер цивилизации напоминал Ивану дикую смесь Дикого Запада времен освоения Америки и царство глобальных корпораций, установившееся на Земле к моменту его похищения с планеты. И законы здесь были крайне своеобразные. Чего стоило правило десяти, позволявшее кому угодно нападать на кого угодно, лишь бы силы нападавших не превышали силы жертвы в десять раз. И запрещалось убивать, если жертва не слишком сопротивляется. При этом любое отторжение собственности выглядело законным, если жертва под протокол подтверждала, что отдала имущество добровольно. А уж какими методами выбивалось это добровольное “согласие”, никого не интересовало. Иван сразу для себя сделал вывод, что совершенно не хочет стремиться в такое Содружество. Да и предложить Ивану этот мир что-либо, чем бы он уже не располагал, не мог. И особой угрозы для себя он не видел. С военной и технологической точки зрения вооружение и оборудование Джоре на порядок превышало современные достижения этой довольно уродливой цивилизации. Но Иван также прекрасно

понимал, что пусть и могущественными, но столь малыми силами ему против всего Содружества, если он туда сунется, не выстоять. Сомнут просто массой. А стоит ему только засветиться в Содружестве или хотя бы фронтуре с работающей техникой Джоре, как на него скопом бросятся все спецслужбы и все военные силы местных хозяев жизни с целью отобрать все нажитое непосильным трудом. Конкурентов ни в каком мире не любят, а тем более в таком. Отсталость Содружества, так и не сумевшего за более чем три тысячи лет после окончания Темных веков хотя бы повторить достижения цивилизации предшественников, удивляло только на первый взгляд. Джоре в свое время очень сильно поднялись с помощью Сеятелей. Но эта же помощь Древних стала для самих Джоре и их потомков проклятием. Сеятели многие технологии передавали целиком без подробного объяснения основ, особенно научных, на которых эти технологии базировались. И когда империя Джоре рухнула, потомкам, разбиравшим по кусочкам и частицам их наследие, в лучшем случае удалось восстановить работоспособность каких-либо производств. Но опять же без точного понимания основ и принципов их функционирования. Многие блоки оборудования просто копировались один к одному. Это позволяло оборудованию работать, но не могло понять, как именно это происходит. Единственное, что могло бы привлечь Ивана в Содружестве, это информация о Земле. Но и здесь вышел большой облом. Да, такая планета, как и отдельные выходцы с нее в Содружестве были известны. Причем, происходило попадание землян в Содружество всегда одинаково, через похищение их спланеты пиратами. Но пираты, которым были известны координаты Земли, тщательно хранили свои тайны. Да и имена таковых в Глобонете найти не удалось. Все земляне, засветившиеся в сети, в разное время были отбиты вооруженными силами разных государств у пиратов. И после таких стычек пираты не выживали. Куда большее число похищенных могло найтись на территории Аварской империи, где официально процветало рабство. Но рабы, что не удивительно, доступа в Глобонет не имели. На какой-то момент Иван задумался о том, чтобы привлечь земляков на свою сторону, но потом отбросил эту мысль. Не считая того, что подавляющее большинство освобожденных землян уже нашли свое место в новом мире, они в принципе ничем не могли помочь самому Ивану. А объединяться имело смысл только с равными. В противном случае кроме зависти ничего ожидать не стоило. А зависть совершенно не то чувство, которое Ивану было необходимо от потенциальной команды. Уж куда лучше набрать людей на Земле, когда он туда доберется.

Но все же информация о Земле в Сети не была совершенно бесполезной. Для искино Джоре не было никаких проблем пробраться в самые защищенные сети ВКС и СЕ Содружества. А там в обязательном порядке фиксировались системы, в которых состоялось освобождение землян от пиратов. Так что протянуть цепочку от имен землян к системам, где они получили гражданство того или иного государства, от этого к названиям освободивших их кораблей, а потому уже из закрытых баз выяснить, где именно это произошло, было не сложно. Там же как правило фиксировалось и направление, в котором двигались корабли пиратов перед захватом. В итоге Иван имел предположительные траектории в направлении родной планеты. Не все было, конечно, так просто. Большая часть захваченных судов двигалась из зон глубокого фронта, где они перекупили рабов у других пиратов. Посему четкую картинку сложить не удалось. И все же, с добавлением информации, извлеченной Иваном из разбитого искина пиратского корабля, зона возможного поиска существенно уменьшилась.

Если Иван слушал доклад Колосса с любопытством, но определенной долей

отстраненности, то совершенно иное впечатление информация о Содружестве была воспринята обеими девушками. Какое-то время они еще крепились, но потом началась форменная тихая истерика. Ведь в отличие от чужака Ивана для них империя была домом, единственным миром, который они знали. И сейчас рухнули их последние надежды хотя бы на гипотетическую возможность вернуть себе привычную жизнь. При этом не сказать, что они после всего увиденного так уж к этому стремились. И тем не менее пусть даже и иллюзия такого выбора придавала им существенную толику уверенности в себе. И потому информация о гибели империи стала для обеих страшным ударом. Перебравшись на диванчик, они самозабвенно рыдали в объятиях друг друга. Поняв, что девушкам именно в этот момент как никогда нужны его участие и поддержка, Иван подошел к дивану и аккуратно обнял обеих за трясущиеся плечи.

— Ничего, девчонки, плачьте, станет легче. А за будущее не переживайте, прорвемся. Я не дам вас в обиду.

Эти простые слова как будто прорвали какую-то плотину. Лия и Джил одновременно развернулись к Ивану и бросились ему на шею, продолжая тем не менее безутешно рыдать. При этом обе старались как можно теснее прижаться к нему, чувствуя в этом странном, но уже ставшем таким близким мужчине, единственную опору и надежду на лучшее. Некоторое время слезы еще ручьями стекали по девичьим щекам, Иван, застыв, легко гладил обеих по спинам, нашептывая что-то успокаивающее. Наконец рыдания затихли и, не размыкая объятий, обе девушки заставили Ивана усесться между ними на диван, и, размазывая остатки слез по щекам, внимательно посмотрели на него.

— А ты нас правда не бросишь?

Этот простой и дурацкий вопрос поставил окончательную точку в неопределенности их отношений.

— Ну конечно же нет. Где я еще таких красавиц найду, тем более единственных представителей древней могущественной империи. Вы теперь ее королевы. Ну а мне придется при вас принцем-консортом побыть. Вроде бы и пошутил, но видимо шутка оказалась очень к месту. Девушки приосанились, дружно слегка ударили его по груди своими легкими кулачками и торжественно заявили.

— Тогда ты полностью наш, не отвертись.

Потом немного помолчав, добавили.

— А мы все твои. Обе, делить мы тебя не будем. Ты только сдержи слово, не бросай нас.

Пришлось доказывать серьезность своих намерений единственным приемлемым способом. В спальне. Спать в эту ночь не пришлось. Его модифицированный организм нашел достойного соперника в виде страсти двух активных девиц, старавшихся наверстать упущенные тысячелетия. А еще девушки полностью отдавали себя, стараясь буквально раствориться в любовном угаре, выплескивая одновременно все свои страхи и неуверенность в завтрашнем дне. Иван стал для них тем якорем, который после всего свалившегося на их хрупкие плечи, вселял надежду, что все плохое в их жизни осталось в прошлом. А Иван, прекрасная осознавая бурлящие в душах красавиц страсти, выкладывался на всю катушку, затапливая девушек волнами любви, нежности и ласки.

Сейчас он, расслабленно сидя в гостиной зале своих огромных апартаментов, медленно и с удовольствием потягивал коньяк из коллекции бывшего главы клана. Собственно напиток назывался совершенно иначе, грон, но если он выглядит как коньяк, пахнет как коньяк и на вкус как коньяк, значит, коньяк и есть. За проведенное на станции время

работали не только искины по сбору информации. Станция сама оказалась богатой на сюрпризы. Она готовилась как резервная клановая резиденция, потому здесь было собрано чуть ли не все, чем вообще располагала империя. Все виды технологий и производств, включая оборудование для терраформирования планет. Гигантские запасы семенного и генетического материала, собранного со множества разных планет империи. А еще здесь был крупнейший клановый, а похоже и не только клановый архив. В нем обнаружилась информация по исследованию многочисленных систем за границами империи, не входившая даже в официальные имперские реестры. И очень ценная информация. Например здесь были характеристики шести необитаемых планет категории А0, то есть планет готовых к немедленному заселению.

Категорирование планет в империи было следующим. Буквенный символ обозначал одну из четырех возможных базовых категорий. А — планета полностью пригодна и комфортна для жизни. В — планета пригодна для жизни после терраформирования. С — планета пригодна для жизни под силовыми куполами, обладает запасами полезных ресурсов. D — планета бесполезна. В это категорирование не включались планеты, жизнь на которых не рассматривалась в принципе. Например, сюда не попадали газовые гиганты, использующиеся для набора сырья для производства топлива.

Цифровой индекс после буквенного означал усилия, которые требовалось потратить для приведения планеты к комфортному заселению. Чем меньше цифра, тем меньше требуется усилий и вложения средств. Эти параметры включали в себя климат, состав атмосферы в сравнении с эталонным, наличие агрессивной флоры и фауны, рельеф, отклонение гравитации от эталона и многое другое.

То есть нашедшиеся в архиве шесть планет категории А0 были фактически готовы к немедленному заселению без дополнительных затрат. Это было очень круто. Особенно Ивана порадовало то, что парочка из этих планет располагалась в том же секторе галактики, где ему предстоит искать свою родину.

Велась это время на станции и производственная активность. Понимая, что до момента, когда надо будет принимать решение о перемещении станции поближе к району будущих поисков, есть неплохой запас времени, Иван отдал команду по началу шахтерских работ в ближайшей системе. Тем более, что вторая створка порталных врат была там установлена заранее. И ее оставалось только активировать. По сообщениям посланных зондов система оказалась богатой на многие виды ценных ресурсов, используемых в различных видах производств. Там же находилась и парочка планет, атмосфера которых содержала высокий процент сырья для производства топлива. А его надо было произвести по максимуму. И теперь целые небольшие флоты автоматических шахтерских корветов косяками сновали туда-сюда через врата, обеспечивая бесперебойную круглосуточную работу станционных металлургических и топливных комплексов. Фантастика. Он может спокойно сидеть, развалившись в кресле и потягивать элитный коньяк, в то время как станция по одному его слову ежеминутно пополняется ценнейшими металлами стоимостью многие миллионы кредитов. Что Содружества, что империи. Кстати, реши он полететь в Содружество, с деньгами проблем бы не возникло. От слова совсем. Иван долго хохотал, просматривая информацию о стоимости на аукционах Содружества различных артефактов Джоре. При том, что как правило что для продавцов, что для коллекционеров-покупателей истинное предназначение торгуемых предметов оставалось загадкой. Нет, кое в чем современные ученые разобраться смогли. Но уж слишком малая доля предметов сохранила свою

работоспособность. А у него, Ивана, этих предметов с кладбища, причем полностью работоспособных, целые контейнера. Это даже не миллиарды, это триллионы кредитов, рискни он выставить их на аукцион. Но надо быть полным дебилом, чтобы это сделать.

Мысль о том, что все работают, а он отдыхает в чрезвычайно приятной компании древних красавиц, породила другую, от которой Иван зашелся в настоящем истерическом хохоте. И хохотал он по-видимому долго, поскольку когда немного успокоился, то увидел перед собой трущие глаза на заспанных мордашках обеих девчонок, а также голограмму Колосса. Без всяких сомнений все остальные искины также внимательно наблюдали за его состоянием.

— Что случилось, Ив?

— Отсмеявшись и утерев выступившие слезы, Иван жестом пригласил девушек присесть и решил немного объяснить свое странное поведение.

— Понимаете, до меня сейчас дошло, насколько я неправильный попаданец.

Слово попаданец уже было знакомо всем присутствующим, потому особого удивления не вызвало.

— А в чем ты видишь неправильность?

— Постараюсь объяснить, только для начала надо кое-что выяснить, чтобы было понятно. Вам знакомо такое понятие книга?

— Да, — ответила Лия, — это древний способ записывать информацию на бумаге символами. Только у нас в империи эти технологии давно не применялись, все перешли на информационные кристаллы. А дошедшие из глубины веков экземпляры книг стали предметом очень дорогого коллекционирования. Информацию с них давно перенесли на кристаллы, а сами книги хранятся в индивидуальных стазис-капсулах. Надо быть очень богатым человеком. Чтобы позволить себе иметь хотя бы одну.

— Подтверждаю, — раздался голос Колосса, — на станции имеется целая артефактная библиотека из древних книг. И все они хранятся именно в стазисе.

— Ух ты, а посмотреть можно?

— Разумеется, ты же здесь полноправный хозяин. — Голограмма вежливо и с достоинством изобразила легкий поклон.

— Скажите, а в империи была практика написания книг с различными придуманными автором историями?

— Да, и такая деятельность была очень популярной. Как и сами написанные истории. Но затем была изобретена иная технология, названная ментофантазией. Автор в своем воображении представлял историю в картинках и с действующими персонажами, а потом записывал ее из своей памяти на кристалл. И эти кристаллы продавались любым желающим ознакомиться с придуманной историей. Нечто вроде галофильмов, но без реальных съемок и участия актеров.

— Хорошо, тогда, надеюсь, вам будет понятна причина моего дикого смеха. Еще на своей планете я любил читать книги, а мы до сих пор пользуемся именно ими, в том числе из жанра фантастики. Этот жанр предполагал развитие истории в условиях, выходящих за рамки известной моей цивилизации реальности или возможностей. Например, действие могло происходить в будущем или в космосе, который для нас оставался недоступным. И вот в фантастике есть множество книг, когда герой попадает тем или иным способом в развитую космическую цивилизацию и, не имея возможности вернуться домой, принимается устраивать свою жизнь. Чтобы история казалась интересней, автор как правило заставляет

своих героев проходить сквозь череду сложнейших испытаний, побеждать толпы злющих и коварных врагов, а в процессе всего этого развивать кучу уникальных умений, добывать множество разных плюшек и тому подобное. В итоге герой оказывается очень богатым, очень знаменитым, рядом с ним обязательно оказывается спасенная им красавица-принцесса и все в таком роде. То есть жизнь под конец удалась.

— И что тебе не нравится? В космос попал, плюшек и знаний нахватал, красавицы, — Джил с подозрением посмотрела на Ивана, не мелькнет ли в его глазах сомнение. Наконец, удовлетворенно кивнула и продолжила. — Красавицы в наличии в двойном комплекте, не принцессы, правда, но единственные представительницы древней могущественной расы, а это круче. Чем ты не доволен?

— Да тем, что все это досталось мне довольно просто без особых трудностей и борьбы с врагами. Рассказать, как должна была бы выглядеть классическая история в моем случае?

— Конечно, это безумно интересно. Девчонки забрались в ноги на стоящий рядом диван. А вокруг проявились голограммы всего офицерского сообщества искинов. И все глаза, живые и виртуальные смотрели на Ивана с нескрываемым любопытством.

— Тогда слушайте. Первые слова истории были бы: “давным-давно в далекой-далекой галактике...”. Началось все в целом классически. Я попал к пиратам, потом волею судеб был спасен Робом. А вот дальше начинаются расхождения. Корабль мне должен был достаться совершенно убитым. Симбионт должен был встать нормально, что потребовало бы от меня многолетних зависаний в учебной капсуле в попытках впитать в себя все необходимые знания из баз. Этот процесс должен был перемежаться постоянными проблемами на корабле, которые грозили мне немедленной гибелью. И только в последний момент я должен был успевать ликвидировать очередную опасность. Наконец, немного понабравшись бы знаний и небольшого опыта, я бы вышел в космос и наткнулся бы на Ковчег. Только он тоже должен был бы находиться в крайней степени запущенности. Более того, пробраться на него, чтобы это выяснить, я бы не смог. Поверженный им линкор должен был бы сохранить остатки энергии и начать расстреливать мой катер из всех сохранившихся видов вооружения под управлением вражеского искина. Тут я должен был бы каким-нибудь необычным способом изголиться и сначала попасть на линкор. Дальше в борьбе с боевыми дроидами и внутренними турелями противоабордажной обороны, раненый, используя технические коридоры, я бы добрался до рубки и вырубил вражеский искин. Вернувшись на остатках сил и здоровья на Викинг, я бы долгое время лечился бы от ранений. Наконец принялся бы восстанавливать Ковчег, для чего мне потребовалось бы прошерстить половину корабельного кладбища. А там снова живые вражеские искины, постоянно норовящие меня отправить на тот свет. В общем приключений хватило бы на целую серию историй. Наконец я бы чудом добрался до вас, девушки. При этом добрался бы тоже не просто так, а преодолевая кучу препятствий. Например, ваш отсек мог быть завален непроходимыми баррикадами из обломков крейсера. А увидеть я вас должен был бы, когда энергии в ваших стазис-камерах оставалось бы не более, чем на сутки работы. В итоге я бы конечно вас спас, но на последнем издыхании камер. Но и это не все. Вместо того, чтобы искины, ранее принадлежавшие клану, трезво оценили бы положение дел и добровольно к нам присоединились, они под руководством Тактика должны были бы задумать настоящий тайный заговор с целью перехвата власти, убийства всех нас и наших искинов. После чего они хотели бы направить отремонтированные корабли на станцию и основать цивилизацию искинов.

— Но это же невозможно, — воскликнул Тактик. — Мы не можем пойти против человека после того, как приняли его право командовать, и сохранить ядро своей личности, ты же должен об этом знать.

— Все так. Но злой гений, глава восставшего клана, еще пять тысяч лет назад, задумывая бунт, внес бы в ваше ядро изменения, позволявшие вам в случае его гибели, отбросить все ограничения и отомстить за него империи. Так что, не знаю, как бы в точности было это аргументировано автором истории, но заговор был бы наверняка. А я как последний идиот до самого финала был бы ни слухом, ни духом. То есть ничего бы не подозревал. И лишь какая-нибудь мелкая случайность и допущенная заговорщиками ошибка, позволила бы избежать катастрофы. Да и то, это ошибка должна была базироваться на том, что вы бы ориентировались на типичную психологию Джоре, а я, как выходец с дикой планеты, имел бы неизвестные вам отличия. И это спасло бы меня, девушек и весь наш проект. Плюс, я бы убедительно перевербовал бы заговорщиков, и они бы отринули свои злые замыслы и раскрыли бы секрет станции. Станция тоже бы встретила нас неласково. Более того, Колосс сделал бы вид, что принял наши коды доступа, но в тот момент, когда Ковчег бы приблизился к станции открыл бы по нему огонь из всех орудий. В итоге корабль был бы потерян, но на маленьком разведчике под маскировкой мне и девушкам удалось бы пробраться на станции, взять ее на бордаж и в боях с целыми отрядами дроидов пробраться в центр управления, где взять станцию под контроль.

Наша попытка снять информацию из Глобосети Содружества была бы обязательно зафиксирована СБ Центральных миров. И они направили бы по вектору нашего сигнала экспедиционную эскадру. И этот момент остался бы нами незамеченным. Посему эскадра бы свалилась на нашу голову совершенно неожиданно. Мы бы отбились, но в тяжелом и продолжительном бою, уничтожив все корабли противника, но и получив сами значительные повреждения, не дающие нам переместиться в другую точку пространства. Мы бы ударными темпами занялись бы восстановлением станции. А наши бы враги перед смертью сумели отправить в Содружество сигнал с координатами нашего положения. И мы бы успели уйти в гиперпространство в последний момент, когда сюда бы уже вываливался целый гигантский флот Центральных миров. Вот примерно такой бы должна была получиться моя история. И тогда все, что здесь сейчас есть, стало бы моей полностью заслуженной и отработанной потом и кровью добычей. Мы бы с девочками приняли решение никуда не лететь и стали бы здесь активно создавать новую цивилизацию, возрождая древнюю империю. Я стал бы ее легендарным императором, а Лия и Джил моими прекрасными императрицами. А закончилась бы вся эта счастливая история тем, что какая-нибудь наша прапраправнучка рассказала бы ее своему маленькому внуку, будущему императору могучей многозвездной империи. Да и сама история оказалась бы целиком и полностью этим рассказом про легендарных предков-основателей, почерпнутым из семейных архивов императорской династии. Вот так. Найдите, что называется, десять отличий.

Все молчали, а девчонки, вцепившись друг в друга, размазывали по щекам слезы. Да и вид искинов был далек от привычно уравновешенного. Неужели рассказ Ивана так на них подействовал? А ведь похоже.

— Да уж. Но все же, — прорезался слегка взволнованный голос Роба, — в итоге мы все оказались бы в том же месте и в том же состоянии. Станция наша, империю воссоздать никто не мешает. Так что все эти проблемы и борьба с врагами в сущности не нужны.

— Это нам не нужны, а читателям? — усмехнулся Иван. — Им же нужен как раз не итог, большая часть книг заканчивается одинаково. “Они жили долго и счастливо и умерли в один день”. Важны переживания героя и сопереживания читателя вместе с ним. Для этого читатель должен своего героя полюбить, а любят все как правило тех, кого бьют. Сильным, у кого все прекрасно, только завидуют. А тут раз с битием и переживаниями облом.

— Кстати, наше проникновение в сеть и на самом деле уловили, — вмешался Колосс. — Но вот направление сигнала снять не успели. Я вовремя уничтожил все следы. Знаю по оставленным в ретрансляторах закладкам. Так что по этому поводу можно не переживать.

— Но самое интересное даже не в этом, дамы и господа. Отсутствие проблем и больших шишек в процессе добывания плюшек, а также их принципиальная необязательность для конечного результата, как правильно заметил Роб, высвечивает проблему совершенно иного порядка.

— И какую же?

— А на фига это в принципе?

— Что это?

— Ну вся эта история, с попаданчеством, плюшками и всем остальным сопутствующим геморроем?

На подобные идиоматические выражения в устах Ивана все уже давно перестали обращать пристальное внимание, лишь в очередной раз подивившись образности его родного языка. Казалось примеры такого рода слов и выражений в нем существовали на все случаи жизни.

— Не совсем понятно, Иван. Разве истории не случаются с разумными просто потому, что случаются?

— В том-то и дело, что наверняка нет. Мироздание, кем бы оно ни было создано, наверняка разумно, даже если мы и близко не можем постичь этот разум. И у каждого события должна быть большая или малая цель. Как и большие или малые последствия. У нас в языке есть выражение: “кому больше дается, с того больше и спрашивается”. Вот мне и интересно, кому и зачем это я так понадобился, что со мной произошла вся эта невероятная история. Более того, этот кто-то не просто организовал мое “попадание”, он еще и тщательно проследил, чтобы со мной не случилось никаких серьезных неприятностей в процессе, на которых я бы мог сломать себе шею. А уж размер плюшек превосходит все самые смелые ожидания. А еще... А еще он собрал вокруг меня всех вас. А это значит, что все вы теперь тоже полноценная часть истории. Осталось только понять ее смысл и цель.

На эту странную реплику в ответ все замолчали и серьезно задумались. Рассматривать ситуацию с такой точки зрения в голову, неважно, живую или биоэлектронную, не приходило. Все лишь искренне и безмятежно радовались возрождению из небытия.

— А мы что, правда будем воссоздавать империю? — еще всхлипывая, робко улыбнулась Джил. — Мне про императриц очень понравилось. И про прапраправнука, будущего императора.

Иван с некоторым удивлением посмотрел на девушку. Как-то после своих слов он ожидал несколько иную реакцию. Но, увидев ее лучащиеся интересом и ожиданием глаза, встрепенулся и вынырнул из начинавшейся меланхолии. И действительно, чего это он вдруг стал всех загружать? Они живы, молоды и здоровы. Они имеют все, что нужно для жизни и даже в разы больше того. А цель? Раз уж мироздание озаботилось тем, чтобы он попал в эту точку своего жизненного пути, то позаботится и обо всем прочем. Мимо, что называется, не

пройдешь. И нечего дергаться. Командир обязан излучать оптимизм и уверенность в завтрашнем дне. А значит надо резко сменить тон и тему.

— Ну так история еще не закончена, — прозвучал ответ Ивана на последний вопрос Джил, — как раз этим мы займемся обязательно. И начнем, думаю, прямо сейчас.

С хищным взором он начал подниматься с кресла в направлении девушек, а искины благоразумно исчезли.

Перед Иваном, сидящем в центре управления, висела огромная голограмма большого сектора галактики. Подсвеченная желтоватыми тонами разной интенсивности, выделялась зона Содружества. Вот интенсивно светятся Центральные миры, а вот почти блекло фронтир. Почти накладывается на эту область территория, занимаемая бывшей империей Джоре, которая подсвечена зеленоватыми тонами. Чтобы создать эту объемную карту пришлось немало потрудиться. В качестве рабочей силы вступал полный кластер искинов. Проблема была в динамике звездных систем относительно друг друга. Даже при том, что общие закономерности и скорости взаимных смещений Джоре были хорошо известны, за пять тысячелетий карты, содержащиеся в навигационных искинах, устарели кардинально. Из Сети Содружества были скачаны актуальные карты, но они охватывали куда меньший сектор галактики. Пришлось приложить немало сил, чтобы совместить карты Джоре и Содружества с актуализацией первых и привязкой их ко вторым. А уж потом провести расчеты по изменению состояния пространства, не вошедшего в карты Содружества. В логике все это выглядит не слишком сложным, но если представить себе объем данных, которые требовалось для этой “несложной” работы обсчитать, то можно понять, почему кластер, производительность которого могла бы потягаться со всеми искинами Содружества сразу, затратил на решение этой задачи больше десяти дней. Но так или иначе, задача была решена и сейчас результаты наглядно перемигивались разноцветными огоньками не голограмме, висящей перед Иваном.

Вот внизу слева мигает яркая точка, показывающая настоящее положение станции. А также слева от обеих закрашенных областей Содружества и Империи, только почти вверху голограммы синим выделена зона будущих поисков. Где-то здесь находится Земля. Сейчас вопрос стоит в определении оптимальной точки, в которую должна переместиться станция, чтобы обеспечить максимальное удобство для изучения выделенной зоны. Естественное предположение, что в ее центре не подходит. Для станции таких гигантских размеров вообще подходит далеко не каждая область пространства. Приходится учитывать множество данных по гравитационным потокам. А ведь нам придется прыгать сначала вслепую. На такое расстояние разведку не пошлешь. Вот и приходится высчитывать по всем имеющимся данным приемлемые зоны для прыжка. Пришлось даже вновь выходить в Сеть Содружества, целенаправленно выискивая картографические данные по всему нужному нам сектору и прилегающим к нему со стороны Содружества областям. На этот раз, памятуя о попытках нашего обнаружения, подключение организовано через другой ретранслятор, а на него через целую цепочку таковых. Пусть ищут черную кошку в темной комнате до скончания времен. Тем более, что ее там очень скоро вообще не будет.

Наконец расчеты были закончены, и на голограмме появилось четыре новых закрашенных на этот раз красными тонами области. Колосс, именно на него из-за выдающихся вычислительных возможностей пришла большая часть расчетов, начал выдавать комментарии.

— Наша задача осмотреть примерно 12–13 систем, предварительно удовлетворяющих заданным условиям поиска. Все эти системы по имеющейся в навигационных справочниках информации располагают одинарными светилами класса желтый или оранжевый карлик. Все имеют планеты. Но имеющихся данных недостаточно, чтобы выделить приоритеты или

наоборот выкинуть систему из рассмотрения. Задачей анализа было определение местоположения станции таким образом, чтобы оно позволяло за один прыжок разведчика малого класса достичь и картографировать нужные нам системы. И чем больше из одного положения, тем лучше. Малый разведчик выбран потому, что он за счет имеющихся систем маскировки способен гарантированно избежать обнаружения любыми сканирующими системами, известными Джоре, включая гравитационные. По имеющейся на сегодня информации Содружество не обладает даже половиной таковых возможностей. Зона номер один, — указанная область начала пульсировать, — позволяет примерно исследовать примерно семь из необходимых систем без перемещения базовой станции. — Системы загорелись яркими звездочками.

— Зона номер два. Пять систем. — Запульсировала на смену первой иная область. Часть звездочек притухла, но зажглись три новых. — Как видно, частично, на две системы зоны перекрывают возможности друг друга. Зоны номер три и четыре позволяют исследовать по четыре системы с частичным перекрытием из выбора первых двух зон. Но одновременно они закрывают оставшиеся области поиска. Посему предлагаю в качестве приоритетной рассматривать первую зону.

— Принимается, — Иван не нашел возражений.

— Но предварительно прыжок совершим вот в эту точку. — На голограмме замигала звездочка чуть в стороне от целевых областей. — Она совершенно ничем не интересна, кроме того, что абсолютно точно безопасна, когда-то ее исследовали и картографировали Джоре. Содружество до системы не добралось. Но ее главный плюс в том, что из нее за один прыжок максимальной дальности разведчик способен достичь первой целевой точки и исследовать ее на предмет безопасности перемещения туда станции. Пока имеющихся данных недостаточно для однозначного вывода, есть лишь предварительные расчеты, показывающие восьмидесяти трех процентную вероятность благоприятного исхода прыжка станции. Лучше бы поднять ее до ста процентов.

— Согласен. — Ивану крайне импонировала обстоятельность Колосса как и отсутствие стремления к излишнему риску. При том, что он сам был представителем профессии, куда как постоянно связанной с рисками различного рода, а возможно именно поэтому, он научился ценить безопасные варианты решения проблем.

— Тогда осталось обсудить оптимальный маршрут. До отметки ноль нам предстоит сделать минимум семь прыжков, но предлагается увеличить это число еще на один. Так мы сможем наверняка избежать обнаружения с чьей-либо стороны, если только не столкнемся с чем-то совершенно неизвестным. Но и на этот случай тот факт, что все финишные зоны приходятся на внешние области звездных систем, вероятность обнаружения или столкновения с кем-либо минимальна.

На этот раз на голограмме пролегли две слегка изломанные светящиеся линии, обозначающие варианты будущего маршрута. Более короткий почти касался зоны, когда-то освоенной Джоре, но до которой еще не дотянулся фронт Содружества. В принципе и короткий путь был достаточно безопасен. Колосс просто перестраховывался. Иван на секунду задумался, не получится ли так, что пытаясь уйти от известной опасности, которая впрочем была не такой уж реальной, они вляпаются во что-то неведомое, выбирая неисследованные зоны космоса, про которые вообще не было данных, кроме в лучшем случае карт гравитационных потоков. Однозначного ответа на этот вопрос у него не было.

— Колосс. А что если проложить путь по внешней границе фронта Содружества?

Скажем на расстоянии одной системы от нее. Мне кажется этот вариант более перспективным. Гравитационные карты более точные, вероятность столкновения с чем-то совершенно неизвестным не столь высока, ну а если кому-то не повезет с нами столкнуться, то это будет его несчастный случай. Как говорится у нас дома, у носорога плохое зрение. Но при его размерах, это не его проблемы.

— Принимается. Этот вариант пути несколько длиннее, потребуется десять прыжков, но он действительно безопаснее, если учитывать неизвестные нам варианты угроз. Только предложу проложить путь на расстоянии все же двух, а не одной системы от границы фронта. Карты этих зон не менее точны, а вероятность встретить кого-либо все же ниже.

— Не возражаю. Итак, принимаем окончательный вариант и объявляем двухдневную подготовку к отправлению. Успеете свернуть добычу в системе и вернуть на станцию стоящие там створки врат?

— Да, на это потребуется не более сорока часов.

Отлично, что у нас по топливу?

— Уже на сегодня полностью заполнены баки станции и всех имеющихся кораблей эскадры. Последняя доставка сырья пойдет после переработки в топливо на хранение в заводских танках.

— Тогда начинай отсчет. И да, Колосс, за отличную работу выражаю тебе и всему коллективу благодарность.

Даже не видя и не слыша никаких откликов, Иван четко уловил своим пси удовлетворение и даже удовольствие, исходящее от искинов. Да уж, доброе слово и искинам приятно. Особенно сказанное во время и по делу.

Интересно, может ли кто-нибудь реально представить себе, что такое разогнать станцию диаметром полторы тысячи километров и хрен знает каких гигантских масс до скорости, позволяющей уйти в прыжок? На реактивной тяге такое было бы просто невысказано. Да и ионных движков, успешно справлявшихся с подобной задачей в отношении самых крупных кораблей многокилометровой протяженности, потребных для решения подобной задачи не существовало в принципе. Хотя ионники, мощные и в большом количестве, на станции были. И первые импульсы движения давали именно они. Одна из двенадцати гигантских бронированных граней станции разошлась лепестками и открыла взору целую группу из двадцати четырех разгонных движков. Вспыхнувшая в их дюзах плазма засияла небольшим солнцем и огромный космический колобок пришел в движение. Примерно через час к работающим почти на форсаже ионникам присоединились главные маршевые двигатели станции — гравитационные. И сразу же станция стала в разы бодрее набирать темп. А еще через полчаса ионные двигатели выключились, створки лепестков опять собрались в единую грань стационарного кристалла. Разгонники свою задачу выполнили, обеспечили необходимую минимальную скорость движения станции относительно гравитационных потоков пространства.

Гравитационные двигатели были давно и хорошо известны Джоре, принцип их работы, да и действующие модели существовали за более чем тысячу лет до гибели империи. Потенциально они являлись самыми мощными и экономичными из двигателей, перемещавших объекты в обычном пространстве. Но за все это время ученым так и не удалось решить основную проблему. Эффективная работа гравитационных двигателей по соотношению размеров двигателей, затрат топлива и скорости разгона требовала гигантской массы самих кораблей. При массе покоя ниже десяти миллиардов тонн установка подобных движков была бессмысленна. Потому ими оборудовались только сверх большие транспортники и колонизаторы, военные корабли класса дредноут и мобильные космические станции. “Колосс” как нельзя кстати по всем своим параметрам подходил, а потому был оборудован самыми мощными и современными на тот момент гравитационными маршевыми двигателями, которые позволяли вывести даже столь солидную по размеру станцию на точку прыжка всего за восемнадцать часов.

На время движения к пункту назначения Ивану и его спутницам пришлось покинуть так полюбившиеся им просторы и дворец главной клановой резиденции. Вся эта зона была переведена в стазис. Пришлось довольствоваться обычными корабельными апартаментами. Хотя обычными их можно было назвать с большой натяжкой. Таким бы позавидовал любой адмирал. Шесть просторных комнат, небольшой бассейн вместо ванной, гигантский сексодром в спальне, явно рассчитанный на активных почитателей гарема. И, разумеется, роскошная отделка помещений. Главам клана, как уже упоминалось, не любил себе в чем-то отказывать. Обе девушки после того, как их отношения с Иваном перешли в иное качество, категорически отказались занимать отдельные апартаменты, предпочитая в принципе не слишком далеко и надолго отдаляться от своего обретенного мужчины. Видимо, страхи и неуверенность еще не до конца покинули их симпатичные головки. Иван, видя это, усмехался, но ничего принципиально против не имел. Он сам с огромным удовольствием купался в направленных на него чувствах девушек и пытался соответствующим образом

отдариться, как мог. Ничего подобного на Земле он не испытывал. К сожалению, ему всю жизнь не везло на женщин. Большая часть его знакомых была четко ориентирована на его материальный достаток. Он это прекрасно видел и даже в какой-то мере понимал и принимал. Да и не жадничал никогда. Но связывать себя на всю жизнь с подобными меркантильными особами не собирался. Наверное, при большом желании он смог бы найти себе ту, которую полюбил бы. Но его юность, когда подобные чувства вспыхивают особенно ярко, была растрочена на совершенно иные мысли и эмоции. Потом закрутили дела, стало не до романтики. А когда все более или менее устаканилось, выяснилось, что он уже настолько привык к приятным и не слишком обременительным связям, что менять ничего не захотел. Иногда в душе просыпалось желание иметь детей, и куда большее, чем желание иметь постоянную спутницу жизни. Но и этот вопрос раз за разом откладывался сам собой. Да и понимал Иван, что любимые дети бывают только от любимых женщин. Потому и тянул. Но теперь у него обязательно будет время наверстать упущенное.

Дел особых во время перелетов у Ивана не было. Девушки продолжили учебу, установив посменный график пребывания в обучающих капсулах таким образом, чтобы Иван как можно меньше находился один. И каждую ночь то одна, то вторая обязательно были с ним рядом в постели. Иван так и не понял, охраняли они его, караулили или просто боялись, что он куда-нибудь исчезнет. И тихо посмеивался, иногда иронизируя вслух, но очень аккуратно и добродушно, боясь ненароком ранить девчонок, только-только начавших приходить в себя.

Все чаще и чаще Иван задумывался о том, зачем он ищет Землю. Сначала все было просто. Оказавшись неизвестно где и в полнейшем одиночестве, Иван видел свое возвращение в первую очередь как возвращение в привычный мир. И все, происходившее в той системе, воспринимал не иначе как инструмент для реализации этой идеи. Но с появлением девушек, а потом и станции, на которой было практически все, о чем можно было только мечтать, идея возвращения на Землю сама по себе утратила смысл. Он совершенно точно знал, что не собирается облагодетельствовать человечество добытыми инопланетными технологиями. Просто потому, что был уверен, ничего хорошего сей факт ни ему лично, ни человечеству не принесет. Не было у него никакого доверия и к собственной стране. Если бы еще была жива советская империя, то подумать на эту тему имело бы смысл. Но не в обществе, где продается все и вся, а элита определяется по количеству и изощренности украденных у своей страны ценностей. Хотя и это лишь полбеда. Настоящая проблема в том, что ведь продадут. И его, и технологии, и все остальное. Выжмут как тряпку и продадут, как продавали все последние годы государственные секреты как картошку на рынке. А любая попытка утаить и приватизировать вызовет другой закономерный итог, всеобщая война всех против всех. И новое рабство для всех выживших. Ни для себя, ни тем более для доверившихся ему девчонок, которых ничего кроме опытов в секретных лабораториях не ждало, такая перспектива не прельщала.

Теоретически существовал вариант подмять планету под себя и стать единоличным диктатором. Возможности, опять же теоретически, позволяют. И столь же теоретически можно было бы надеяться на положительный итог подобного эксперимента. А что, фабрика по производству симбионтов имеется. И как раз сейчас медицинский искин, носящий громкое имя Пилюлькин, проводит активные исследования, как адаптировать симбионты Джоре к генетическим данным потомков Сеятелей. Иван очень сомневался, что готов кому-либо пережить то, что пришлось пережить ему. Даже ради аналогичного результата. Да и шансы выжить при такой процедуре будут едва ли у каждого десятого. Или разум, или

сердце не выдержит. Так что задача была Пилюлькину сделать процедуру безболезненной и по результатам аналогичной той, которая была характерна для самих Джоре. Пусть эти результаты слабее на порядок, чем получил он, зато можно без риска использовать на практически любом кандидате. Пришлось для работы даже пожертвовать литром собственной крови и частицей спинного мозга. По имеющейся информации перспективы неплохие, более точные данные ожидаются в течение пару недель. Жаль только, что опробовать их будет пока не на ком. Придется использовать виртуальное моделирование. Так что потенциально он сможет обеспечить симбионтами все человечество. И тут открываются неплохие перспективы. Например, мыслесвязь, как одна из основных функций, практически не подразумевает возможность соврать. Одно это уже может стать мощнейшим фактором реорганизации всего общества. Дроидов, чтобы ликвидировать всю действующую мировую элиту и пресечь любое сопротивление и противодействие, ему хватит. А не хватит, еще наклепает. Вот только не готов он взять на себя эту ношу. Прекрасно понимает, что в лучшем случае число жертв, пока все утрясется, составит пару миллиардов человек. Или земные правители в процессе сопротивления уничтожат, или если их успеть ликвидировать до этого, сами люди, почувствовав безнаказанность, такое понаворотят, что не дай бог. Нет, не для него это. Так что в реальности остается самый последний и он же самый адекватный вариант. Набрать с Земли толковых людей и отправиться колонизировать какую-нибудь пустую планету. Благо парочка вариантов на примете имеется. И желательно забирать из России, там еще хватает людей, правильно воспитанных. Удивительное дело, власть в СССР, особенно в последние десятилетия, состояла существенным образом из людей, весьма далеких от пропагандируемых ими же самими идеалов. А вот народ в основной своей массе был светлым и работающим. Если бы ему всю мотивацию к труду не убили, такая страна сейчас была бы. Таких людей и надо набирать. Он бы и от многих своих однокашников не отказался, поискать стоит. А скольким достойным старикам молодость и силы вернуть? Тут Иван снова усмехнулся. Прямо какой-то канон получается. Какую книжку не вспомни, у всех одно и то же. Как люди требуются, так или старики, или инвалиды, ветераны различных войн. И никто, просто совершенно никто не хочет брать простую современную молодежь. Вот это прогнили. И всего за пару десятков лет. И хоть смейся, хоть плачь, но и у него самого точно такой же выбор. Конечно, и среди молодежи можно достойных людей встретить. Но это как искать каратный бриллиант в слоновьей куче навоза. Время и сил уйдет море, а толку? Ладно, прилетим, подумаем. Землю ведь еще найти требуется.

И что-то не спокойно на душе. Даже сердце ёкает. Чем дальше, тем сильнее тревога. Такое впечатление, что он не успевает. Совсем немного, но все же. А ведь совсем недавно ничего такого не ощущал. Взбрыки пси? Или расстояние каким-то образом влияет? А может просто волнение? Нет, не похоже. Это именно желание поторопиться.

Полет в общем проходил спокойно и даже рутинно. Ну что может быть романтического или азартного в простом полете? Разогнался, прыгнул, несколько дней летишь в гипере. За “окном” муть и никакого радующего глаз пейзажа. Во время разгона хотя бы звезды “показывают”. Никто за все время не встретился. И, собственно говоря, было бы странно, если бы было иначе. Что Джоре, что в Содружестве все предпочитают перемещаться между системами. И именно в них рассчитываются финишные зоны. В пустом межсистемном пространстве ловить нечего. Ни тебе полезных ископаемых на астероидах, как и сами астероиды такая редкость, что их искать, так проще иголку в стоге сена. Ни противников, кого можно ограбить. Ни планет, которые можно колонизировать. Иногда межсистемным

космосом пользовались контрабандисты для передачи товара, не боясь нарваться на патруль. Крайне редко здесь могли создавать свои базы пираты. Но действительно редко. Ибо все приходится завозить, продукты, топливо и так далее. На транзите не заработаешь. Отсидеться, как мышь под веником, это да. Но не более того.

Топлива запасли достаточно, чтобы туда и обратно два раза слетать. Так что скука. Если бы не внутренняя нарастающая тревога, все было бы замечательно. Даже Лия сосвоей не особо развитой эмпатией что-то почувствовала. Второй день настороженно присматривается. Но пока молчит. Судя по всему, она даже Джил ничего не сказала. Та бы сразу вопросами засыпала. Ничего вменяемого Ивану по поводу этой странной тревоги в голову не приходило. В апокалиптические картины как-то верилось слабо. Ну не дураки же на Земле глобальную ядерную затеять? А другие любимые Голливудом сценарии типа врезающегося астероида или глобальной вулканической активности он вообще всерьез не рассматривал. Что-то связанное с ним лично? Тоже нет. Детей нет, родители умерли. А больше никого, о ком стоило бы так беспокоиться, на планете нет. Или что-то по дороге? Но завтра уже из последнего прыжка выйдут. Автоматический разведчик показал безопасность финишной зоны и остался под маскировкой дожидаться станцию на месте. Дальше разведка и поиск Земли и оптимальной базы для самого “Колосса”. И за весь путь ни одного происшествия. Удивительно все же, какой запас прочности вкладывали Джоре в свою технику, что она и через пять тысяч лет работает как часы. Всякие неизбежные мелочи не в счет. Там проводка за искрит, тут какой-нибудь мелкий блок забарахлит, и его тут же несутся менять ремонтные дроиды.

Иван уже совсем измучился от ожидания и безделья. Может и эта тревога от скуки? Сам себя накручивает. Вот завтра и узнает. Работа появится. Хотя и не сразу. На этот раз он пойдет на разведчике сам, но до этого надо зонды раскидать по целевым системам. С ними интересно получилось. Ивану никогда бы не пришло в голову, что можно запускать зонды через гиперпространство с помощью тоннельных орудий большого калибра. А между тем когда-то Джоре додумались именно до этого. Впрочем, они сначала додумались до стрельбы через микропрыжок. Тоннельники считались одними из наиболее мощных и дальнобойных видов вооружения. И применялись особенно активно на дальних дистанциях, куда совершенно не добивали плазменные орудия. Но даже казалось бы гигантская начальная скорость болванок на дистанциях в тысячи километров была недостаточной для того, чтобы внимательный экипаж цели не смог бы небольшим маневром уйти с линии огня. А на средних и близких дистанциях тоннельные орудия уже проигрывали по эффективности плазменным. Перезарядка существенно дольше, да и боезапас в отличие от энергии не бесконечен. И тогда какому-то умнику пришло в голову вместо простой болванки записать в орудие снаряд, снабженный небольшим прыжковым двигателем. Скорости разгона в стволе оказалось достаточно для того, чтобы снаряд ушел в гипер. Как только обнаружилась таковая принципиальная возможность, стали решать имеющиеся практические проблемы. Уменьшать габариты прыжкового двигателя и создавать его защиту от мощнейших электромагнитных импульсов, возникавших при разгоне снаряда в стволе. В итоге решили. Единственной нерешенной проблемой, которая не позволила этому оружию стать настоящей супервафлей, было то, что после выхода из гипера снаряд довольно быстро начинал терять скорость в обычном пространстве. И для эффективной стрельбы потребовалось достаточно четкое и точное определение координат выхода снаряда непосредственно перед целью. А тут уж очень многое зависело как от искинов-наводчиков. Так и от операторов стрельбы. В

условиях постоянного перемещения как собственного корабля, так и корабля противника попасть с нужным эффектом было отнюдь не тривиальной задачей. Но все эти проблемы со стрельбой совершенно не касались зондов. Им быстрая потеря скорости даже была на руку, меньше вероятности столкнуться с каким-нибудь местным “телом”. Жаль только, что при таком методе исследования систем приходилось использовать одноразовые и дорогостоящие зонды. Они попадали в систему, картографировали ее с невысокой степенью детализации, но достаточной для понимания общего ее строения, количества и взаимного расположения крупных объектов. Далее зонд находил одну-две области потенциально пригодные для прыжка корабля по гравитационным условиям. На основе всей собранной информации формировался сжатый пакет, отправляемый на базу. Но его отправка требовала столько энергии, что выполнив свою задачу, зонд переставал существовать.

— Получены данные из первой системы. Обрабатываю, вывожу на визор.

— Так, посмотрим, что там у нас? Не то.

Звезда была похожа на Солнце. Но планет в системе всего пять. Один газовый гигант на окраине системы, две планеты слишком близко от светила, еще две слишком далеко. И лишь одна имеет атмосферу. Но на удалении вдвое больше оптимального для данного класса звезды, рассчитывать на жизнь на ней не приходится.

Иван и обе Джоре неотрывно находились в командном центре с момента запуска зондов. Нетерпение нарастало. Второй зонд — пустышка, в системе вообще ничего интересного. Третий, аналогично. Четвертый. Что-то странное. Система отдаленна напоминала земную, хотя знаменитых колец Сатурна не наблюдалось. Но здесь явно произошла какая-то космических масштабов трагедия. Вместо планет между орбитами предположительно второй и четвертой планеты находилось месиво астероидных полей. Лишь небольшой планетоид совсем рядом со звездой и чуть больший на значительном от нее удалении, раза в два большем, чем до границы полей с каменюками.

— Колосс, отметь последнюю систему, возможны перспективы для добычи ресурсов. Уж больно поля обширные, как бы не из трех планет сразу.

— Принято.

Так, подошли данные с пятой системы. Опять облом. Здесь и звезда существенно ярче и планет аж двенадцать. Из них сразу две потенциально в зоне комфорта.

Колосс, в пятую надо послать зонды к четвертой и пятой планетам. Возможен класс А.

— Принято, начата подготовка зондов.

— Отправляй без дополнительной команды.

— Принято.

Так, где же шестая порция данных? Хотя система подальше. Но Иван уже еле сдерживался, чтобы не выдать волнение. Как же хочется найти побыстрее, да и тревога никуда не исчезает.

— Есть данные с шестого зонда. Вывожу.

— Фух. Она. Нуры, прошу познакомиться, это моя система. Или ее настолько точный двойник, что моих знаний астрономии не хватает, чтобы найти хоть одно отличие. Точнее смогу сказать только после разведки.

Иван на секунду расслабился и откинулся в кресле, а Лия с Джил бросились его обнимать и целоваться.

— Приготовить разведчик?

— Нет, колосс, готовьте с Арием “Ковчег”. Полечу сразу на нем. Меня уже дней десять гложет какая-то тревога. И сейчас она только усилилась. Такое впечатление, что я чуть-чуть опоздал. Вот только не пойму куда именно. Так что не буду зря тратить время.

— Ив, ты обязан взять меня с собой. — Роб.

— Роб, дружище, ну зачем там рейдер, даже если опять найдутся какие-нибудь пираты з Содружества, им против “Ковчега” просто нечего противопоставить.

— Но нас ты точно возьмешь, это даже не обсуждается. — Обе Джоре крепко вцепились в Ивана, буквально приклеившись к нему.

— И со мной не торопись. Как военная сила “Викинг” действительно не особо нужен.

Но как ты собираешься подобраться к планете на “Ковчеге”. Его же с поверхности невооруженным глазом заметить можно будет.

— На нем есть система визуальной маскировки, Роб.

— Визуальной, да. Но ты рассказывал, что вся орбита усеяна спутниками. А в электромагнитном диапазоне он будет фонить так, что всех на уши в первый же момент приближения поставит. А самое главное, я не понимаю, зачем рисковать. И вообще, я твой первый партнер этом путешествии. Это я тебя спас. Ты мне должен.

— Ладно, черт с тобой, уговорил. Выводи “Викинг” и цепляйся к “Ковчегу”. А вы обе марш на борт проводить подготовку к старту, пока я не передумал.

— Есть, командир, — девушки исчезли быстрее, чем Иван нашел, что сказать еще.

— Колосс, посмотри, может быть найдется место получше и поближе к той системе. Только пока никуда не двигайся, ограничишься зондами.

— Уже смотрю, капитан.

— Ну все, пожелай мне удачи.

— Удачи, капитан.

Через шесть часов Иван, сидя в капитанском кресле в рубке “Ковчеге” вывел корабль из прыжка где-то за орбитой Сатурна. Сам окольцованный гигант в это время находился почти на противоположной стороне системы и был едва заметен. Обе девушки находились тут же, с интересом глядя на экран, на котором стараниями Ареса уже крутилась третья планета системы.

— Да, ребята, это она, моя Земля. Вон тот спутник это Луна, всегда повернут к планете одной стороной. Арес, начинай сканировать весь диапазон радиочастот, хочется поскорее убедиться в том, что это не ошибка и не какой-нибудь дублер. Да и еще, какое разрешение у наших сканеров по размерам объектов. Что-то орбита мне кажется слишком пустынной, там же все мусором должно быть завалено. Да и пара тысяч спутников летает.

— Никакой активности на орбите планеты не обнаружено. Предметы больше ста кубических сантиметров отсутствуют.

— Что-то мне это не нравится, а что по радио?

— Есть активность, но пока слишком далеко для перехвата сигнала, очень слабые источники. Еще пять минут.

— Хорошо, жду. — Не в силах больше оставаться в кресле Иван вскочил и принялся наматывать круги по рубке. Обе девушки, хотя и остались на своих местах, но волнение Ивана передалось и ими. Взгляды постоянно порхали от экрана визора на Ивана и обратно.

— Капитан, перевачено несколько радиосообщений, в том числе и одно на твоём родном языке.

— Включай.

И тут Ивана шарахнуло. Уж чего он только не передумал за эти дни. Но такой вариант ему в голову не приходил. Да и как такое было вообще возможно? Теперь понятно, почему он так торопился и чувствовал, что не успевает. По рубке торжественно и уверенно звучал сильный голос, знакомый в его стране каждому старше сорока лет. Голос Левитана.

“От советского информбюро!

В течение дня наши войска на ШАУЛЯЙСКОМ, ВИЛЬНЕНСКОМ БАРАНОВИЧСКОМ направлениях продолжали отход на подготовленные для обороны позиции, задерживаясь для боя на промежуточных рубежах.

Боевые действия наших войск на этих направлениях носили характер ожесточённых

столкновений. На отдельных направлениях и участках наши части переходили в контратаки, нанося противнику большое поражение.

На ЛУЦКОМ и ЛЬВОВСКОМ направлениях день 27 июня прошёл в упорных напряжённых боях. Противник на этих направлениях ввёл в бой крупные танковые соединения в стремлении прорваться через наше расположение, но действиями наших войск все попытки противника прорваться были пресечены с большими для него потерями. В боях взято значительное количество пленных и трофеев.

На МИНСКОМ направлении отбито наступление крупных танковых частей противника. В результате контрудара наших войск на этом направлении разгромлен крупный штаб противника. Убит немецкий генерал и захвачены оперативные документы. На другом участке этого же направления нашими частями уничтожено до 40 танков противника.

На БЕССАРАБСКОМ участке фронта наши части нанесли удар по противнику в районе СКУЛЕНИ, сорвав подготовку крупного наступления его на этом направлении.

В ночь на 27 июня группа наших войск при поддержке речной флотилии форсировала ДУНАЙ и захватила выгодные пункты, 510 пленных (в том числе 2 офицеров), 11 орудий и много снаряжения.

На всём участке фронта от ПЕРЕМЫШЛЯ и до ЧЁРНОГО МОРЯ наши войска прочи удерживают госграницу.

В боях с германскими захватчиками командиры, бойцы, целые подразделения и части Красной Армии проявляют исключительный героизм, находчивость и отвагу.

Нстрелковый полк стремительным ударом выбил немцев из местечка N, взяв в плен 22 человека. Противник отступил, оставив на поле боя свыше 700 убитых и раненых.

В боях на румынской границе части N стрелковой дивизии захватили в плен 800 немцев и румын.

Наш Черноморский флот совместно с авиацией нанёс удар по базе немецких кораблей в Констанце.

Самоотверженно действовала рота, которой командует лейтенант Швец.

В N районе эта рота атаковала вдвое сильнеешего противника и вынудила его отступить с большими потерями.

В зенитной артиллерийской части, которой командует полковник Турбин, особенно отличилась батарея лейтенанта Муравьёва. Эта батарея один за другим сбила два вражеских самолёта “Юнкерс-88” и взяла в плен пять немецких летчиков, в том числе двух лейтенантов.

На рассвете 25 июня немецкий батальон, одетый в красноармейскую форму, пытался вторгнуться на Советскую территорию. Наша рота под командой лейтенанта Жигова оборонявшая село N, встретила противника сильным огнём. Но фашисты начали кричать по-русски: “Не стреляйте: мы свои!”. Бойцы ослабили огонь и были быстро окружены врагами. Тогда пулемётный взвод, которым командует младший лейтенант Пушкаренко, гранатами пробил себе дорогу, а затем мощным огнём своих пулемётов прикрыл контратаку стрелковых подразделений. В результате рота успешно вышла из расставленной врагом ловушки, нанеся немцам серьёзный урон.

Финляндский президент Рюти, выступая 26 июня по радио, повторил клевету Гитлера: он заявил, что “во время переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. СССР требовал от Германии свободы рук, чтобы урегулировать свои счёты с Финляндией и ликвидировать эту страну”.

Эта наглая ложь имеет своей целью обмануть народ Финляндии, натравить его на

Советский Союз.

Правители Финляндии пытаются скрыть от финского народа превращение Финляндии в плацдарм немецких фашистов для нападения на СССР.

Итальянская печать пытается ввести в заблуждение мировое общественное мнение своими сообщениями о том, будто “Россия имеет агрессивные намерения против Болгарии и других балканских стран”; В действительности всему миру известно, что: 1) болгарский и русский народы связаны узами исторической дружбы на протяжении многих десятилетий; 2) СССР принимал все возможные меры к тому, чтобы оградить Болгарию от войны, в которую её вовлекал и вовлекает Гитлер; 3) СССР никогда не имел и не имеет никаких агрессивных намерений и по отношению к другим балканским странам.

В то же время всем известно, что Германия растоптала государственную независимость и национальную самостоятельность балканских государств, а фашистская Италия поработила Грецию и большую часть Югославии.

В Будапеште объявлено, что Венгрия считает себя в состоянии войны с Советским Союзом. Это решение вызвано тем, что советская авиация якобы совершала налёты на города Венгрии. Это утверждение является ложным: советская авиация никаких налётов на города Венгрии не производила. Правительство Венгрии боится сказать честно и открыто, что оно объявило состояние войны по приказанию Гитлера и ещё потому, что венгерские правители не прочь при случае пограбить чужое добро.

Небезызвестная итальянская газетка “Мессаджеро” распространяет в явно провокационных целях сообщение о том, будто бы “русские готовятся к химической войне”. Назначение этой провокации ясно каждому, кто мало-мальски знаком с обычными приёмами германо-итальянских фашистов. Возможно, что они сами готовят химическую войну и, пытаясь заранее спутать карты, валят с больной головы на здоровую”.

Трансляция стихла, и в рубке установилась вязкая тишина. Все замерли, даже искин не подавал признаков присутствия. В принципе сомнений в том, что он только что услышал, не было, но как утопающий хватается за соломинку, так и Иван все же попытался.

— Арес, а нигде не проскальзывало информации о том, какой сейчас год или точная дата?

— 27 июня 1941 года. Летоисчисление пока не выяснил.

— Это сейчас неважно, я его знаю.

Из Ивана как будто выдернули стержень, он споткнулся и сел прямо на пол. Все-таки опоздал, пусть немного, но война уже длится неделю. Сводка пока еще не передает всего ужаса текущего положения на фронте. Да и в Москве еще до конца не осознали, с чем столкнулись. Но одновременно Иван чувствовал некоторое облегчение. Раз его закинуло не только в пространстве, но и во времени, и не просто во времени, а в начало самой страшной войны, унесшей более пятидесяти миллионов жизни, значит в этом и есть высший смысл. И не стоит его больше искать. А ему, защитнику погибшей империи, которой он даже толком послужить не успел, здесь самое место. А уж с его возможностями.

— Хотели повоевать? Что же братцы-кролики, Фрицы и Дитрихи, повоюем. И Адольфик, ты тоже жди в гости.

— Иван, можешь объяснить, что происходит? Тебе плохо?

— Ты знаешь, Лия, нет. не плохо. Скорее хорошо, хотя очень неожиданно. Присядьте, я сейчас все постараюсь объяснить. Насколько я понял, там сейчас начинается ночь. Так что пара часов у нас есть.

Подождав, когда девушки, внимательно смотрящие на него взволнованными глазами, усядутся обратно в кресла, а рядом проявятся голограммы Ареса и Роба, Иван продолжил.

— Арес, ты можешь все, что я сейчас буду говорить, транслировать всем остальным искинам на кораблях, обладающим сознанием? Это важно.

— Выполнено.

— Тогда слушайте. Я родился в 1967-м году.

— Как это? Если Арес сказал, что сейчас там, на планете только 41-й?

— Не знаю. Каким-то образом меня забросило не только за тысячи световых лет, но и в прошлое. Более, чем на семьдесят лет. С учетом того, какое сейчас время здесь, становится понятным, как и зачем все это вообще могло произойти. Помните, я вам рассказывал, что по моему мнению все, что происходит с нами, имеет свою логику? Мы можем ее видеть или не замечать, можем даже не догадываться о ее существовании, но она есть. Вселенная разумна. Или разумен ее создатель. И все происходящее с нами есть проявление этой непостижимой логики и этого непостижимого Разума. Большинство из вас уже знают мою историю. Я сирота, воспитывавшийся в специнтернате, где из нас готовили будущих защитников империи. Империя в лице наших наставников заменила нам погибших родителей. И будущая служба была для нас смыслом жизни. Нас в шутку называли будущие волки империи, хотя формально страна империей не называлась, но она была таковой по сути. Увы, но как и любая империя из моей земной истории к моменту, когда я должен был приступить к службе, настолько прогнила изнутри, что рухнула. То, что образовалось на ее останках, даже преемницей нельзя назвать. Так, территория хаоса, где продавалось все, что имело хоть какую-то ценность. От секретов государства до малолетних детей. В результате моя жизнь утратила смысл. Мне некому стало служить. Нечего стало защищать. Я пристроился в жизни и по местным меркам довольно неплохо, занимался коммерцией. Но это все пустое. В итоге моей уже довольно бессмысленной борьбы с личными врагами, попытавшимися отнять у меня все, я неведомым образом очутился на корабле Роба, а потом и нашел всех вас. Остальную историю вы знаете. И вот теперь мы вернулись ко мне на планету и выясняется, что там сейчас несколько дней назад началась самая страшная война в истории моей страны, да и всего мира. Война, которая только в моей стране унесла более двадцати, а по некоторым источникам почти тридцать миллионов жизней. Война, которая, как есть основания думать, в итоге и привела к гибели мою империю. Ибо в ней погибли лучшие. А тех, кто выжил, физически не хватило, чтобы пресечь деградацию. Тем более, что совсем не они оказались на вершинах власти. Не знаю, как это было у Джоре, но у нас генералы мирного времени очень сильно отличались от военных генералов. И как только закончилась война, потребность в последних отпала, и первые снова полезли на теплые места изо всех щелей.

Иван оглядел внимательные лица собравшихся, даже Роб и Арес имели на своих голограммах соответствующие выражения.

— И вот теперь представьте, я, воспитанный защищать свою страну, но не успевший вырасти достаточно, чтобы это сделать, оказываюсь в прошлом. И не просто в прошлом, а в самом важном и поворотном моменте истории.

— И ты хочешь предотвратить эту катастрофу?

— Ну совсем предотвратить уже не получится, война идет уже несколько дней. Но вот свести ее последствия для страны к минимуму, да. И не просто хочу, я это сделаю. У меня только один вопрос, вы со мной?

— По-моему, после нашей клятвы, мы ни разу не давали повода усомниться. Но здесь есть множество нюансов. Имперские законы запрещают напрямую вмешиваться в конфликты диких слабо развитых планет. Здесь проблема в том, что жизнь любого разумного считается священной, а разница в технологиях такова, что любое наше вмешательство может привести к гораздо большим потерям жизни аборигенов, чем они способны сами уничтожить своим примитивным оружием. А мы все же пусть и в прошлом, но имперские искины, мы не можем переступить законов империи, это грозит нам утратой целостности наших личностей. — С грустью и внутренним напряжением добавил Арес.

— Арес, во-первых, извини, не хотел никого обидеть. Я понимаю, о чем ты говоришь. Но здесь особый случай. Наше вмешательство способно не только уменьшить потери, но и предотвратить намного худшие последствия для миллионов людей, в том числе и со стороны агрессора. Мы можем помочь им не превратиться в нелюдей. Сейчас, в самом начале войны большинство из солдат и офицеров вермахта, это армия напавших, еще может считать себя людьми. Их, кого угрозами, кого посулами, а кого и пропагандой уверилив том, что они воюют за свободу и величие собственной нации и народа, которого несправедливо лишили жизненного пространства и перспектив развития. Но пройдет совсем немного времени и все они превратятся в зверье, не имеющее права называться разумными. Я хочу вам всем кое-что показать.

Иван сосредоточился и постарался своим пси передать всем картины той страшной войны, с детства запечатленные в памяти из многочисленных фильмов и документальной кинохроники. Перед его внутренним взором замелькали кадры концлагерей, уничтожения тысяч людей в газовых камерах, сожжения целых деревень со всеми жителями, включая детей и младенцев, картины бомбежек санитарных поездов и дьявольской охоты самолетов на колонны беззащитных беженцев. И многое, многое другое, что составляло неотъемлемую часть той страшной войны. И сила его пси-трансляции оказалась настолько велика, что абсолютно все почувствовали себя участниками или непосредственными свидетелями этих событий. И не было ни малейших сомнений в том, что все показанное Иваном правда. Пси не умеет лгать. Когда Иван, истощив свой внутренний резерв до дна, обессилено откинулся, лежа прямо на полу, в рубке надолго установилась тишина, прерываемая лишь тихими всхлипами девушек. Их буквально трясло.

Прошло немало времени, прежде чем Иван немного пришел в себя и поднялся с пола.

— Это в принципе не ваша война, если вы откажетесь, я не буду считать это предательством, просто попрошу оказать ту помощь, на которую вы согласитесь. А нет, значит, попросту спущусь на поверхность и буду воевать тем, что есть. Или тем, что достану там. Если выживу, вернусь.

— Иван, то, что ты показал, это страшно. Не могут разумные вести себя таким образом. Ты совершенно прав, этот случай не подпадает под писанные имперские законы. И я понял, почему наше вмешательство это способ спасти не только твоих соплеменников, подвергшихся нападению, но и тех, кто напал. Отныне это не только твоя война, то этой наша война.

— Спасибо, Роб.

— Это не мое, это наше общее решение, Иван. Располагай нами.

— А нас ты спросить не хочешь? Мы между прочим все еще действующие офицеры, пусть и империи, канувшей в лету.

— Лия, я обязался вас защищать от любых опасностей. А там даже при всем

превосходстве техники может быть опасно. Мне было бы спокойнее, несли бы вы с Джил остались на корабле. Работа и здесь найдется. Особенно для Джил, я планирую привезти на корабль много раненых, ими займется она.

— Займусь, но пока их нет, я получу с вами. Между прочим у меня не только база пилота малых кораблей полностью поднята, но и звание снайпер-стрелок имеется.

— Ладно, спорить не буду, мне сейчас любая помощь понадобится. Тогда так. Арес, напони, сколько у нас легких атмосферных истребителей имеется, Шершней использовать пока не хочу, они слишком тяжелые для атмосферы. И сколько десантно-штурмовых ботов?

— Ботов у нас, если считать вместе с Викингом, десяток. А легких истребителей “Оса” пятьдесят. Все могут работать в полностью автоматическом режиме, им только координация управления потребуется.

— А медицинский бот есть? И ли все на станции остались?

— Есть один, на двадцать пять капсул реаниматоров. Плюс в нем еще около сотни посадочных мест.

— Отлично. Дроиды?

— Тяжелых штурмовых две сотни. Легких боевых пятьсот.

Иван замолчал, встал и, возобновив хождение по рубке, задумчиво тер подбородок.

— Арес, слушай мою команду. “Ковчег” укрыть на обратной стороне спутника, но обеспечить непрерывную связь с “Викингом”, который отцепляется и стартует на орбиту Земли. Арес, высвети карту планеты. Так, спасибо. Роб, зависнешь на высокой орбите примерно в этом районе. Твоя задача отслеживать положение дел по линии соприкосновения противников и после начала операции координировать действия искинов. В том числе и давать им целеуказания. В первую очередь меня будет интересовать авиация и наземная бронетехника, украшенная крестами. Это наши главные цели. Сбивать все, что шевелится. Можешь отправляться. Как только мы начнем, я с тобой свяжусь. Будешь нас направлять.

— Принято, исполняю.

— Арес, подготовь к вылету все истребители “Оса”, три штурмовых бота и медицинский. На всей технике нанести на верхних и нижних плоскостях крыльев, — тут Иван не надолго задумался, — а ладно, прикалываться, так прикалываться. Нанести вот эту эмблему, образ я тебе скидываю. И на наши скафы нужна точно такая же на правый рукав, только попроще, кидаю картинку. В каждый бот по три штурмовых дроида. Им на корпус полную эмблему, как на истребители.

— Принято, потребуется час.

— Годится. Я, Лия и Джил пойдем на ботах. Джил на медицинском. Девочки, не забудьте одеть боевые скафы.

— А почему я не на штурмовом?

— Потому что мы полетим в место, где гарантированно будет множество раненых. Им до гибели, если я правильно помню историю, как раз один день остался. А на медицинском тоже найдется, из чего пострелять.

— Арес, присвоить каждой боевой единице в моей группе кодовое имя Жнец и порядковый номер. Мой первый, Лия второй, далее десять “Ос”. Остальные “Осы” группами по десять машин под управлением Роба пойдут отдельными отрядами. Цели раздам Робу позже. Их имена “Альфа”, “Бета”, “Чарли”, “Дельта”. У командиров отрядов порядковые номера один, далее по списку.

— Принято.

— Тогда объявляю часовую готовность к вылету. И да поможет нам бог.

Иван не мог похвастаться детальным знанием всего хода Великой отечественной войны. Но вот ее начало они в школе много раз разбирали с наставниками очень подробно. В том числе и пытаясь переиграть катастрофу первых месяцев. После установки симбионта он не раз убеждался в том, что помимо всех прочих модификаций организма заполучил и абсолютную память. Все, что когда-то было ему знакомо, по мере необходимости легко всплывало на поверхность и становилось доступным. Вот и сейчас всего лишь одна зацепка с датой, прозвучавшей в сводке Совинформбюро, вызвала в памяти множество деталей и важных событий. Все, что уже случилось, он предотвратить не смог. Да и непонятно, насколько смог бы. Насчет того, что даже появившись он здесь месяц назад, он не смог бы предотвратить войну, Иван не испытывал ни малейших иллюзий. Почти наверняка он даже изменить обстановку на момент ее начала не смог бы. В лучшем случае своим вмешательством немного уменьшил потери первых дней. Да и то, главным образом в авиации. Но вот все, что еще не случилось, предотвратить можно и нужно. А ведь завтра очень важный день. День, когда фашисты захватят Минск, еще через день танковые группы Гота и Гудериана соединятся, замкнув огромный котел. Также завтра немцы возьмут Волковыск, завершив окружение еще большего числа советских войск на Белостокском выступе. А еще, еще вы памяти четко всплыли события обороны Брестской крепости. 29 июня немцы мощнейшими авиационно-бомбовыми ударами уничтожат Восточный форт и возьмут в плен почти четыре сотни бойцов и командиров. После чего фактически крепость падет полностью, хотя отдельные небольшие группы будут сражаться еще почти месяц. И именно эти важнейшие для последующего развития катастрофы события он и намеревался предотвратить в первую очередь.

На танки Гота и Гудериана, как и на Белостокское направление он пошлет истребители. На прорвавшиеся к Минску танковые группы по одному отряду из десяти “Ос” хватит. Два пойдут к Волковыску и его окрестностям. Надо будет расчистить зону отхода для 3-й и 10-й армий. А сам он на ботах и с одним десятком “Ос” направится в Брест. Нельзя дать героям погибнуть напрасно. Они и так сделали больше, чем могли.

— Роб, пока ты не отчалил. Возьми мою ментаграмму и найди на ней изображение карты СССР. Я ее столько раз перед глазами держал, что их там целое море должно быть.

— Нашел, Ив.

Роб был единственным из искинов, кто иногда позволял себя называть Ивана по имени.

— Тебе необходимо будет сделать максимально точную привязку карты к поверхности. Понимаю, что ночь, но нужно. Пошли разведчиков, что хочешь делай, но привязка нужна. Завтра на земле очень важные события, нам крайне необходимо не тратить зря время на поиск нужных точек. Для тебя особое значение будут иметь города Минск и Волковыск, а для меня Брест.

— Понял, сделаем. Только действительно придется разведывательных дронов посылать. С орбиты сложно будет. Там и облачность и дымов хватает. Часа два понадобится.

— Хорошо. Тогда вылет немного отложим, время пока есть. Когда сделаешь доложи. И вообще связь между всеми нами должна функционировать постоянно.

— Арес. Когда уйдешь за Луну, выбрось в пространство дроидов связи. Мало ли что еще понадобится. Да, и необходимо на каждом истребителе или хотя бы на парочке из каждого отряда установить диверсионных дроидов. После наших ударов мне потребуется связь с

местными командующими. К сожалению, пока здесь наличествует только проводная связь. Рации есть, но их очень мало и надежда на них никакой. Так что диверсанты должны будут врезаться в провода и обеспечить нам нужный доступ.

— Принято. Но предлагаю сделать иначе. Проще подsunуть в штабное помещение переговорное устройство. Это позволит нам постоянно оставаться на связи с нужными людьми вне зависимости от их последующих перемещений. А “Осы” или дроиды для них еще и разведкой поработать смогут.

— Черт, а ведь точно. Нам так и так засветиться придется. Только поставь внутрь переговорников систему самоликвидации. На всякий случай. Не хочу пока артефакты оставлять.

— Принято.

— Да что ты все принято. Да принято. Давай проще, своими словами. Не в боевой обстановке пока. Это там на лишнее слово времени не будет.

— Хорошо, капитан. И не волнуйся так, мы от врагов мокрого места не оставим.

— На самом деле этого тоже хотелось бы избежать. Это ведь я знаю, что уже в скором времени эти твари с людьми делать будут. А они этого даже про себя пока не ведают. Может быть есть и у них еще шанс людьми остаться, а не зверьми стать. Понимаешь, мы с немцами не сказать, что совсем, но в большой степени один народ. По крайней мере среди них онемеченных славян, это так мой народ в древности назывался, как бы не больше, чем потомков всех прочих племен. Только по жизни нас с ними все время стравливают. А сами в стороне остаются. Так что поголовно уничтожаем танки и авиацию, ну и прочую технику. Только последнюю, типа автомашин, лучше обездвиживать, но не уничтожать окончательно. Они еще самим, в смысле нашим, потом пригодятся. А пехоту пока не трогаем по возможности, только если очень сильно нарываться будут. Пусть их мои потомки сами с земли выгоняют. Надо же и им что-то оставить. Халява иногда еще больше развращает, а не правильные выводы делать заставляет. Эта война должна стать уроком для правителей, кто внизу. Слишком много ошибок ими допущено.

— Учтем.

К Бресту подлетали вовремя. Вовремя, это относительно того, что наметил Иван Мальчишество, но он решил начать операцию ровно в четыре часа утра. Причем, одновременно во всех трех точках. Роб не подвел, привязка местности к карте была произведена в рекордные полтора часа. И все отряды истребителей уже выдвинулись на место, обнаружили первоочередные цели и были готовы открыть огонь по команде.

Крепость еще скрывалась в предутреннем сумраке, лишь силуэты стоящих во дворе танков и бронетранспортеров были заметны на фоне перепаханной бомбами и снарядами земли. Техника стояла пустой с открытыми люками. Лишь наряды охранения иногда мелькали на ее фоне. Но мощные сканеры штурмового бота уже полностью определили точное число живых объектов как в самой крепости, так и на прилегающих территориях. И Иван сейчас быстро помечал на экране тактического планшета точки, которые с большой вероятностью могли оказаться еще живыми защитниками, а не оккупантами. Сомнений почти не было, за исключением Восточного форта все крупные объекты уже находились под контролем немцев. Лишь кое-где в подвалах еще тлели огоньки жизни советских бойцов, до которых не дошли облавы.

Четыре, пора начинать. Короткая команда по мыслесвязи, и сумрак взорвался огнем. Десять истребителей и два бота принялись поливать плазмой разобранные цели в порядке очередности. Те, кто не погиб сразу, застывали в ужасе от того, как из темного неба и совершенно бесшумно на них неслись огненные шары, разлетающиеся брызгами при столкновении с целью. От этих шаров и даже отдельных брызг пространство вскипело ревущим пламенем. Техника вспучивалась и взрывалась от детонации боекомплекта и сгорающего топлива. И это были единственные звуки. Через две минуты все было закончено. В отличие от немецких снарядов мощные стены древней крепости ничем не могли помочь укрывшимся за ними фашистам, когда залпы оружия из далеких глубин космоса искали и находили свои цели. Сделав основную работу, “Осы” перенацелились на другие позиции оккупантов. В первую очередь уничтожались переправы и артиллерия, то есть все то, что могло помешать спасательной операции.

Майор Гаврилов устало обвел воспаленными глазами пространство подвала. Взгляд, не задерживаясь, скользил по телам отдыхавших бойцов, слух не реагировал на стоны раненых. Все это за последние дни стало неотъемлемой частью мира. Восточный форт еще держался, но видно уже недолго осталось. Сегодня фашисты применили против защитников мощные пятисоткилограммовые бомбы. До подвала не достали, но верхний этаж порушили знатно. Да и людей побили первыми ударами, пока спрятаться не успели. До этого еще удавалось не только сдерживать, но и неплохо отражать наступательные порывы. Все пространство перед фортом уже погибшими врагами усеяно. Но сначала сволочи додумались подтянуть вплотную танки. Разве что не в упор в бойницы дула просовывали и стреляли. От одного акустического удара сдохнуть можно. А теперь еще и бомбить взялись. Люди пока держатся, хотя и из последних сил. Практически все ранены, многие уже даже из подвала выползти не могут. День-два и все. Боеприпасы еще есть, но почти кончилась еда. И очень плохо с водой. Их если и не добьют, то без воды они и так недолго протянут. Но, как правильно говорит полковой комиссар Фомин, если хоть еще одного врага с собой утащить, значит меньше их землю родную дальше топтать будет. И остальным пусть на долю малую, но легче. Глаза

майора сами собой закрылись, как быстро начинаешь ценить каждую минуту передышки. И ведь уже рассвет, скоро опять ползут гады. Но хоть полчаса передохнуть. А потом назад к бойницам, пока есть силы. Блин, что там за взрывы, даже подремать не дадут. Майор прислушался, грохотало не у них, а чуть в стороне. Вроде смолкло, глаза снова прикрылись. Но в сон провалиться так и не удалось.

— Товарищ майор, товарищ майор!

Коренастый боец, отправленный на пост высматривать новую атаку немцев, ужом протиснулся через полузаваленный вход в подвал и бросился к командиру.

— Что такое Подвигаило? Только глаза сомкнул.

— Там такое, товарищ майор, такое. Вам нужно самому посмотреть. Хана немцам!

— Что наши все же подошли?

— Не знаю, товарищ майор, только все горит и пылает. Должно быть наши.

Надежда на быстрое контрнаступление советских войск и деблокаду крепости, которой все подбадривали друг друга в самом начале умерла уже на третьи сутки боев. И тут вдруг такое. Надежда всколыхнулась в груди где-то у сердца. Вдруг появилось ощущение, что все позади, кто смог дожить до этого момента, тот уже не умрет.

— Ну пойдем посмотрим, что там случилось.

Майор заметил, что сотни людей, коротавших в подвале ночные часы передышки встрепенулись и смотрят в их сторону с горящими надеждой глазами. Вон и комиссар встрепенулся.

— Не хочешь, Ефим Моисеевич, тоже посмотреть? А то что-то боец не на шутку разволновался. Хана говорит немцам. Хотя не верится. Не провокация это, война. А войну начать легко, закончить трудно.

— Пойдем, Петр Михайлович. Своими-то глазами оно лучше будет.

Оба командира, стараясь не показываться в простреленных секторах, осторожно поползли в сторону еще сохранившихся бойниц, откуда открывался вид на пространство перед фортом. Если боец и приврал, то явно не шибко. Вся вражеская техника, сосредоточенная перед фортом пылала. Кое-где даже еще раздавались взрывы от рвущегося боекомплекта. У пары танков даже башни сорвало. И если одна хоть и съехала, но боком упиралась в корпус танка, намекая на свою к нему принадлежность, то вторую вообще унесло метров на двадцать. Но не горящая техника вселила надежду, пылала не только техника, но и все сооружения крепости, захваченные противником еще в первые пару дней бойни. Минут двадцать командиры внимательно присматривались и прислушивались к происходящему за пределами форта, но никаких признаков живого врага не обнаруживалось.

— Это чем же их так разворотили, а, Петр Михайлович? Бомбы зажигательные?

— Должно бы так, вот только что-то слабые для бомб взрывы раздавались. Как на звук, так скорее немцы сами себя подорвали. Но ведь не может такого быть. Надо снаружи глянуть.

— Подвигаило!

— Здесь я, товарищ майор.

— Давай аккуратненько, сползай, посмотри что там и как. Только тихонько и осторожно, на открытое место особо не лезь.

— Есть, товарищ майор, я мигом. Ни одна сука не заметит в таком дыму.

Оба командира вновь прильнули к бойнице, пытаясь рассмотреть, что происходит снаружи. Вон тенью, прячась в рассветном сумраке, мелькнула фигура Подвигаило. Молодец

боец, сторожится. Вот что значит старослужащий. Тем временем фигура бойца ползком переместилась за горящие танки и скрылась из глаз. Оставалось только слушать. Майор настороженно каждую секунду ждал выстрелов. Но все было тихо. Потом вновь показался боец. Только он уже не ползком, а бегом неся в сторону форта и конкретно их бойницы. И вид у него был ошашенный.

— Товарищ майор, товарищ комиссар, выходите. Нет там больше немцев. Ну то есть живых нет. И тут подмога подошла. Только товарищи командиры, странный он какой-то, не наш. А техника так вообще наверное самая секретная, я такой представить себе не могу. Вам самим смотреть надо. А опасности нет.

— Ну ладо, пойдем, комиссар, посмотрим, что там за неожиданные помощники объявились.

— А не подстава?

— Ну, глядя на танки, не подстава, — коротко хохотнул Гаврилов. Как-то я сомневаюсь, что мы такой жертвы достойны, чтобы сразу десяток танкеток ради нас самим взрывать. Да и боец этот правильный, из крестьянской бедноты. Сам знаешь, среди них затаившихся вражин мало.

И тут из-за танков показалась в высшей степени странная фигура. Больше всего это походило на древнего рыцаря, наглухо одетого в броню черного цвета. Даже круглый шлем не просвечивал, полностью скрывая лицо. От всей фигуры веяло опасностью и нездешностью. Теперь стали понятнее слова бойца про “не наш”.

Переглянувшись, командиры все же решились выйти из укрытия. Сделав пару шагов, комиссар на секунду тормознулся и прислушался. Надо же, тишина. Почти как до войны, лишь вдалеке где-то на востоке ухали тяжелые гаубичные оружия, больше похожие на отзвуки грома. Далековато фронт за всего несколько дней. А здесь тишина. После бесконечного грохота пальбы, от которой у многих лопались барабанные перепонки, и шла из ушей кровь, это выглядело почти фантастикой. Как и фантастикой только уже без почти выглядела и стоящая в нескольких шагах перед ними фигура. Вдруг без единого звука темная сфера шлема открылась и за секунду спряталась куда-то в воротник странного отливающего металлом костюма. За ней оказалось обычное лицо обычного человека. В меру молодое и открытое, лишь внимательные глаза смотрели на командиров холодно и строго, отчего тут же напомнили комиссару их собственных особистов. Взгляд странного незнакомца перетек на командирские петлицы и на миг подернулся поволокой, как будто он что-то вспоминал.

— Так, если не ошибаюсь, майор и полковой комиссар, прошу простить, я не слишком в этом разбираюсь.

— Не ошибаетесь, Майор Гаврилов и полковой комиссар Фомин. А Вы кто, простите?

— Ага, Петр Михайлович и Ефим Моисеевич, очень приятно. Меня можно называть Иван Степанович Зорин, хотя ни имя, ни фамилия вам ничего не скажут. Подразделение дажеговорить не буду, у вас еще таких допусков не придумали.

Командиры удивленно переглянулись. Странная информированность незнакомца их смутила. Не того они полета птицы, чтобы их все знали по именам и отчествам.

— Извините, а мы что раньше встречались, Откуда Вы нас знаете. Вы вообще откуда тут взялись?

— Я? — Незнакомец усмехнулся, и его рука, затянутая в плотную, но идеально гибкую перчатку, показала куда-то вверх. — А насчет того, откуда мне знакомы ваши имена, хороший вопрос, но непростой и не к месту. У нас не так чтобы очень много времени. Мы

здесь немного почистили, но ненадолго, а перелопачивать, сидя на одном месте, весь вермахт бессмысленно, да и глупо. Надо срочно вывозить отсюда бойцов. Много выжило?

— Сотен пять еще наберется. А как вывозить? — Майор зацепился за слово. У Вас транспорт имеется?

— Транспорт имеется. Раненых много?

— Так почитай все.

— Я имею в первую очередь тяжелых, их надо эвакуировать в первую очередь.

Тут незнакомец слегка повернулся и комиссару бросился в глаза странный, нет, невозможный, шеврон на рукаве. Каждый элемент рисунка был ему не просто знаком, он был знаком всем. Но собранные вместе они составляли изображение, которого не могло быть в принципе. Фомин даже головой помотал. Нет, не померещилось.

— Что это, — рука комиссара вытянулась в направлении шеврона. — Это невозможно. Это святотатство. Кто Вы?

Вторая рука дернулась к кобуре, и спустя мгновение на незнакомца смотрело дуло штатного ТТ. Майор, при первых словах товарища оглянувшийся на него, внимательно посмотрел в направлении его вытянутой руки и тоже разглядел наконец шеврон. Брови удивленно поползли вверх. Потом перевел взгляд на лицо Ивана, с еще большим удивлением отмечая про себя его полное спокойствие и веселые даже насмешливые искорки в глазах.

— Погоди, Моисеич, не гони. — Майор надавил, заставляя опустить руку товарища. — Картинка конечно интересная и ответов на вопросы потребует, но что-то мне подсказывает, что это не самое удивительное, что нас ожидает. Да и не испугал ты товарища своим пистолетом. Совсем не испугал. Я ведь прав, — поворачиваясь опять к Ивану.

— Правы, Петр Михайлович. Сложно меня пистолетом удивить. А уж навредить мне этой пукалкой еще сложнее. И в этом правы, и в остальном тоже. А Вы, Ефим Моисеевич, не возмущайтесь. Феодализм, капитализм, коммунизм и прочие измы, это все идеология. Она конечно нужна, чтобы задавать обществу ориентиры и контуры порядка, но все же вторична. А страна одна, как ее не назови, Россия. И народ один и тот же. Вы же, хоть и комиссар, но судя по тому, что Вы здесь, среди врагов и с пистолетом, явно не пустой горлопан. Те в основном в тылу и с ручкой. Или, не подумав о том, что немцы комиссаров и евреев даже в плен не берут, еще несколько дней назад повели бойцов в плен сдаваться. И не смотрите на меня так, это не пропаганда, а самый что ни на есть факт. Хоть и грустный. Да и лет Вам уже за тридцать. Голова на плечах должна быть. Все эти вопросы мы и потом сможем обсудить, в более спокойной и приятной обстановке. А сейчас задача другая. Спасти тех, кого еще можно спасти. Я, признаться, очень рад, что наткнулся на вас. Не придется самому всех по развалинам разыскивать.

В этот момент вдали послышался гул надвигающихся самолетов. Глаза обоих командиров предательски метнулись в сторону форта. На войне рефлексy выработываются мгновенно.

— Не волнуйтесь, — незнакомец тоже услышал нарастающий звук. — Мессеры, Фоккеры и прочие Хенкели, это не проблема.

Стоящий перед ними на секунду ушел в себя, как будто с кем-то общался, а потом над фортом с тихим свистом промелькнули огромные черные силуэты, несущие на плоскостях такие же странные эмблемы.

— Что это?

— Это мои птички. Сейчас они фрицев немного пощипают. Но все равно надо

поторопиться. Немцы тут недалеко, мы хоть все переправы и обрушили, но артиллерии на том берегу достаточно. Не хотелось бы под обстрелом людей вывозить.

— На чем вывозить?

— На чем? Да на этом, — назвавшийся Иваном Степановичем снова показал вверх. Видимо, сегодня у командиров был день шокирующих сюрпризов. Если промелькнувшие силуэты, минимум вдвое превышающие любые известные обоим самолеты, показались им огромными, то для того, что сейчас практически беззвучно опускалось в нескольких метрах от них, адекватных слов не нашлось.

— Твою мать через кочерыжку!

Краткость образного возгласа комиссара была понятна. Ну как еще реагировать на то, что прямо из ниоткуда в воздухе возник и медленно опускался на землю огромный черный аппарат формой напоминающий призму. А уж его размеры были ничуть не меньше, чем у любого из корпусов полковой казармы. И на матовой поверхности, которая казалось вообще не отражала света, сияла яркими красками та же эмблема, что и на рукаве Зорина. Только на этот раз на ней было еще больше элементов. Нет, не эмблема, герб. Ничем иным это изображение быть не могло. И при всей несовместимости того, что было на нем изображено, герб выглядел удивительно грозно и гармонично. От него веяло вечностью. И даже комиссар смотрел на рисунок хоть и с непониманием, но какой-то странной затаенной тоской.

— Так отцы-командиры. Все удивления оставляем на потом. Ваше дело спасти бойцов, каждая минута промедления работает против вас. Да и умрет, не дай бог, кто-то, пока мы тут разговоры разговариваем.

— Но мы не можем, — воскликнул комиссар. Приказ...

— В задницу ваш приказ, — первый раз показал откровенные эмоции их странный визави. — Некому вам приказы отдавать. Это вы понимаете? Немцы сегодня уже Минск брать собрались. Да, и это не провокация, нечего меня взглядом жечь. Да и вас с этим фортом уже завтра с землей сравнивают. Я ... ЭТО ... ЗНАЮ!

Не известно, что больше повлияло на решение майора, разгромленные немцы, невиданные летательные аппараты или последние слова, сказанные таким голосом, что тот мгновенно поверил. ЗНАЕТ. Но он, повернувшись к мнущемуся неведальке Подвигайло скомандовал.

— Выводи бойцов.

Потом развернулся к Ивану.

— Можем мы рассчитывать на то, что попадем к своим?

— Даю слово, что все, будут высажены на территории, занятой советскими войсками. Только подлечим вас сначала.

— Оружие все возьмут с собой.

— Даже не сомневался, — слегка улыбнулся Иван. И стало понятно, что оружие его совершенно не беспокоит.

Майор уже собрался задать еще какой-то вопрос, когда слова сами собой застряли в горле. Из опустившегося огромного аппарата откинулась створка, размерами сделавшая бы честь иным воротам, и медленно опустилась на землю, образуя пандус. А из открывшегося проема показалась фантастической красоты девушка, нет, уже молодая женщина. Такое же, как у их собеседника черное одеяние, производившее впечатление надежной брони, тем не менее не скрывало соблазнительных контуров прекрасного тела.

— Иван, давайте быстрее. Там за речкой немцы артиллерию начали подтягивать и

минометы. “Осы” их конечно раскурочат, но вдруг какой-то случайный снаряд прорвется. Авесь двор полем не накроешь.

— Уже начинаем погрузку, Джил, готовь камеры и аптечки, очень много раненых.

— Джил? — уловил непривычное имя комиссар и снова насторожился. Англичанка, американка?

— Не то и не другое. Нет такой техники ни у американцев, ни у англичан, уж поверьте. Потом все объясню. Не волнуйтесь, ничего страшного ни с кем не произойдет. Сейчас погрузимся, улетим в спокойное место, где снаряды не летают и будут вам все подробные объяснения. Но постарайтесь оградить от излишних вопросов бойцов. Их потом и так по особистам затаскают.

На это комиссар согласно кивнул. Техники такой действительно ни у кого быть не могло. Да и с последней репликой был совершенно согласен. Уж он-то прекрасно понимал, что простая и понятная жизнь закончилась. После всего, что здесь произошло, и что они видели, хорошо, если просто на фронт отправят. Могут и значительно дальше. Они столкнулись с чем-то совершенно непредставимым. И если сначала предложение незнакомца вызвало у него резкое отторжение, то когда он увидел столь необычные технические объекты, мнение резко поменялось. Его задача выяснить как можно больше, такую возможность упускать не только нельзя, это будет преступно. А их странные спасители, выступая на стороне Советского Союза, могут оказать огромную помощь. А то, что эта помощь будет не лишней, показали уже первые дни войны. Силен немец, очень силен. И его, Фомина, задача эту помощь обеспечить.

Тем временем из полуразрушенного форта потянулась цепочка бойцов. Майор вышел из ступора и стал уверенно раздавать команды. На своих ногах передвигалась едва ли половина, да и то многие опирались на плечи идущих рядом более здоровых товарищей. Остальных несли те, кто еще был на это способен.

— За один рейс всех не возьмем. Придется второй раз лететь, но это не долго. Сначала загружаем самых тяжелых в капсулы, остальные плотнее усаживаются прямо на пол. Комиссар, я Вас попрошу лететь с первой партией, проследите, чтобы никто дурака не валял. Это может быть небезопасно. И не волнуйтесь, Джил знает, что делать. Просто помогите ей.

— Хорошо, Иван Степанович. — И комиссар медленно направился к боту.

На сначала медленно и плавно поднявшийся, а затем буквально мгновенно исчезнувший в небесной выси, бот оставшиеся на земле наблюдали с открытыми ртами. То тут, то там слышались удивленно-восхищенные матерки. А уж девушка произвела просто невероятное впечатление. То тут, то там слышались обрывки разговоров. — Нет, ты видел эту кралю? Какая дивчина!

— Как скоро они за нами вернутся, Иван Степанович? — Гаврилов с трудом оторвал взгляд от уже опустевшего неба.

— Примерно через час, может немного больше. Я потому и просил вас поторопиться.

— А где высадят раненых?

— Пока не скажу, это лучше один раз увидеть?

— Неужели на Луне, — попытался пошутить майор, но по виду собеседника понял, что очень может быть, это была не шутка, а догадка.

— Не совсем, — улыбнулся Иван. — Но рядом. Вам, Петр Михайлович, понравится.

И майору, когда чуть позже он увидел своими глазами висящую в пустоте безбрежного космоса родную планету, действительно понравилось. За один день, день, когда

онприготовился умирать, он увидел и узнал столько, что мог бы умереть счастливым. Но почему-то именно теперь очень хотелось жить.

Иван сидел в рубке и просматривал видеоотчеты, присланные Робом, о других операциях отрядов “Ос”. Все спасенные из крепости пока проходили восстановление в медицинских капсулах. Да и пусть пока там находятся. Иван еще не решил, как и о чем говорить с людьми, потому пусть пока поспят. В целом он уже имел информацию о полностью выполненных задачах, но хотел посмотреть на все происходившее своими глазами. И посмотреть было на что. Разгром двух немецких механизированных корпусов, выдвигавшихся к Минску, был похож как под копирку. Проще всего оказалось справиться с задачей в отношении третьей танковой группы под командованием Гудериана. Ночь на 28-е июня основная часть войск и бронетехники 47-го моторизованного корпуса расположилась в только что захваченном городке Столбцы. Выставленное охранение ничего не смогло противопоставить двум десяткам “Ос”, бесшумно спланировавшим на спящие немецкие части из ночного неба. Дальнейшее вызывало мистический ужас. Яркие сгустки плазмы тихим гулом обрушивались огненным дождем на колонны застывших танков и бронетранспортеров и лишь при соприкосновении с целями вспухали громкими взрывами. Рвущийся при большинстве попаданий боезапас и то и дело кувыркающиеся вырванные из корпусов взрывами башни танков лишь усиливали апокалиптическую картину. Толпы мечущихся в панике немцев, не понимающих причин всего происходящего, существенно усиливали потери, поскольку именно по живой силе никто не стрелял. Всего через тридцать минут после начала операции на месте грозного танкового соединения, не знающего преград, осталась полубезумная толпа выживших, бесцельно бродящих среди останков боевой техники. Чуть позже аналогичная судьба постигла и чуть ранее отделившийся от основной массы войск танковый отряд, заночевавший в городке Узда. Второй танковой группы более не существовало. Покончив с наземной техникой оккупантов, “Осы” этого отряда переключились на патрулирование неба к югу от Минска. В воздухе все только начиналось. Немецкий ордуниг и здесь сыграл свою роль. Даже в полной неразберихе предугрэнного удара штабу Гудериана удалось связаться со штабом группы армий и вызвать воздушную поддержку. На свою и летчиков голову.

Ориентированные на полыхающие ярким заревом останки моторизованного корпуса несколько девяток “Хенкелей”, полная эскадра из более чем шестидесяти грозных машин, несущих в своих отсеках погибель врагам Рейха, идущая как на параде в четком строю и единой плоскости, смотрелись не только грозно, но и торжественно. Сверху и снизу прикрываемые двумя восьмерками “Мессеров”, эти асы, накопившие солидный опыт в небе над Европой и особенно при бомбежках Лондона, не боялись никого и ничего. После разгрома, устроенного ими советской авиации в первые же часы войны, асы Люфтваффе ощущали себя королями неба. Никто из них даже подумать не мог о том, что этот полет для них последний.

Воздушная армада приблизилась к охраняемой зоне, и последнее, что большая часть из пилотов заметила перед гибелью, были несущиеся к ним из пустого неба лучи ярчайшего света. Надо бы попробовать в первую очередь сбить центральные самолеты девяток, пришла мысль Ивану. Интересно, скольких можно зацепить взрывом их собственных бомб? Как выяснилось, искины, управлявшие “Осами”, оказались настолько же любопытными. По крайней мере, первыми вспыхнули именно центральные экземпляры. Для

систем электронного управления огнем поразить нужную точку вообще не было проблемой. А потому удары перегретой плазмы приходились как раз на бомбовые отсеки, вызывавшие мгновенные взрывы боекомплекта. Эффект оказался даже выше ожидаемого. Из каждой девятки после вздувшегося в центре их строя огненного шара относительно ровно продолжили полет не более трех-четырех машин. Но и для них давно начался финальный отсчет. Бомберы даже не успевали сбрасывать смертоносный груз хоть куда-нибудь. Так вместе с ним и взрывались, не оставляя шансов на спасения своим экипажам. Да, это им не колонны беженцев и не санитарные поезда бомбить. И даже не мирные города. Как говорится, кто к нам с мечом, тому и набитое орало не индульгенция. Истребители оказались чуть более расторопными, некоторым из них даже удалось рассмотреть невиданного прежде врага, мелькнувшего в лучах восходящего солнца. Но и тем, кто решительно бросился в атаку на огромных черных чудовищ, почти неподвижно зависших в утреннем сумеречном небе после разгрома бомбардировочной эскадры, не удалось практически ничего. Трассеры их очередей лишь упирались во вспыхивавшую разноцветьем вокруг удивительных аппаратов пленку защитного поля, не в силах добраться даже до брони. Повторить атаку как правило никому не удавалось. Ответный огонь этих летающих монстров был не только убийственно точным, но и гарантированно смертельным для любого немецкого самолета. И они сыпались и сыпались с неба на белорусскую землю кучей бесформенных обломков.

Примерно та же картинка была и от другой группы, отправленной на охоту за соединениями 39-го и 57-го моторизованных корпусов 2-й танковой группы под командованием Гота. Более ста танков, почти прорвавшихся к Минску, было уничтожено “Осами” в районе Ракова. Эту группу, фактически действовавшую на оперативном просторе и не имеющую перед собой серьезных заслонов, пришлось уничтожить первой. Далее “Осы” переключились на другие направления. Второй была уничтожена танковая армада, уже готовая к выходу из Радошковичей. В истории Ивана именно танки этой группы первыми ворвались в Минск. И именно 28-го июня. На этот раз их догорающие останки украшали собой дорогу в нескольких десятках километров от столицы Белоруссии. Завершил разгром частей второй танковой группы удар по Смолевичам и Острошицкому городку. Фактически всего за пару часов бронированный кулак группы армий “Центр”, на котором и строилась вся стратегия немецкого блицкрига, перестал существовать. Отдельные танки и бронетехника, застрявшая в разъездах или стоявшая сломанной вдоль дорог, принципиальной опасности более не представляли. Единственный вид немецкой техники, не подвергшийся массовому геноциду, стали грузовики различного назначения. В них направленным электромагнитным импульсом лишь выжигалась вся электрика, делавшая транспорт непригодным для использования, но потенциально восстанавливаемым.

Видеоотчет о действиях отряда, посланного к Волковыску, Иван уже даже смотреть не стал. Присытился, наверняка в нем все то же самое. Итак, ему всего за день фактически удалось остановить немцев на направлениях главного удара. Это еще не все, что он мог сделать и сделает, но в любом случае теперь появляется время и шанс обойтись малой кровью. Надо только чтобы советские войска успели придти в себя, отойти от паники и хаоса первых дней войны и осознать изменение стратегической ситуации. Немцы наверняка тоже резко приостановят активность своих действий, пока не разберутся, что произошло этим утром. Ну а самому Ивану стоит подумать о том, что делать дальше. С дальнейшим патрулированием неба и освобождением его от немецких самолетов, а советской земли от

остатков боееспособной техники вполне справится Роб с приданными отрядами “Ос”. И Ивану пора выходить на советское руководство. То, что это нужно делать, сомнений не было с самого начала. Был лишь вопрос, как это обставить. В какой-то момент Иван даже думал о менее резком. Но более зрелищном старте своего участия в боевых действиях. Было бы интересно поработать на глазах изумленных бойцов и командиров советских частей, приходя им на помощь в самые нужные моменты. А дальше по линии особистов информация бы точно дошла до Сталина. И не могла не вызвать интереса. А значит и стремления самому выйти на контакт с таинственным и могущественным союзником. При этом плане Иван получал преимущество первого контакта. Но катастрофически терял время и тысячи жизней людей. В том числе и мирных беженцев, то было бы неизбежным. Посему этот вариант Иван рассмотрел и отставил. Действовать решил резче и даже жестче, чтобы сразу многое расставить по своим местам. В юности Ивану попались на глаза мемуары Молотова, в которых он в том числе вспоминал и о некоторых событиях начального периода Великой отечественной войны. И согласно этим мемуарам уже завтра, 29-го июня Сталин должен будет с ближайшими соратниками из Политбюро посетить Наркомат обороны и накрутить хвоста Жукову и Тимошенко за полное отсутствие информации с фронтов и утерю контроля за ситуацией. По воспоминаниям Микояна Жуков, бывший тогда начальником Генштаба, даже разрыдался и бросился вон из кабинета. И тому пришлось идти за ним и успокаивать. То есть главное, что на текущий момент заботит советское руководство, это отсутствие информации. А она у Ивана имеется. Вот и повод для знакомства. Плюс все же незаметное проникновение в Наркомат обороны немногим более слабое прегрешение, чем аналогичное проникновение в кремлевский кабинет Сталина или на его дачу. Значит так и надо сделать.

Вечером 29-го июня в помещении Ставки Главного командования было жарко. К находившимся там весь день Тимошенко, Жукову и Ватугину присоединились приехавшие из Кремля с заседания Политбюро Сталин, Молотов, Берия, Маленков и Микоян. Все волновала противоречивая ситуация на Минском направлении. Несмотря на строжайший приказ Тимошенко оборонять город всеми силами, даже в окружении, части 2-го стрелкового корпуса отошли восточнее, заняв оборонительные рубежи вдоль реки Волма. Западнее города оставались лишь позиции двух дивизий 44-го стрелкового корпуса. Два последних дня в Москву с этого направления поступали странные и противоречивые события. Немцы, все дни до этого проявлявшие решительность и быстроту наносимых бронированными кулаками ударов, вдруг резко затормозились, остановившись на достигнутых рубежах. Более того, практически прекратились бомбежки Минска и прилегающих оборонительных рубежей. Ничего конкретного по этому поводу, могущее пролить свет на происходящее, с мест событий пока не поступало. Точнее определенная информация поступала, были даже сообщения, что передовые части немцев по докладам разведки разгромлены, но с учетом того, что победные репортажи в Москву стекались с самого первого дня, но каждый раз оборачивались очередным бегством или окружением советских войск доверия этим сообщениям не было ни у кого. Тем более, что по данным Генштаба никаких крупных соединений РККА западнее позиций 44-го корпуса, способных нанести немцам сколько-нибудь заметный урон просто не было. Сталин постепенно раздражался и все больше обращал свой гнев на Жукова, как начальника Генштаба, не способного вовремя обеспечить руководство страны достоверными сведениями. Самолюбивый Жуков уже находился на грани нервного срыва. Но в этой истории Сталину не суждено было произнести известной эмоциональной фразы: “Ленин оставил нам великое наследие, а мы — его наследники — все это просрали”. В тот момент, когда разговор опять зашел о том, что невозможно руководству страны принимать ответственные решения, опираясь на слухи, отдающие дешевыми фантазиями, в него неожиданно вклинился новый незнакомый голос.

— Видимо, я могу помочь вам, товарищи, с информацией.

Удивленным руководителям государства, распаленным предыдущей дискуссией, предстал совершенно незнакомый молодежь выглядящий человек, совершенно спокойно подпиривший двери кабинета спиной и слегка ироничным взглядом, рассматривающий всех находящихся в кабинете. От всего вида этого странного человека, облаченного в непонятный пятнистый комбинезон, от его вида, позы, от взгляда, каким он откровенно рассматривал самых могущественных людей СССР, веяло чуждостью. А чего стоил его невероятный даже абсурдный шеврон на правой руке. Не могло быть такого человека в этой стране. И уж тем более не могло его быть в этом кабинете. И тем не менее он был. И непросто был, он еще и совершеннейшее наглым образом себя вел.

— А кто Вы такой, товарищ, и как Вы оказались в этом кабинете, — очень медленно выцеживая слова, каждое из которых казалось акцентированным, проговорил Сталин, пришедший в себя чуть раньше всех остальных. Его знаменитые желтые тигриные глаза буквально буравили взглядом незнакомца.

— Кто я такой, расскажу чуть позже. И, если позволите, в более тесном кругу. Обращаться ко мне можно по имени Иван Степанович, фамилия Зорин. Попал я сюда очень

просто, вошел своими ногами. И не надо обвинять охрану, она меня просто не заметила. Вам, Иосиф Виссарионович, подобная возможность должна быть известна на примере посещавшего Ваш кабинет товарища Вольфа Мессинга. Как и то, как он с Вашей подачи в Сберкассе похулиганил.

Показавшееся чуть ли не панибратским обращение к главе государства по имени и отчеству шарахнула всех в кабинете по мозгам чуть ли не сильнее всего остального сказанного. Это было невозможным, немислимым, и все же это все происходило на их собственных глазах. А между тем, странный человек легким движением плеча отодвинувшийся от входа, совершенно обычным голосом продолжил.

— Не стоит, товарищи, хвататься за пистолеты, не поможет, да и бессмысленно, только помещение еще больше задымится, а вам здесь еще работать. Давайте сначала по информации, думаю, она сейчас наиболее важна, чтобы восстановить управляемость войсками на фронтах. И именно это нужно донести всем присутствующим. Я бы хотел вам кое-что показать, Вы позволите, товарищ Сталин?

— Ну что же, показывайте свою информацию, товарищ Зорин. — Сталин уже почти полностью пришел в себя и старался восстановить контроль над ситуацией, пусть и казавшейся ему абсурдной.

Удивительный незнакомец решительным шагом прошел к столу, заставив невольно отшатнуться всех находившихся рядом, и положил на него маленькую черную коробочку. Сделав пару шагов назад, все так же спокойно продолжил.

— Вы сейчас увидите кадры разгрома немецких ударных бронетанковых групп. Я немного подсократил продолжительность съемки, оставив только наиболее существенные моменты, но при необходимости готов предоставить полные материалы.

Над коробочкой возникла полупрозрачная сфера, позволявшая практически со всех сторон наблюдать удивительно четкое и цветное изображение утренней атаки на спящий немецкий лагерь. Горели и взрывались танки, металась в беспомощной панике немцы. Затем пошли кадры воздушных боев и уничтожения немецкой авиации, поспешившей на помощь избиваемым наземным войскам. Десять минут длился показ, наполненный не только удивительной четкостью изображения, но и звуками реальной битвы. Хотя какой битвы, побоища. Пару раз в картинке мелькали силуэты непонятных воздушных аппаратов, активно стрелявших по немцам сгустками яркого пламени. Огромных, черных и фантастически смертоносных. Стоит ли говорить, что все десять минут, пока длилась эта невозможная в своей четкости и детализированности демонстрация в кабинете не прозвучало ни звука, кроме тех, что доносились из сферы. Как только изображение пропало, на его месте появилось некое подобие карты западных регионов страны. Трехмерной карты, что само по себе выглядело нереально. А возмутитель спокойствия ставки Главного командования как ни в чем не бывало возобновил свой рассказ.

— Сегодня со стопроцентной вероятностью, возможной к подтверждению вашими, товарищи, средствами можно говорить о практически полном уничтожении частей и соединений второй и третьей танковых групп противника, которые и осуществляли прорывы советской обороны в рамках стратегии блицкрига, а также плана “Барбаросса”.

Говорящий сделал небольшую паузу, а Берия, услышав название немецкого плана, уже не раз попадавшегося в донесениях разведки, бросил на него внимательный пристальный взгляд.

— В обеих группах осталось не более пяти-семи процентов бронетехники, по разным

причинам не состоявшей в основных группах на момент нашей атаки. Большая часть из них повреждена или находится в стадии ремонта. Однако, осталось неповрежденной довольно много автотехники, как транспортной, так и бензовозов. Но и ею противник воспользоваться в ближайшее время не сможет. Нам показалось, что такая техника пригодится Советскому Союзу, потому уничтожалась только электрическая система. В полевых условиях не починишь, а на заводах запросто. Ну и как частичная компенсация за вторжение тоже не плохо, немецкие автомобили имеют достойное похвалы качество.

То, каким спокойным будничным тоном этот странный товарищ Зорин описывал свои достижения и тем более рассуждал о трофеях, заставляло верить его словам чуть ли не больше, чем только что показанные фантастические картинки уничтожения захватчиков.

— В ближайшее время точно таким же образом будет уничтожена техника немецких групп армий “Юг” и “Север”, частично это уже происходит. Одновременно будет поставлен прочный заслон против проникновения на территорию СССР вражеской авиации. Любому самолету, пересекшему границу, будет немедленно сбита. А вот выгонять с территории страны живую силу противника вам придется уже самостоятельно. Но уверен, с этим даже растерявшаяся по началу РККА успешно справится, не так ли Георгий Константинович?

Жуков, услышав свое имя, вздрогнул, вынырнул из мыслей, не дававших ему покоя с момента начала показа и, вскинув глаза на остальных, попытался понять их реакцию на все только увиденное и услышанное. Но тренированный мозг практически мгновенно выделил вопрос, обращенный лично к нему.

— Разумеется, если все, что Вы нам показали и рассказали, подтвердится, выдворение противника за пределы страны не заставит себя долго ждать.

— У меня только, товарищ Жуков, к Вам огромная просьба. Она касается и всех остальных. Не нужно излишне торопиться. Самое главное сохранить жизни наших людей. Да и немцев не стоит поголовно истреблять. В том же плену они способны принести нам много большую пользу. В этой ситуации месяц или даже два ничего не решат.

Жуков, не решив, как именно стоит реагировать на такое заявление, просто кивнул.

— Кроме сказанного могу добавить, что нами спасено пятьсот семнадцать бойцов и командиров из состава защитников Брестской крепости. Сейчас они все находятся на излечении, практически все ранены, очень многие тяжело. Как только восстановление этих людей будет завершено, мы передадим их в ваше распоряжение. Могу лишь сказать, что все они настоящие герои, сражавшиеся до последнего. Собственно это все, что я пока хотел сообщить. Товарищ Сталин, я бы очень хотел с Вами пообщаться лично. Есть очень многое, что Вам следует знать. Но, думаю, правильнее это будет сделать чуть позже, когда Вы своими силами сможете подтвердить все мною здесь сказанное и показанное. Для этого оставляю Вам карту с пометками, где именно мои силы уничтожали врага. Так проверить будет проще.

— Наверное, Вы правы, товарищ Зорин. Мы бы тоже очень хотели бы с Вами пообщаться подробнее и в более спокойной обстановке. И Вы правы, нам сначала стоит проверить все Вами сказанное и тем более показанное. Уж слишком, извините, фантастично все это смотрится.

— В таком случае, не смею Вас больше отвлекать. Как только будете готовы к разговору, передайте в сводке Совинформбюро о том, что капитан Зорин награждается медалью за Отвагу.

— А почему так скромно, всего лишь медалью, а товарищ Зорин, — Сталин с хитрым

прищуром посмотрел на Ивана, — здесь все показанное не на один орден?

— Так не в орденах счастье, товарищ Сталин. А это так, весточка для меня. На следующий день после сообщения я появлюсь ровно в три часа дня на площади Кремля перед Вашим зданием. Буду на летательном аппарате, распорядитесь, чтобы площадь была пуста. Хотя нет, лучше бы это сделать в Волынском, лишних глаз поменьше. Там за домом полянка имеется, за ней и сяду.

— А Вы, товарищ Зорин, лишних глаз опасаетесь?

— Нет, что Вы, Иосиф Виссарионович, мне опасаться нечего. А вот людям, ставшим случайными свидетелями, боюсь, есть чего. Их же потом орлы Лаврентия Павловича замордуют. Не хочу для них неприятностей.

— Хорошо, пусть будет Волынское.

— Тогда честь имею.

С этими словами странный человек забрал со стола свою коробочку, потом вдруг резко подтянулся, смотря на Сталина и выказывая завидную военную выправку, даже показалось, каблуки щелкнули, и практически испарился. Лишь медленно закрывающаяся на доводчике дверь кабинета показала, что он все же покинул помещение именно этим путем. А в кабинете наступила мертвая тишина, которую все боялись разрушить даже громким дыханием. Сталин с едва заметной усмешкой оглядел ближайших соратников и негромко проговорил.

— Думаю, что не стоит нигде говорить о том, что только что произошло. Да и самим обсуждать это пока не стоит. Нужно для начала все тщательно проверить. Вот этим и займемся. А потом и будем решать, достоин ли капитан Зорин медали за отвагу. А пока у вас товарищи Жуков и Тимошенко наверняка найдется, что выяснить. Тем более товарищ Зорин оставил нам немало подсказок, — Сталин кивнул на карту, к которой так никто и не прикоснулся. — Да и товарищу Берии будет многое любопытно проверить, не так ли?

И только теперь в кабинете громко выдохнули и задвигались.

— Ну что скажешь, Лаврентий? — Сталин неторопливо набивал трубку из раздерганных папирос. С кабинета кроме него и Берии никого не было. — Удалось что-нибудь выяснить по горячим следам?

Берия, которому со вчерашнего вечера удалось поспать едва ли часа полтора, да и то на диванчике собственного кабинета поднял на Хозяина усталые глаза и слегка поморщился.

— Вот не пойму ничего. Вроде и информации много, а сказать толком пока нечего. Для начала никто в Наркомате не видел непонятого человека в пятнистой форме. Кстати, сама форма слегка смахивает на полевые комбезы нашего Осназа. Но только смахивает, как породистая овчарка смахивает на дворового бобика. Удивительно, но даже охрана помещения Ставки, где все происходило, ничего не заметила. А там ведь совсем не простые ребята дежурили. Видимо, на самом деле что-то похожее на гипноз, который демонстрировал Мессинг. Только он внушал всем, что идет нужный человек со всеми допусками, которого надо пропустить. А здесь просто ничего не видели. И внешняя охрана не заметила ничего необычного.

— А что по информации из Белоруссии, подтверждается?

— Пока связался только с Минском. Там да, все подтверждается. Люди успели смотаться во все указанные пункты, осторожничали, но это понятно, там немцев еще полно. Сотни и сотни сгоревших танков, брошенная техника и, что еще более странно, сами немцы. Это уже не войны, это полусумасшедший сброд. Такое впечатление, что многие не понимают, где они, что делают. И как тут оказались. Это больше не армия, их голыми руками брать можно.

— Ну голыми руками, наверное все же не стоит. Мы уже один раз собирались малыми силами и на чужой территории. А получили то, что получили. И если бы не этот странный товарищ Зорин, неизвестно еще, чем бы это все закончилось. — Сталин, увидя готовшего возразить Берия, предупреждающе поднял руку, — Не надо Лаврентий, не на трибуне. Сам понимаешь, обосрались мы по полной. И одним Минском мы бы точно не отделались.

— Я вот что не пойму, какая же сила должна быть у руках у этого Зорина, чтобы за один день так немцев расколошматить?

— А вот теперь ты задаешь совершенно верный вопрос, Лаврентий. А теперь соедини воедино его эффектное появление в Наркомате, его удивительную трансляцию, побоище, которое он устроил немцам и его летательные аппараты, пару раз мелькнувшие. Они же в разы больше наших самолетов, про остальное молчу. И подумай, кто все это может иметь?

— Могу совершенно точно утверждать, что ни одно современное государство ничем подобным не располагает.

— Ну проверить бы еще раз не помешало, но, думаю, ты прав. Нет сегодня на Земле ни у кого такой силы. А что это значит?

— Если немного пофантазировать, то инопланетяне?

— Такой вариант нельзя исключать. Марксизм не отрицает возможность существования инопланетных цивилизаций. Но здесь появляется куча новых вопросов.

— Выглядит как мы, по-русски разговаривает как на родном, если не брать во внимание некоторые странные непривычные выражения. Имя опять же назвал русское. И еще это

прощальное “честь имею”, имперским духом повеяло.

— Да непонятного много. А что, кстати, по имени?

— Нет пока ничего. Зориных полно, и Иваны даже Степановичи среди них встречаются. Но не те. Будем копать дальше.

— Копай для очистки совести — кивнул головой Сталин, — хотя думаю, ничего особенно интересного не раскопаешь. Но есть еще один вариант, более фантастический, но уж больно в него хорошо все факты укладываются.

— Посланец из будущего?

— Вот за что я тебя ценю, Лаврентий, умеешь делать правильные выводы. Если представить себе, что путешествие во времени возможно, то все отлично складывается. И то, что он на нашей стороне воевать бросился, и вполне русское имя, и то, что он всех нас по именам знает. Или возьми его рассказ о спасении защитников Брестской крепости. Откуда инопланетянину знать, что они там еще держатся и воюют? Да сейчас по всем лесам Белоруссии такая мясорубка, что кого хочешь спасай, да и заметить на порядок проще. Нет, он специально выбирает крепость. Случайностью такое быть не может. Идем дальше. Немцы атакуют по всей линии фронта длиной в тысячи километров. Бей, кого хочешь. Он же выбирает ровно те точки, которые для нас в данный момент наиболее опасны. Потеря Минска это ведь не просто потеря крупного города, это еще и котел, в который попадали сотни тысяч наших бойцов. Точно такая же ситуация с Волковыском. Две армии в окружении на Белостокском выступе и никаких реальных шансов на деблокаду извне. Именно эти точки для нанесения ударов он и выбирает, а все прочие, где фронт более или менее держится, оставляет на потом. Не бывает таких совпадений, Лаврентий. Он должен был точно знать все грядущие события. А самое главное, что захотел со мной встретиться. Видимо, есть ему, что нам рассказать. Видимо, не все у нас в будущем легко и просто получилось.

— Очень может быть. Думаю, версию посланца из будущего можно принять за основную. А что насчет встречи?

— Встретаться надо обязательно, подождем, пока военные всю информацию представят, и будем встречаться.

— Кого планируете на участие еще на участие во встрече?

— А никого. И не морщись, Лаврентий. Ты же не дурак. Он именно со мной хочет встретиться. Хоть конкретно он это не сказал, но дал понять достаточно откровенно. Любоидополнительный человек только помешает откровенному разговору.

— А не опасно?

— Не знаю, как ты, а я еще там понял. Захотел бы этот товарищ Зорин, мы бы все там и остались. А он бы после этого так же спокойно вышел из Наркомата и исчез. Нет никакой опасности. Точнее есть, но не прямо сейчас. Он сначала с нами договориться хочет. Понять бы еще, о чем. А вот если не получится, тогда уже будем опасаться. Польза может быть огромная. Он уже заявил себя на нашей стороне. И серьезно так заявил. А потом явился. А что это значит?

— Что ему со всей его силой от нас тоже что-то нужно.

— В точку, Лаврентий. И наша задача понять, что ему может быть нужным. Возможно, конечно, что он просто помочь решил или о чем-то предупредить. Может такое быть. Но посмотрим. И если ему все-таки что-то нужно, надо постараться ему это дать. Но сначала постараться понять, что это вообще может быть. Силы и мощи у него до хрена. Никого он не

боится. Он даже нас всерьез как угрозу не рассматривает. Но на контакт идет. В довольно рискованной форме, но вполне доброжелательно. При этом он себя очень четко от нас отделяет.

— Если за ним стоит все его будущее общество и государство, то это как раз понятно.

— А вот с этим отдельный вопрос. Знаешь, не производит он впечатление человека, выполняющего чью-то миссию. Мне показалось, что он сам по себе или во главе относительно небольшой группы. И этот момент особенно важен. Именно в этом случае мы можем ему для чего-то потребоваться. Например, он не может, но хочет вернуться к себе.

— Ресурсы ему нужны какие-то, больше ничего в голову не приходит.

— Опять верно. Вопрос только в том, какие именно. Наша задача в том, чтобы понять, что нужно ему. Но не менее важно понять, что в обмен можем попросить или потребовать мы. Пока у нас в этом плане ноль информации, но встреча многое должна прояснить. Так что готовь Сводку с награждением товарища Зорина. Скажем, на послезавтра. И еще. Распорядись, чтобы к моменту встречи вокруг площади были скрытые кинооператоры. Из своих доверенных подбери и чтобы ничему не удивлялись или делали это молча. Кажется мне, им будет, что снять. И чему удивиться.

Пока Иван дожидался приглашения в гости к “отцу народов”, он решил еще немного похулиганить. Надо было поднять панику у немцев до максимальной планки. Так почему бы не засветить не только летающую технику, но и наземных штурмовых дроидов. Пусть у гитлеровских аналитиков мозги окончательно съедут набекрень. Для показательного выступления Иван избрал может быть не самый стратегически важный, но очень показательный для обеих сторон эпизод. Как раз в эти дни идет беспощадная рубка за город Острог недалеко от старого укрепрайона, который уже занят немцами из состава 11-й и 13-й танковых дивизий. А противостоит им 109-я моторизованная дивизия РККА. В самом городке еще сражаются в окружении бойцы два батальона из состава 381-го мотострелкового полка. Участь их незавидна, погибнут все. Но как раз 30-го июня еще совсем не поздно вмешаться.

Начальник штаба 602-го мотострелкового полка 109-й дивизии майор Глухов в последний раз перед очередной атакой осматривал вражеские позиции на северной окраине Острога. Его полк пытался выдавить немцев из города уже не первый день, но безуспешно. Не хватало ни сил, ни средств. Танковые дивизии выбить с позиций не просто. Особенно если у самого ни сопоставимого количества бронетехники, ни орудий, ни даже снарядов уже не осталось. Люди таяли с катастрофической быстротой. И ничего хорошего Федор Федорович от предстоящей атаки тоже не ждал. Но приказ есть приказ. Рассматривая в бинокль что-то привлекшее его внимание, майор даже не сразу отреагировал на удивленные крики бойцов, раздавшиеся со всех сторон. Причем, эти крики только усиливались. В нестройный хор включались все новые и новые голоса. Глухов оторвался от бинокля и взглянул вдоль траншеи, пытаясь понять причину столь неадекватного поведения подчиненных. Но простертые в сторону противника руки бойцов быстро указали на направление, требующее внимания. В первый момент Глухов чуть не заорал вместе со всеми, настолько увиденное выбивалось из привычного представления о мире. Нисколько не заботясь о своей безопасности, прямо на нейтральной полосе между позициями противоборствующих сторон приземлялся фантастический летательный аппарат формой напоминающий зубило. Черная громадина длиной более пятидесяти метров опускалась медленно, совершенно вертикально и почти беззвучно. Лишь легкий гул и свист раздавались с места посадки. Выставленные по бортам орудия, ибо ничем иным эти шевелящиеся трубы быть не могли, явно указывали на военный характер летающего монстра. Впрочем, в сторону бойцов его полка машина никакой агрессии не проявила. А вот немцам похоже уже от нее досталось. Вдруг один из бортов аппарата откинулся на землю аппарелью и изнутри монстра стали быстро выкатываться странные шары метра три в диаметре такого же черного цвета, но отливающие металлическим блеском. То, что началось далее, вообще выглядело нереальным. Майору довелось когда-то прочитать фантазию английского романиста Герберта Уэллса “Война миров”. Сейчас перед ним на поле разворачивалось действие, очень напомнившее описание нашествия марсиан. Шары оказались не шарами, а некими паукообразными механизмами. Центральное тело цилиндрической формы утвердилось на шести телескопических конечностях, а в еще четырех “марсиане” держали явно оружие. И это оружие тут же принялось стрелять по позициям немцев. А сами инопланетные монстры выстроились в некое подобие строя и довольно шустро, паля из своих орудий, устремились в

сторону немецких танков. Причем, при относительно небольших размерах используемого оружия, стрелявшего сгустками плазмы и ярко светящимися лучами, оказалось для немецкой бронетехники крайне неприятным сюрпризом. Танки и бронетранспортеры фашистов вспыхивали один за другим. А вот ответный огонь не приносил немцам ни малейшего успеха. При попадании их пуль и снарядов вокруг “насекомых” вспыхивала радужная сфера какого-то защитного поля, заставляя боеприпасы взрываться, не нанося никакого вреда. Буквально за несколько минут всего десять механизмов, а то, что это не живые создания, а именно механизмы, майор Глухов догадался, фактически уничтожили немецкую оборону. Все огневые точки подавлены, танки и прочая бронетехника пылает и взрывается от детонирующего боекомплекта. А насекомые снова удивили. Как только противник, по крайней мере еще подающий признаки жизни, перед ними закончился, все они как-то странно подпрыгнули и взлетели метров на сто. После чего просто повисли в воздухе и возобновили огонь по ранее скрытым целям. И судя по направлению испускаемых оружием лучей и летящих сгустков огня цели эти находились все дальше и дальше от окраин города. В какой-то момент, либо посчитав свою задачу выполненной, либо убедившись в отсутствии нового врага, механизмы опустили обратно на землю и, быстро перебирая конечностями, двинулись обратно к своему летательному аппарату. Вновь слитным движением восстановили шарообразную форму и закатились внутрь. Аппарат закрыл аппарель и, стремительно набрав высоту, исчез в небе. Все это время, полк в полном составе оставшихся в строю не издал ни единого звука. Шок был настолько силен, что не доносилось даже нечленораздельных эмоциональных возгласов или неизбежного мата. Первым пришел в себя старший политрук полка Туманов. Все же крепкий на нервы человек.

— Братцы, они же там всего немца на части растащили, нам вообще ничего не оставили, айда за трофеями.

С этим воплем он вскочил на бруствер окопа и, размахивая ТТ, бросился вперед. Спустя мгновение с диким матом и громовым “Ура” за ним сорвался с места весь полк. И это была с самого начала войны его самая легкая и приятная атака. Даже выжившие немцы бродили как потерянные и безропотно выполняли команду “хенде хох”.

— И что это такое было? — Задал себе вопрос Глухов, хотя наверняка такими же вопросами задавался каждый, кто стал свидетелем этому зрелищу. Но ответ на этот вопрос он не получил даже спустя пару недель, когда давал объяснения и подписку вездесущим особистам.

Ровно в три часа на следующий день после “награждения” капитана Зорина челнок Ивана мягко приземлился на полянке рядом с дачей Сталина в Волынском, вошедшей в историю как ближняя. Сканеры еще при снижении определили, что поляна была оцеплена дополнительным кольцом охраны. Иван пожалел, что не видел лиц этих ребят в первый момент, когда челнок только проявился, отключив системы маскировки на высоте всего десяти метров. Весь путь до этого был проделан в режиме полной невидимости, чтобы не привлекать к визиту ненужного внимания. Встречал Ивана сам Власик, что говорило не только о серьезном отношении Сталина к встрече, но и о его желании избежать любых нежелательных случайностей. Все же стоящая за Иваном черная машина длиной более пятидесяти метров и высотой, превышавшей высоту дачи, не могла не вызывать опасения у охраны. Тем более, что турели ближнего боя ПВО/ПКО, расположенные по периметру челнока, выдавали его отнюдь не мирное предназначение.

Сталин, в легком волнении теребя усы, смотрел на севший перед домом аппарат из окна первого этажа. Взгляд буквально прикипел к почти метрового размера гербу на его борту. Ибо рисунок, выполненный в строгих канонах геральдики, ничем иным быть просто не мог. Но какой же странный это был герб. Имперский двуглавый коронованный орел на фоне каплевидного щита древнерусских витязей гордо вознес крылья к восходящему над ним солнцу. На груди алела пятиконечная звезда, а в когтистых лапах он уверенно сжимал серп и молот. По бокам орла в почетном карауле с вздернутыми прямыми мечами и небольшими круглыми щитами застыли бурый и белый медведи. Удивительная, даже невозможная композиция не просто противоречивых, а даже враждебных элементов, в тоже время была буквально пропитанной гармонией и согласием. Сталин невольно увидел перед собой образ России. Вечной, гордой и непобедимой. Той, которая вечна и незыблема во все времена, которая выше любых идеологий, политических разногласий и претензий. Ему даже на секунду захотелось, чтобы это был его герб, его страны, той империи, которую он давно строил в своих мечтах. Между тем гость коротко обсудив что-то с начальником охраны вождя, уже неторопливо двинулся к дому. Спокойное движение привлекало внимание своей удивительной пластикой. Такое впечатление, что Зорин перетекал над поверхностью единым слитным движением. Что-то похожее наблюдалось у некоторых наиболее опытных бойцов Осназа. Но в данном случае пластика была доведена до совершенства на принципиально ином уровне. Сталин даже дернулся, представив насколько опасен может быть такой человек. Да и человек ли? Но пора уже выходить, неудобно заставлять гостя ждать на пороге. Тем более, что ему уже донесли, странный и неожиданный союзник вновь поучаствовал в войне с немцами, освободив в Ровненской области за полчаса городок от занимавших ее частей сразу двух немецких танковых дивизий.

В виду хорошей погоды Сталин предложил провести встречу в беседке. Разумно, послушать никто не подслушает, но все на виду. Иван согласился, тем более, что разговор намечался долгий, зачем волновать охрану. Пусть смотрят, что с их любимым вождем ничего страшного не происходит. И все же Иван после взаимных обязательных приветствий решил немного для начала поёрничать.

— Товарищ Сталин, а можно организовать, чтобы кто-нибудь в меня выстрелил?

— Организовать можно все, что угодно. Вот только зачем Вам, товарищ Зорин, это

нужно?

— Понимаете, убить меня из имеющегося в арсенале Вашей охраны оружия, товарищ Сталин, все равно невозможно. Но пока люди в этом не убедятся, не поверят. Думаю, разговор у нас будет не очень короткий, боюсь, снайперы устанут. А зачем служивых людей попусту напрягать?

— А Вы видите здесь снайперов, товарищ Зорин?

— Не вижу, правильнее сказать чувствую. Один на чердаке, второй под кустом на поляне и еще трое в лесу на деревьях. Могу только сказать, что размещение очень грамотное. Беседку, прилегающую территорию и путь от нее до моего челнока контролируют полностью. Кроме них еще чувствую напряжение целой группы людей вон в том домике. Видимо, дежурная группа Осназа. Пусть все расслабят. Я Вам, товарищ Сталин, ничего плохого делать не собираюсь. А если бы хотел, что все эти предосторожности не помогли бы.

Сталин, пока Иван все это выдавал, медленно кивал головой в такт своим мыслям и буквально буравил собеседника взглядом. Ох и тяжел у вождя взгляд, стихийное владение пси и на довольно приличном уровне. Потрясающая харизма и воля. Это Ивану по барабану, он и в разы больше выдержит, а вот соратникам Сталина нелегко должно быть приходится. А уж про недругов и говорить страшно. Наконец прелюдия закончилась. Сталин накоротке переговорил с Власиком, которого подозвал, и после недолгого сопротивления последнего и короткого, но грозного рыка Сталина, положение немного разрядилось. Сосредоточенное на беседке внимание конечно же никуда не делось, но оно стало менее напряженным и настороженным.

— Не знаю, что Вы предпочитаете, товарищ Зорин, но рискну предложить Вам чаю.

— Чай это замечательно, товарищ Сталин.

— Скажите, Иван Степанович, это Ваше настоящее имя?

— Да, Иосиф Виссарионович, данное мне моими родителями.

— Так кто же Вы?

— Иосиф Виссарионович, я конечно расскажу, но прежде позвольте вопрос. Никогда не поверю, что Вы уже не составили себе каких-нибудь версий. Было бы крайне любопытно узнать, что Вы на мой счет сами придумали.

Сталин на несколько секунд сделал вид, что сосредоточен на размешивании ложечкой сахар в стакане, потом подняв лукавый взгляд на Ивана, спросил.

— А в каком году Вы родились, Иван Степанович? Или правильнее сказать родитесь?

Иван хоть и ожидал чего-то необычного, чуть не поперхнулся чаем. Потом отставил стакан и зааплодировал.

— Bravo, товарищ Сталин. По столь небольшому набору фактов сделать совершенно верные выводы, это сильно. Мое почтение. Что же, я родился в одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, как принято говорить, от рождества христового.

Сталин, ожидавший чего-то подобного, кивнул, но почти сразу же вновь вскинул на Ивана недоуменный взгляд.

— Если Ваш вид примерно соответствует Вашему возрасту, то сейчас Вам должно быть около тридцати. То есть прибыли Вы к нам из примерно двухтысячного года. Так?

— Мне чуть больше. Пятьдесят. А прибыл я сюда примерно из две тысячи семнадцатого, хотя с Земли убыл в пятнадцатом, потому, что там было дальше, не в курсе.

— Фантастика, это что же, у вас все так долго молодо выглядят? И извините, ничего не

понимаю. Убыли с Земли куда? И сразу же другой вопрос. Неужели всего за семьдесят пять лет техника и вооружение скакнули настолько далеко. В космос летаете как к себе домой. Современное оружие Вам в принципе повредить не может, как я понял из показанных Вами в Наркомате записей.

— Ваше удивление мне понятно и совершенно оправдано. Нет, увы, на современной мне Земле вся эта техника неизвестна и столь же далека от реализованных технологий, как и ваша. Кое-какой прогресс, разумеется, был. Самолеты на реактивной тяге. Ракеты, выводящие спутники и космонавтов на околоземную орбиту. В других областях кое-что. Например, всеобщая доступная связь без проводов и фактически из любого места. Все это есть. Но не более. Техника, которой обладаю я, не земная. Это производство древней галактической империи, погибшей почти пять тысяч лет назад. От нее же и мой молодого выглядящий вид. Как эта техника попала ко мне, это отдельная история. Если позволите, вкратце расскажу.

— Конечно. Звучит фантастически, но тем не менее я вижу и Вас и Вашу технику. А еще мне очень хочется узнать, что Вы за человек, Иван Степанович. Меня Вы по всей видимости знаете, хотелось бы немного уравнивать шансы. Так что рассказывайте.

Примерно час потребовался Ивану, чтобы изложить Сталину свою космическую одиссею. Тот слушал молча, очень внимательно. Было видно, что по ходу рассказа ему неоднократно хотелось задать уточняющие вопросы, но он сдерживался. Только иногда делал какие-то пометки в лежащем на столе блокноте. Пару раз вставал и начинал ходить по беседке, раскуривая свою знаменитую трубку. Наконец рассказ подошел к концу. Иван ждал кучу вопросов, но сразу их не последовало. Сталин предложил устроить небольшой перерыв на перекус и пройти на дачу. За столом разговор шел на совершенно нейтральные темы, из которых ни один даже очень внимательный слушатель не смог бы сделать каких-либо выводов или почерпнуть интересную информацию. Собственно это даже не столько разговор был, сколько монолог Сталина, рассказывавшего забавные истории из его революционной юности.

Содержательное общение продолжилось снова в беседке. И тут Иван понял, насколько Сталин был внимателен к различным деталям, прекрасно умея вычленять самое главное. А главным для него были причины, по которым погиб СССР. И это было понятно, техника, инопланетные цивилизации, разумные машины и прочие чудеса, это конечно интересно, но гибель государства, которое он строил и которому отдавал всего себя, стало куда более существенным ударом. Это стало его личной трагедией. Ведь в случившемся была и его доля вины. Впрочем, начал Сталин совершенно с другого. Кивнув на стоящую на поляне громаду челнока, он поинтересовался столь необычной эмблемой, украшавшей его борт.

— Скажите, Иван Степанович, как же Вам пришло в голову скрестить воедино имперского государственного орла с советской символикой. Вы производите впечатление разумного уравновешенного человека. И вдруг такой эпатаж. Ведь Вы не могли не понимать, какую реакцию это вызовет у нас. И тем не менее пошли на это. Что Вами двигало?

Смотря на слегка ироничное выражение лица Сталина, Иван прекрасно ощущал, что вопрос задан серьезный, Сталина действительно волновал вопрос, как Иван воспринимает и СССР, и его последовавший развал. То есть через внешне несерьезный вопрос о символике Сталин пробует выяснить его личное мировоззрение. Поскольку именно оно должно было подсказать ему, как в дальнейшем относиться к словам Ивана о прошлых для него и еще предстоящих для самого Сталина событиям. Любая оценка истории всегда личностна. В

зависимости от своего отношения к происходящему человек даже факты подбирает, вычлняя и них те, что укладываются в его видение, и по возможности обходя стороной все, что этому видению противоречит или не соответствует.

— Я не большой знаток символики, товарищ Сталин. Но для меня Родина это не пустое место и не пустой звук. Слишком долго и хорошо меня учили ей служить и ее защищать. А Родина это в первую очередь земля и люди ее населяющие, народ. Это первичные понятия. Любые формы его самоорганизации вторичны. И в то же время все они не случайны. Государственную символику, как атрибут самоорганизации общества и государства, множество людей волей-неволей начинают воспринимать либо свою, зачастую проводя знак равенства между Родиной и ею. И стоит по тем или иным причинам символике измениться, в обществе происходит раскол. Еще вчера единое, оно рвется на части, вызывая хаос и упадок. Вы же через все это прошли. Ужас Гражданской, когда отец воевал с сыном, брат с братом. У них у всех была одна Родина, но в зависимости от идеологии, они принялись ее делить и уничтожать. Если бы мы жили в вакууме, страшно, но не смертельно. Старые идеи умирают, им на смену приходит новые, более жизнеспособные. Жизнь, общество и страна развиваются. Но увы, мы живем не в вакууме. У любой страны есть природные враги и конкуренты. И любое внутреннее несогласие у нас они воспринимают как свою победу, радостно потирая руки и набивая карманы на страданиях нашего народа. Если Вы думаете, что все те, кто в Гражданскую войну сражался на стороне красных, молодцы и патриоты, а на стороне белых сплошь подлецы и негодяи, Вы глубоко заблуждаетесь. Впрочем, не думаю, что Вы лично этого не понимаете. И, как это всегда бывает в подобных катастрофах, лучшие гибнут. С обеих сторон. А различные приспособленцы и прощелыги, напротив, не только выживают, но и массово просачиваются на теплые властные места. Своей эмблемой я хотел сказать только одно. Под ней должны жить и сражаться те, для кого Россия, Родина превыше всего. И плевать, на какой стороне в прошлом, им довелось быть. Это символ объединения. Двуглавый орел смотрит в прошлое, тщательно сохраняя в памяти историю страны, ее победы и поражения, ее героев и предателей, ее друзей и врагов. И столь же уверенно он смотрит в будущее. Его тело едино, ибо настоящее возникает из прошлого, а будущее рождается из настоящего. Красная звезда или пентаграмма это древний оккультный символ, который символизирует человека с его пятью базовыми чувствами как инструментами познания мира. В зависимости от расположения сверху одной или двух вершин человеческий дух либо устремлен вверх к свету, либо вниз к тьме. Два пролетарских с виду предмета, которые СССР избрал своими символами, только для простого человека выглядят молотом кузнеца и серпом жнеца. Они намного древнее. Молот это молот Тора, древнего скандинавского бога, это символ смертоносного оружия, способного поражать всех врагов человека. И дается он в руки только самому достойному. Серп это символ времени еще более древнего бога Хроноса. Держащий его в руках властвует над временем. Это древние символы, энергетика которых действует вне зависимости от того, помнят о ней люди или нет. Впрочем и на более приземленном уровне мне получившийся символ нравится. Империя тружеников, а не господ и тунеядцев. Ну а медведи это совсем просто. Это же наш национальный символ, с которым страна ассоциируется во всем мире. Зверь в целом мирный, пока его не разозлить. Вот тогда остается только прятаться. Я вообще удивляюсь, как европейцы любят раз за разом наступать на одни и те же грабли. Вот кажется, получили в очередной раз по рогам так, что в своих законах должны первой строчкой прописывать: “Нельзя воевать с русскими”. Так нет же. Проходит пара поколений,

историческая память атрофируется и вновь лезут, чтобы снова получить по рогам. А теперь скажите, Иосиф Виссарионович, что из всего описанного Вам лично не нравится?

Такого вопроса Сталин, внимательно и задумчиво слушавший Ивана, явно не ожидал. И даже не сразу нашелся, что ответить, скрыв растерянность за улыбкой, относящейся к последним фразам про забывчивость европейцев. Но реакция у Сталина все же была отменной.

— В том, как Вы трактуете свой символ, мне лично все нравится. И Ваше отношение к Родине мне тоже очень импонирует. Вот только позволить себе именно так его трактовать, может только человек с Вашей стороны. Примерно такой, взявшийся из ниоткуда, как Вы. А для миллионов советских людей имперский орел жестко ассоциируется не с абстрактной империей тружеников, а как раз с полностью разложившейся царской Российской империей, которую они прекрасно помнят во все ее проявлениях. И они совершенно не желают возврата к старому. Вы правы, когда утверждаете, что на стороне наших противников в Гражданской были не только враги России и подлецы. И не все воевали за свои богатства, которые отошли народу. Но они все по факту стали предателями своего народа. А именно народ является истинным хозяином своей земли. Вот и получается, что защищая старые порядки и старую Россию, все сторонники Белого движения по факту стали предателями России. Предателями двух указанных Вами базовых составляющих Родины, с которыми я совершенно согласен. Самое интересное, что ничуть не меньшее неприятие этот символ вызвал бы и в рядах белой эмиграции. И по тем же самым причинам. Неготовы они видеть Россию вне рамок привычного миропорядка и государственного устройства.

Хорошо, я понял Вас, Иван Степанович, и Ваше отношение к миру, в том числе нашему. Не могу сказать, что со всем полностью согласен, но отношусь с уважением. Этаким российский патриотизм вне идеологии и политики. Кстати, а почему империя? Ведь это именно имперский символ, начиная от орла и заканчивая геральдическим построением всего образа.

— Вы правы, хотя если честно, этот вопрос меня несколько удивил. Вы, который вошел в память народа как “красный император”, должны знать на него ответ лучше, чем кто-либо. Но я отвечу. Россия слишком огромна, слишком многонациональна и многоукладна, чтобы суметь выжить в каком-либо ином качестве, нежели империя. Другое дело, что очень давно правящая династия Романовых утратила понимание того, что такое империя, а заодно и понимание своего долга перед ней. Императором нельзя называться, им только можно быть. У всего в жизни есть свое предназначение, пока оно выполняется, империя процветает. Как только долг передается забвению, жизнь и порядок рушатся. Император обязан править в интересах страны и всего народа. Аристократия, как бы она не называлась, обязана служить империи, защите от ее внешних и внутренних врагов и обеспечивать порядок. Купцы и промышленники должны обеспечивать экономическое процветание державы. А рабочие и крестьяне обеспечивать то же самое своим трудом. Крах Российской империи начался с того, что дворяне посчитали свой статус привилегированным и вечным, перестали служить, тем самым низведя купцов и крестьянство до низших сословий. А между тем их привилегия только одна, служить своей стране и первыми идти на смерть ради ее блага и процветания. Указ о вольности дворянства стал разрушительным документом, с которого начался коллапс империи. Тот порядок, что выстраиваете сегодня Вы, товарищ Сталин, это тоже империя. Купцы стали управленцами, дворяне стали партийно-государственной элитой, по сути той же аристократией. Рабочие и крестьяне остались в своей же роли, только восстановили

изначально равноправный статус.

Сталин не стал комментировать последнюю реплику или спорить с доводами Ивана, но было видно, что он принял сказанное весьма серьезно и даже сделал ряд пометок в блокноте.

— Давайте теперь поговорим о том, почему же все-таки погиб СССР и стало возможным реставрация капитализма? В чем мы ошиблись? Почему распалась наша, хм..., империя?

Вождь вновь не усидел на месте. Было заметно, что эта тема волнует его больше всего. Даже руки, вновь набивающие трубку, ощутимо подрагивали.

— Вопрос очень непростой, Иосиф Виссарионович. Я хоть и считаю себя неплохим даже профессиональным аналитиком, но всего лишь человек. И как любой, имею лишь субъективное мнение. Потому я на корабле, — Иван показал пальцем в небо, — снял ментограмму, это слепок моей памяти, хранящей все мои знания и факты о последующих событиях. У Древних имеется такая технология. Получилось несколько сборников материалов, рассортированных по темам. Думаю, Вам будет самому интересно ознакомиться именно с фактологией и сделать выводы самостоятельно. Вы позволите доставить из челнока один предмет? Я специально не стал брать его сразу, чтобы не смущать охрану.

— Конечно.

— Тогда попросите кого-нибудь подойти к открытому входу и принять планшет. Только пусть ничему не удивляются.

Сталин жестом подозвал Власика, наматывавшего круги неподалеку от беседки, и отдал распоряжение. Когда из челнока показался механизм, похожий на фантастическое насекомое, несущий в лапах какой-то небольшой предмет, вождю с трудом удалось сохранить спокойное выражение лица. Тем более, что ему рассказывали, что подобные же насекомые, только большие по размерам в несколько раз, сотворили с немецкими танковыми дивизиями. И увидеть их пусть и уменьшенную копию у себя на территории было не очень приятно. Власик тоже с трудом, но сдержал себя, забрал предмет у мигмом ускользнувшего внутрь механизма и, крутя его со всех сторон, явно пытаясь оценить опасность переданного предмета для охраняемого лидера государства, медленно понес его в беседке.

Иван потребовалось всего несколько минут, чтобы обучить Сталина обращаться с планшетом и показать ему, каким образом открывать те или иные материалы, названия которых в явной форме указывали на суть содержимого.

— Там, кстати, есть замечательный фильм о текущей войне. Даже цикл фильмов с общим названием “Освобождение”. Прекрасно снят и очень близко к реальным событиям. Уверен, Вам будет интересно. Хотя есть и более документальная информация.

— Спасибо, товарищ Зорин. — Сталин быстро пробежался взглядом по названиям файлов и уже примерно представлял, какое богатство попало к нему в руки. — Я обязательно тщательно со всем ознакомлюсь. Но сейчас мне бы очень хотелось услышать Вашу субъективную, — это слово Сталин отчетливо выделил голосом, — оценку всего произошедшего.

Хорошо, Иосиф Виссарионович, но не обессудьте, говорить буду прямо. Есть два момента, которые я мог бы выделить. Первый достаточно очевидный. В моем мире эта война пролилась почти четыре года. Немцы почти до Москвы дошли. И только в нашей стране

было по разным источникам от двадцати до двадцати восьми миллионов погибших.

Сталин разразился негромким, но очень эмоциональным ругательством на грузинском языке. А сам он даже побелел так, что Иван немного заволновался. Может не стоило так с плеча? Но Сталин не смог бы стать тем, кем стал, если бы не умел держать удары. Даже такие сильные.

— Двадцать восемь миллионов?

— Не менее двадцати точно. И это не все. За первые месяцы войны несколько сотен тысяч бойцов и командиров оказалось в плену. Фактически кадровая армия была разгромлена немцами. Плюс огромное число беженцев, не успевших вовремя покинуть зону боевых действий. Фашисты не щадили никого, даже детей. У них существовал так называемый генеральный план “Ост”, по которому большая часть славян должна была быть уничтожена под корень, а остальные в требуемом количестве превращены в рабов великой немецкой нации. Но я сейчас не об этом. Позже посмотрите все на планшете, как именно это протекало в моем мире.

— Обязательно посмотрю, но Вы все время говорите “в моем мире”. Получается, что этот мир не Ваш?

— Увы, какой-либо строгой теории времени не существует и в двадцать первом веке. Да и Джоре перемещение во времени не освоили, хотя теории разрабатывались. Но огромное количество подобных моментов рассмотрено в фантастической литературе, которая в будущем очень популярна. И основная масса авторов сходится на том, что попаданчество, этим словом обычно обозначается провал во времени, приводит к появлению развилки. Иначе объяснить, почему с началом изменений в прошлом попаданец не развоплощается, логично не удалось никому. То есть до того момента, пока я сюда не попал, Ваш и мой мир были одним миром. И даже мой провал и попадание на место древней битвы Джоре ничего не изменили, ведь для реальности Земли я еще не существовал. Но с того момента, как я вмешался в ход боевых действий, наши миры разделились. Теперь реальное будущее этого мира неизвестно. Но в то же время все имевшиеся в моем мире тенденции, силы и их действия сохраняются и в мире этом. Ведь люди, этого и моего мира остались теми же. С теми же устремлениями и амбициями. Они никуда не делись. Никуда не делась их логика. А ведь главные силы, по сути и стравившие в этой губительной войне Россию и Германию не только не пострадали, они получили гигантские прибыли, позволившие им в дальнейшем диктовать свою волю всему миру.

Сталин снова кивнул, по всей видимости, он думал примерно так же. Его лицо уже постепенно принимало привычный слегка землистый от извечной усталости, но все же относительно нормальный цвет.

— Хорошо, Иван Степанович, извините, я Вас перебил, продолжайте пожалуйста.

— Я уже говорил, что в любых войнах всегда гибнут самые лучшие, самые верные, преданные. Те, для кого позор, рабство или предательство хуже смерти. Конечно, к счастью, гибнут не все. Но все же процент подлецов и приспособленцев в обществе резко меняется не в лучшую сторону. Добавьте сюда к этому Гражданскую, закончившуюся всего двадцать лет назад, где наблюдалась аналогичная картина. А еще добавьте вал репрессий эпохи Ягоды и Ежова.

При этих словах Сталин ощутимо сморщился. Это уже был камень именно в его огород. А Иван, заметив реакцию, даже не счел нужным обойти этот острый момент. Напротив, усилил.

— Я прекрасно понимаю, что такое классовая борьба. Я понимаю, что такое поменять парадигму с немедленной мировой революции на построение социализма в отдельной стране. И чего это стоит. Но сколько нормальных людей под этим предлогом сгубили сволочи, облеченные властью, решая свои личные зачастую корыстные интересы. У этого квартира хороша, у того жена красавица, а кто-то такое желанное начальственное кресло занимает. А сколько погибло просто из-за своего непролетарского происхождения талантливых ученых, врачей, читателей, управленцев наконец? Сколько уничтожено талантливых командиров только потому, что они имели несчастье служить под командованием заговорщиков Тухачевского или учиться у них в академии? Сколько простых людей под шумок всех этих компаний попытались поймать рыбку в мутной воде и анонимками устранить своих личных недругов? В моем времени считалось, что только количество доносов всех видов от простых граждан помимо организованных компаний и преследований превысило четыре миллиона. Поймите, я не хочу ни Вас, ни кого другого огульно охаивать. Но лично для меня тот факт, что за весь период с четырнадцатого по сорок пятый год, был фактически выбит лучший генофонд русской нации, сомнению не подлежит. И во многом этот факт сыграл на руку тем, кто в итоге привел страну к развалу. К сожалению, то, что уже случилось, назад не вернуть. Но максимально сократить потери нашего народа в этой войне можно и нужно.

— Согласен с Вами полностью насчет минимизации потерь в этой войне. Особенно теперь, когда для этого благодаря Вам у нас есть все возможности. Мог бы поспорить с Вами относительно справедливости репрессий и того, в какой политической обстановке все это происходило, но не буду. Есть в Ваших словах и немало правды. А что по второму моменту?

— А вот здесь как ни странно это может прозвучать из моих уст после всего уже сказанного, сказала недоработка спецслужб, проворонивших скрытых троцкистов во властных структурах.

— Вы кого-то конкретного имеете в виду?

— Да того же Хрущева. Сначала из-за страха попасть под репрессии такого на Украине наворотил, что потом из-за страха разоблачения решил сам стать первым разоблачителем, пока никто не опередил. Забрался на вершину власти, обозвал период Вашего правления “культом личности”, свалил на Вас все репрессии, а сам в белом фраке.

— В чем?

— Это у нас анекдот такой был. Все в дерьме, а я в белом фраке.

— Значит, Никитка? — Многозначительно постучал по столу карандашом Сталин, — А еще кто?

— Сложный вопрос. И не одной приверженностью троцкизму объясним. Скорее на него все в мое время списали, ибо удобно. А суть куда проще. Всего человечество знает три принципиальных типа мотивации людей. Это страх, жадность и идея. Вот Вы лично управляете комбинацией идеи и страха, а жадность стараетесь держать в узде. Хотя на определенную тягу к барству среди партийно-хозяйственной номенклатуры глаза закрываете уже сейчас. Но хотя бы открыто не поощряете. При этом идея и верность ей для Вас ведущая мотивация, а страх вспомогательная. Пока Вы были живы, страх господствовал над всеми. Любого чиновника или партийного деятеля в любой момент могли призвать к ответу. А поскольку даже без выбивания признаний практически на любого можно было накопать немало, то страх был обязательным атрибутом, гарантировавшим лояльность и преданность. И люди устали бояться. Как только Вы умерли, следом почти тут же убили Берию, а дальше

все просто договорились. И решением Политбюро вывели всю высшую партийно-хозяйственную номенклатуру из-под надзора органов. Если не ошибаюсь, то уже с уровня горкомов проведение следственных мероприятий по номенклатуре было запрещено.

— Вот же сукины дети, — не сдержался Сталин. — простите, продолжайте.

— В итоге, потеряв страх, элита принялась радостно самоутверждаться в своем господском статусе и набивать карманы. Идея с какого-то момента превратилась в фикцию, служившую исключительно для удержания в узде народных масс. Ее главное место заняла жадность. Ну а жадность в итоге неизбежно привела к тому, что захотелось не просто распоряжаться народной собственностью, а стать ее реальными владельцами, как капиталисты на Западе. Разумеется, такие мечты нашли там всяческую поддержку и понимание. И все пришло к закономерному финалу.

— И что же, никто не возмутился и не воспротивился? Ведь были же в стране коммунисты.

— А кто мог воспротивиться? Власть и силовой ресурс в одних руках. А потом, люди ведь не дураки. Они же прекрасно видели, что вытворяет элита. А раз можно ей, то можно и всем остальным. Вот и принялись растаскивать по хатам все, до чего могли дотянуться и на что хватало полномочий. Плюс активно работала западная пропаганда. Там пошли на временные, но очень эффективные меры, завалив народы своих стран дешевыми и многолетними кредитами. Отчего материальный уровень населения резко скакнул вверх, этим стали бравировать и тыкать в нос нашему народу. Вот он и возжелал сто сортов колбасы вместо коммунизма и равенства. В общем посмотрите сами, все материалы есть. А коммунисты... Я когда-то прочитал в одной неплохой книге, что настоящие коммунисты закончились в тот момент, когда быть коммунистом перестало быть связанным с риском для жизни и стало привилегией. Собственно все произошло точно так же, как развалилась усилиями революционеров Российская империя. В тот момент, когда аристократия или иными словами элита перестает служить и быть готовой положить живот на алтарь отечества, а начинает воспринимать свой статус как право и привилегию, нормальная жизнь государства заканчивается. Иными словами когда полководцев военного времени сменяют лизоблюды мирного, здесь и наступает прелюдия к финалу. А человек слаб, очень ему хочется расслабиться и насладиться достигнутым. Пусть ненадолго, но почувствовать себя господином. Как там у Достоевского? “Тварь я дрожащая или право имею”. Вот и поимели. Вот Вы другой. После Вас, если не ошибаюсь осталась пара сапог и пара френчей плюс какие-то копейки на сберкнижке. Вы власть воспринимаете как право действовать во благо страны так, как Вы это благо понимаете. Но таких людей минимум. Подавляющему большинству людей требуется вполне зримые и материальные доказательства своего успеха. И ладно бы только это, но ничуть не менее важно, чтобы у них было пусть немногим, но больше, чем у соседа. Или если не получается больше и лучше, то пусть у соседа будет еще хуже. У нас даже анекдот такой был. Попадает некий персонаж к богу, а тот ему говорит: “Проси что хочешь, но имей в виду, соседу твоимудам вдвое.” Тот подумал-подумал и отвечает: “Господи, выколи мне один глаз”. Вот так вот, товарищ Сталин. И Вы уже в период Большой чистки с этим в полный рост столкнулись. Сколько, положив руку на сердце, из миллионов анонимных доносов яйца по сути выеденного не стоили? А? Но ведь все по этапу пошли. Правда большая часть доносчиков за ними следом отправилось, только это и утешает. У Вас ведь уже сейчас, если хорошо потрясти очень многих партийных деятелей или тех же чекистов, столько добра найдется в закромах, доставшегося в наследство от тех,

кого лично или опосредованно сгноили в лагерях, что еще один Днепрогэс воздвигнуть можно. А уж после войны что начнется. Ведь в том мире наша доблестная армия, освобождая Европу от фашизма, считай всю эту Европу домой и вывезла. Ладно там солдатские трофеи дело привычное и правильное. Но так ведь простым солдатам почти совсем и не досталось. Все отошло военачальникам. Тот же Жуков по слухам эшелонами из Германии добро вывозил. Да и это бы ладно. Жаль только, что большая часть настоящих людей, на плечах которых до этих трофеев и добрались, в земле осталась. А их родным в лучшем случае мизерная пенсия от государства. Да и то не всем.

На Сталина было больно смотреть. Он резко осунулся и даже внешне постарел. Где-то с минуту он хранил тягостное молчание. Очень давно с ним никто не смел так разговаривать. Не тоном. Иван как раз говорил достаточно тихо и спокойно. Но от этого впечатление было только сильнее. Из сталинского окружения очень давно никто не решался говорить с ним откровенно, без страха и заискиваний. А уж перечить. И вот сидит перед ним этот взявшийся из ниоткуда потомок и рубит правду-матку или то, что сам таковой считает. Страх ноль, заискиваний тоже. И ничего ему лично от товарища Сталина не надо. И ведь не враг. Возможно не такой уж и друг, но не враг точно. И он вдруг почувствовал, что ему это нравится. Нравится вот так запросто поговорить не как всеильный глава государства с подчиненным, а как просто человек с человеком. И не просто нравится, Сталин понял, насколько ему все последние годы этого не хватало. На мгновение показалось, что можно отставить все дела, устроить себе небольшой отпуск и просто вот сидеть и беседовать день за днем с интересным человеком. Обо всем на свете. Сколько интересного и нужного можно было бы почерпнуть из таких бесед. Да и просто отдохнуть душой от того гигантского пресса ответственности, который давит на него каждый день, каждую минуту. Но увы, не может себе товарищ Сталин позволить такой отпуск. Даже при том, что дела на фронте благодаря столь своевременному вмешательству потомка идут неплохо. Все равно не может. И даже предоставленную информацию придется изучать урывками, отрывая время от сна и отдыха. Наконец Сталин встряхнулся, видимо что-то для себя решив. Помечтал и хватит.

— Думаю, что с помощью Вашей информации мы найдем способы помешать такому развитию событий. Но информации очень много, думаю, мы с Вами еще не раз обо всем подробно побеседуем. А пока нам потребуется время, чтобы во всем разобраться. Но скажите, какие у Вас дальнейшие планы, помимо помощи в войне Советскому Союзу?

— Кстати, о войне и планах. Решать Вам, но думаю, имело бы смысл, выдворив немцев за границы территории СССР, остановиться. Понимаете, Иосиф Виссарионович, история моего мира, а в ней мы закончили войну в Берлине и по ее итогам отхватили под социалистический лагерь всю Восточную Европу, показала, что единственным реальным и надежным нашим союзником в итоге стала только наша часть Германии. А все эти условные братья-славяне, поляки, чехи, венгры, румыны и югославы только требовали помощь и постоянно вставляли палки в колеса. Даже восстания пару раз устраивали, один раз в Венгрии, второй в Чехословакии. Не уверен, что они так уж нам нужны для торжества социалистической идеи. В нее вообще никого не стоит загонять насильно и тем более помогать, отрывая необходимые ресурсы от собственного народа. В моем мире на поддержку социалистического выбора у, извините за прямоту, всевозможных папуасов были растрачены гигантские средства. И все без толку. Даже то, что было оформлено как кредиты, пришлось в итоге списать. Память у людей короткая, а у политиков тем более. Страны, не имеющие собственных геополитических амбиций, они как флюгер, всегда направлены в

сторону той силы, которую можно подоить в настоящий момент, даже ценой суверенитета. Лишь бы самим политикам было тепло, сыто и комфортно. Так что вся эта, прости господи, помощь от лукавого. Агитировать лучше всего не политикой, а личным примером. Собственным процветанием, силой и миролюбием. Чем лучше будет жить советский народ, чем более успешной будет его экономика, сильнее армия и прогрессивней наука, тем привлекательнее будет реальный пример социализма для всех народов. И это их задача заставить свои правительства сделать правильный выбор. А иначе мы СССР превратится в пугало для всего мира. Пример, который будет показывать, как жить нельзя. А вот с немцами, пожалуй, единственными, как это сейчас не покажется удивительным, стоило бы попробовать подружиться. Тем более, что они единственные, кто не станут нахлебниками, очень талантливый и трудолюбивый народ. Не без недостатков, но их недостатки отлично дополняются нашими национальными достоинствами. Как и наоборот. И поскольку сейчас, полагаю, удастся не доводить ситуацию до массовых зверств и ненависти, а свернуть их аферу быстро и решительно, то возможность для исправления ситуации и отношений в будущем останется. Разумеется, всю фашистскую верхушку придется уничтожить. Но тут я вполне могу поспособствовать. А Ваша задача будет найти в Германии вменяемых людей, способных создать новое, дружески настроенное к СССР правительство. И совсем необязательно социалистов или коммунистов. Хотя и сейчас строй в Германии это некая смесь из социализма и капитализма. И такая смесь для их нации очень естественна. Что же до моих планов...

— Не обижайтесь, товарищ Сталин, но я на Земле не останусь. Подарки, какие смогу, передам. Но сам полечу создавать собственную империю на какой-нибудь девственной планете. Есть у меня парочка таковых на примете. А Ваша империя, это Ваша забота.

Сталин немного помолчал, переваривая сказанное. Даже, чтобы выиграть время, снова принялся набивать трубку. Наконец, закурив, метнул быстрый взгляд на Ивана.

— Подарки это хорошо, это очень хорошо. Хм, Советский Союз Вам не подходит? Собственную империю, говорите?

— Не в том дело, что не подходит. Во многих областях то, чего удалось добиться СССР в моем мире, мне очень импонирует. Даже при всех оговоренных выше проблемах и минусах. Но у меня есть в голове свой собственный образ империи, который я хочу воплотить в жизнь. Очень многое будет похожем. Многое, но не все. Но это мелочи. Есть два серьезнейших момента, которые не позволят реализовать мои желания здесь. Во-первых, у любой империи может быть только один император. И здесь это место уже занято. Не усмехайтесь, товарищ Сталин. Я на побегушки не пойду, а уж Вы тем более. Но и это теоретически могло бы быть решаемым вопросом. А вот принципы построения моей империи на основе технологий Джоре здесь совершенно не применимы. Хотя бы потому, что во многом я вынужден придерживаться законов старой империи Джоре, которые прямо запрещают передачу технологий отсталым мирам. Да, не удивляйтесь, я даже как будущий император не всемогущ. Искины, на работе которых основаны все мои возможности, простоне дадут мне это сделать. Я оставил на планшете информацию в том числе и по империи Джоре и ее законам. Не все стоит использовать, но полезного очень много. Когда ознакомитесь, уверен, Вы начнете понимать меня гораздо лучше.

— Хорошо, товарищ Зорин. Давайте будем пока исходить из сказанного. Собственная империя дело хорошее, но нелегкое. А людей у Вас много? С кем Вы ее строить собираетесь?

— С людьми плохо. Я рассчитываю набрать их здесь, на Земле.

Сталин покивал, пыхтя дымом. Его предположение, что пришельцу все же кое-что от них требуется, подтверждалось.

— Значит хотите сманить у Советского Союза людей. Вроде тех, кого помогли спасти от преждевременной гибели? Или рассчитываете на другие страны?

— Нет, набирать буду только из русских. Кровь, как оказалось, имеет значение. Но не только в СССР. Мне и кое-кто из эмигрантов подойдет. Да и здесь было бы неплохо полагерям пройти. Далеко не все, кто там сидит, негодный народ. Вам они по идеологическим соображениям не подходят, а мне сгодятся. У меня хоть и жесткие, но иные критерии отбора.

— А как отбирать собирались, воровать? А лагеря брать штурмом? — Взгляд Сталина, хоть и пытался выглядеть ироничным, но стал жестким и злым, как у бойца.

— И сколько же людей Вам нужно?

— Нужно для начала тысяч двести-триста. Мог бы и своровать, дело не хитрое. И лагеря штурмом брать не надо. Один выстрел из станнера, и все спокойно спят сладким сном. Только ходи и отбирай тех, кто подходит.

— А если кто-то не захочет на другую планету?

— Так нет проблем, в любой точке земли высажу, кроме немного потраченного времени никто ничего не потеряет. Даже в компенсацию здоровье подправлю. Что я, людоед какой? Да и не рабы мне требуются, а сознательные и добровольные строители империи. Тем более, что с имеющейся техникой тупой примитивной работы не будет. Но не будет и халявщиков. Но это так, на крайний случай. Изначально хотелось бы договориться и сделать все цивилизованно. Потому на Вас так быстро и вышел.

— Значит договориться? Хорошо, мы подумаем. Давайте встретимся еще раз через несколько дней. Мне нужно во всем Вами сообщенном и переданном разобраться. Хоть вопросов и сейчас море, но не стоит все в одну кучу мешать. Можно будет встретиться здесь же. Есть какой-нибудь более простой способ с Вами связаться, чтобы второй раз товарища Зорина медалью не награждать?

Все-таки у Сталина было отличное чувство юмора.

— Да, в планшете есть на экране иконка. “Связь с Зориным” называется. Нажмете и соединитесь. Если я буду вне досягаемости, мне передадут при первой возможности. Или перезвоню, или Вы просто оставьте для меня сообщение, когда и куда прибыть.

— Договорились, товарищ Зорин. Мы с Вами обязательно свяжемся. Может быть, Вы нам и корабль свой покажете?

— В любой момент товарищ Сталин. Даже с женами познакомлю. Я бы Вам кроме корабля еще бы и станцию с удовольствием показал бы, вот где настоящие чудеса, но Вы ведь на перу дней не выберетесь.

— С женами? А ну да, Вы же говорили, что многоженец. — Напряженность, возникшая при обсуждении потребности в людях, ушла. Сталин снова повеселел.

— Так получилось, иначе было никак. Кстати, если рискнете прибыть на мой корабль, могу Вам и здоровье немного подправить. Лет на тридцать-сорок больше протянете. Глядишь, и успеете выстроить неубиваемую систему. Можете взять с собой кого захотите, но только тех, кого потом в Сибирь ради сохранения тайны прятать не придется.

— Подумаем, товарищ Зорин. И об этом мы тоже очень серьезно подумаем. Всего доброго.

Три дня Сталин почти не появлялся в Кремле. Разумеется, он был в курсе всех основных событий на фронте и в тылу и даже ежедневно устраивал разносы множеству ответственных товарищей по телефону. Но все основное время он тратил на изучение информации на планшете, с которым практически не расставался. Даже спал урывками по два-три часа. Сталин был приятно удивлен, насколько четко и структурировано была представлена информация по множеству тем. История мира, история СССР, основные направления развития науки и техники до первой декады следующего века, подробная карта залежей природных ископаемых на территории СССР, да и не только СССР. За последнее Сталин был готов в ноги Ивану поклониться. Нефть, газ, золото, алмазы, редкоземельные металлы, уран, полиметаллические руды и многое другое. Это миллиарды и миллиарды сэкономленных народных денег на поиск и освоение месторождений. И что еще более ценно, это годы и годы, не потраченные впустую. Столь же ценным было четкое изложение основных технологических прорывов в последующие десятилетия. И это тоже сэкономленные миллиарды, и даже больше, это пропуск в мировые технологические лидеры. Завсе это товарищу Зорину стоило в ноги поклониться и памятник при жизни поставить. А основные направления мировой политики и взаимоотношения государств? Сталин отнюдь не считал себя наивным, да и не был таковым, но даже его поразило иезуитское коварство сегодняшних названных союзников, и в какой-то мере восхитила их тайная стратегия по установлению мирового господства. Теперь ему будет гораздо проще противодействовать этим планам. А кое-что не грех будет взять и на вооружение и реализовать самому раньше, чем это сделают оппоненты.

Прочитал Сталин внимательно и о технологических особенностях древней цивилизации Джоре случайным наследником которых стал потомок. Все эти фантастические технологии базировались на внедрении в человеческий мозг хоть и биологических по природе, но искусственных образований, симбионтов. Только они и усвоенные с их помощью базы знаний позволяли управлять всех техникой и оборудованием. Теперь он гораздо лучше понимал слова Ивана о невозможности применения этих технологий в этом мире. Для этого пришлось бы как минимум объявить СССР вассалом империи Джоре. К такому Сталин был не готов. Да и к установке симбионтов при всей привлекательности открывающихся перспектив отнесся крайне настороженно. Он вообще был крайне недоверчивым человеком. При этом с прекрасным воображением. Сталин достаточно легко мог представить себе, что симбионт способен нести в себе не только возможности развития мозга и управления техникой, но и контроля человеческого сознания. Прекрасный метод контроля и управления, но лишь для того, что досконально знает обо всех свойствах симбионта и управляет процессом их производства, программирования и внедрения. Согласиться на такое, это согласиться на потенциальный статус управляемой пешки. Сталин сомневался даже в отношении возможности пройти курс медицинского оздоровления и омоложения на инопланетном медицинском оборудовании при всех несомненных плюсах, которые эта процедура в себе несла. Хотя он и понимал, что эту битву с искушением он скорее всего проиграет. Уж слишком привлекательным было получить лишние пару десятков лет жизни для реализации его планов. А после ознакомления с информацией на планшете этих планов стало гораздо больше. А перспективы вырисовывались намного ярче и четче. Да, он уверен,

что сможет теперь, полностью осознавая опасности перерождения советской элиты, не допустить такого развития событий. СССР не погибнет, став примером неудачного социального эксперимента. СССР, его СССР, победит в этой сложной, но справедливой борьбе. Уж если в том мире, понеся гигантские человеческие и материальные потери страна сумела добиться очень многого, то теперь она сможет добиться в десять раз больше. И это не будет страна за железным занавесом, как в том мире. Напротив, советский человек станет самым успешным, самым благополучным, в том числе и материально. А турист с советским паспортом станет самым желанным гостем в любой стране мира. Ну а с возможными нюансами вполне справятся компетентные органы НКВД. Или как там в мире Ивана, КГБ Сталин покатал на языке непривычное название. Комитет государственной безопасности. А что, неплохо звучит, солидно и вызывает уважение. Да и суть стоящих перед организацией задач отражает более полно.

Последнее, до чего добрался на планшете Сталин, были фильмы. Память у Ивана после столь своеобразного внедрения симбионта стала абсолютной. В итоге все фильмы, которые довелось ему смотреть в своей жизни, в результате процедуры ментоскопирования были переписаны на кристаллы и стали доступны для просмотра. А искины, немногоподкорректировав получившиеся информационные массивы и очистив их от ненужных шумов, смогли обеспечить вполне приемлемое качество этих образцов земного искусства. И уж совершенно точно для СССР начала 40-х годов эти фильмы стали недостижимой вершиной совершенства. Для начала Сталин просмотрел рекомендованную Иваном киноэпопею “Освобождение”, впечатлился и ужаснулся одновременно. Затем переключился на советские кинофильмы более позднего периода. Ему важно было понять, какой была жизнь в этой стране после его ухода. Как она менялась, какие думы волновали создателей фильмов, что они хотели донести до своих современников. Сталин и сейчас считал кино важнейшим ресурсом идеологической борьбы и культурного воспитания народа. А потому все фильмы смотрел очень пристрастно. И перед ним куда лучше, нежели из официальной документальной хроники, и политических материалов, изученных ранее, разворачивалась картина постепенного, но очень планомерного убийства первого в мире социалистического государства. И что очень ценно, это был взгляд изнутри, с позиции простых советских людей. Он видел, как постепенно, год за годом, менялось их мировоззрение. Как от мечтаний о покорении просторов космоса и научных открытиях люди все больше и больше замыкались в своем маленьком мирке материальных и бытовых проблем. Как все больше и больше ширилась пропасть между простым рабочим человеком и партийно-государственной верхушкой. Как на экране героев труда все больше сменяли герои-прощелыги, способные достать дефицитные товары, пробить себе льготы и так далее, одним словом умеющие “устроиться по жизни”. Особой болью резануло сердце, как воспринимали потомки его время и его личные усилия во главе государства. Какой изощренный ум мог настолько исказить действительность? Хотя он понимал и то, что не во всем потомки были не правы в своих жестоких оценках. Много допущено ошибок. И дорого они обошлись стране и народу. Но ведь было не только это. Ведь по сути все благополучие и спокойная уверенность в будущем, которая сквозила в людях до как минимум середины семидесятых годов, покоились именно на том, что создавали они сегодня. Как об этом можно было забыть? И тут же ловил себя на мысли о том, как они сами порой забывали все хорошее, что было до них еще в российской империи, выплескивая с водой из купели ребенка. Теперь он куда лучше понимал Ивана. Посмотрел Сталин и немало образчиков

продукции Голливуда. В них его тоже в первую очередь волновал все тот же вопрос. Как и почему простой человек на Западе почувствовал себя более счастливым, чем советский человек. И как ему показалось, он нашел ответ на этот вопрос. И теперь он знал, что и как ему делать. В этом мире все будет иначе.

Немало возникало у Сталина и вопросов, которые хотелось бы уточнить. Он даже один раз позвонил, если так можно выразиться, Ивану, чтобы их задать. В итоге получилось очень интересно. На планшете достаточно быстро появились новые файлы с ответами на заданные вопросы, а также еще одна иконка, позволявшая задавать новые вопросы в автоматическом режиме.

Все эти дни, пока Сталин знакомился с информацией, полученной от потомка, никто из прочих руководителей не смог к нему прорваться, несмотря на огромное желание. Своей отточенной в бесконечных аппаратных боях интуицией все руководители государства остро ощущали, что именно в эти дни решается очень многое. И может быть даже в их собственной судьбе. А те, кто был свидетелями появления незнакомца в Наркомате обороны, прекрасно осознавали причины отстраненности Сталина. Осознавали и отчаянно боялись. Первым к Сталину сумел пробиться Берия, которому разведка донесла о панике, разгорающейся в окружении Гитлера. Случилось это на четвертый день в Кремле.

— А ты почему такой лентяй, Лаврентий, — ошарашил Сталин всемогущего наркома, едва переступившего порог кабинета вождя. Отчего Берия чуть не споткнулся и застыл на полдороги к столу.

— Да ты проходи, проходи, присаживайся. И все же ответь. Вот знакомлюсь я с информацией нашего потомка и вижу. Лаврентий Павлович, лучший менеджер всех времен и народов. Отвечал за то, руководил этим, обеспечивал то, се, пятое, десятое. И ведь со всем блестяще справлялся. А что на деле?

Берия после этих слов немного расслабился, сразу бить не будут, да и тон Сталина был скорее веселым и даже задорным. Давно он Хозяина таким бодрым не видел.

— Расслабься Лаврентий, ничего плохого про тебя наш потомок не поведал. Очень даже уважительно он к тебе относится. Да и объективная информация из будущего говорит о том же. Одна у тебя беда. Не политик ты. Управленец и организатор замечательный. А вот с политикой у тебя плохо. Хлопнул тебя Хрущев почти сразу же после моей смерти. Вот такие пироги.

— Этот клоун?

— Клоун клоуном, только все это маской оказалось. А за этой маской такое пряталось, что мало никому не показалось. Впрочем, ладно, это не проблема. Я тебе потом дам со многим ознакомиться и подумаем, что нам теперь со всем этим делать.

— Значит, все же потомок из будущего. А год?

— Две тысячи пятнадцатый, хотя там история намного запутаннее и интереснее. Он к нам не сразу попал, он еще и с наследием древней галактической цивилизации столкнулся и каким-то чудом взял останки этой цивилизации под контроль. И теперь нам надо подумать, что со всем этим делать.

— Принудить его, как я понимаю, нереально?

— Нет, даже и думать о таком забудь, можем только все испортить. Он и так нам совершенно добровольно, не считая помощи на фронте, столько ценнейших подарков надавал, что теперь наша задача всем этим грамотно воспользоваться и не упустить свой шанс. Я за три дня, почти не спав, только бегло ознакомился с наиболее важной

информацией. А там ее целым институтам годами разгрести.

— А стоит ли доверять этой информации, товарищ Сталин?

— А на этот вопрос ты мне ответишь, Лаврентий Павлович. И изучать ее будешь здесь. Вон в той моей комнатке отдыха. Вот тебе планшет, смотри, как им пользоваться. Если раздастся звонок, носи планшет мне.

Теперь на пару дней в государстве фактически пропал Берия. Точнее его каждое утро видели входящим в кабинет Сталина, а глубоко ночью из него чуть ли не выползающим от усталости, но все дела Наркомата на эти дни был переадресованы заместителям. По Москве поползли слухи, один страшнее другого. Слишком много в государстве за последние дни стало происходить непонятного. Начиная от каким-то чудом стабилизировавшегося фронта и до странного поведения первых лиц государства.

— Ну вот, стал выглядеть, как нормальный руководитель в кризисный период. Землистый цвет лица, впалые щеки, красные от недосыпа глаза, — пошутил Сталин, когда Берия доложил, что с основным массивом информации ознакомился и готов к разговору. — Ну, готов ответить на свой собственный вопрос о достоверности информации?

— Готов, товарищ Сталин. Думаю, информация достоверная. И убедил меня в этом не только ее объем и разнообразие. Я просто не могу себе представить, сколько денег должна была бы стоить подобная мистификация и просто не вижу для нее достойных целей.

— Не только денег. Ты фильмы смотрел?

— Очень мало, надеялся сделать это позже.

— Понимаю. Но если бы ты их посмотрел, то понял бы, что сняты они в СССР, а актер в них тоже наши. И снять их так, чтобы мы не заметили, просто невозможно.

— Тогда будем исходить из того, что информация подлинная. А что товарищ Зорин попросил у нас за свои подарки? Нужно ему что-либо?

— Люди ему нужны. Он собрался осваивать новую планету, и для этого ему нужны люди. Сотни тысяч. Причем, скажу сразу, набирать он их хочет не только у нас, но и среди эмигрантов. Да и спецконтингентом наших лагерей интересовался.

— Люди, это интересно. Люди у нас в принципе есть. А новая планета это еще интереснее. Надо подумать, кого из моих выделить на такое дело.

— Ты, Лаврентий, губу особо не раскатывай. Есть у меня подозрение, что своих агентов мы туда не засунем. Надо поподробнее будет этого Зорина расспросить о методах подбора, что-то он на эту тему говорил. А что насчет спецконтингента?

— Поручу кому-нибудь еще раз прошерстить списки. Уголовники ему явно не нужны, значит имеет в виду политических. Ученых ему отдавать нельзя, мы их лучше в шарашках используем, а контру пусть забирает, нам же потом проще будет. А то один раз уже слиберальничали, а они после отсидки что устроили?

— Хорошо, только внимательно смотри.

— А что мы у него за людей попросим?

— А это предмет отдельного разговора. Он как раз на свой корабль приглашал с экскурсией. Вот съездим, посмотрим и побеседуем. Заодно и здоровье поправим. Ты как, Лаврентий, не против помолодеть немного и от болячек избавиться? Не мешают нам при таких перспективах пару десятков лет дополнительной активной жизни?

— Даже так? А не боитесь, товарищ Сталин, подвоха?

— Во-первых, товарищ Сталин ничего не боится. Во-вторых, товарищ Сталин не собирается устанавливать себе никаких симбионтов. Вот здесь риск имеется и немалый. А в-

третьих, если бы он нас со свету сжить хотел, давно бы это сделал. Знаешь, что он мне предложил так походя? Предложил ликвидировать всю фашистскую верхушку. И сделал это так, как будто это вообще не проблема. Предложил мне подумать о том, кто мог бы занять их место в Германии. И я почему-то уверен, что он с немцами это сделает, независимо от того, что я или ты по этому поводу думаем. Так что готовься очень оперативно к резкому изменению там обстановки. Таковую ситуацию нельзя прощелкать.

— О, дает! А ведь что ни говори, товарищ Сталин, а этот Зорин молодец. Он же за нас всю работу делает.

— Молодец-то он молодец. Но есть мнение, что нам бы с этим товарищем Зориным побыстрее все вопросы решить. И пусть отправляется свою империю где-нибудь подальше созидать. Уж больно он активный и совершенно неуправляемый. А если ему завтра взбредет в голову США уничтожить? Он их тоже любит немногим больше Гитлера. Видимо, стоит ему позвонить и напроситься на серьезный разговор.

В этот момент лежащий на столе Сталина планшет выдал короткий тренькающий звук. Сталин посмотрел на экран.

— О, легок на помине.

— Товарищ Сталин, приветствую, это Зорин. Можете уделить мне пару минут?

— Конечно, товарищ Зорин, здравствуйте. А мы как раз с Лаврентием Павловичем о Вас говорили.

— Надеюсь, не матом? Товарищ Сталин. У Вас найдется несколько надежных людей, которых можно было бы отправить в Швейцарию прямо сейчас. Вопрос весьма важный и срочный, они должны быть там уже завтра. Доставку беру на себя, за пару часов доброшу.

Сталин с кривой усмешкой посмотрел на Берия. Типа, что я тебе говорил.

— Люди-то найдутся. У Лаврентия Павловича люди на все случаи жизни имеются. А в чем проблема и почему такая срочность?

— Дело в том, что в Цюрихе сейчас находится с тайным визитом один из руководителей фашистской Германии Мартин Борман. По моей информации в его руках находятся все финансы Рейха, в том числе и примерно двести тонн золота, размещенные в хранилищах швейцарских банков. Думаю, Вы согласитесь, что такие средства смогли бы стать неплохой начальной компенсацией со стороны Германии за причиненный СССР ущерб.

— И Вы полагаете, что господин Борман вот так запросто захочет с ними расстаться? — В голосе Сталина звучала неприкрытая ирония. Зорин все больше производил на него впечатления какого-то безбашенного авантюриста.

— Ну что Вы, товарищ Сталин. В обычной ситуации он бы только посмеялся, и даже убедительные методы допроса специалистами товарища Берии не гарантировали бы результата. Но через пару дней может сложиться уникальная ситуация, при которой господин Борман сам добровольно и с большим удовольствием подпишет все необходимые бумаги на смену владельцев золотых депозитов. Да и сам Мартин Борман фигура крайне интересная и очень неоднозначная. Он может быть Вам очень полезен при определенных обстоятельствах.

— И что же это за ситуация, товарищ Зорин? И чем нам может быть так интересен господин Борман, кроме как распорядитель финансов Рейха?

— Не хотелось бы говорить об этом прямо сейчас, товарищ Сталин. Не из соображений безопасности, а, скажем, из-за суеверия. Чтобы не сглазить. Кстати, не хотели бы Вы с товарищем Берией послезавтра посетить мой корабль с неофициальным визитом? Там мы

бы как раз разрешили все вопросы, в том числе и этот. Обещаю, что без Вашего согласия, ничего предпринято не будет. Обещаю очень приятный сюрприз. Но ваши люди в Швейцарии должны быть к этому моменту на месте и в состоянии полной готовности. А инструкции Вы сможете передать им лично с борта моего корабля. Связью я их обеспечу. Что касается Бормана, то когда-то мне еще до начала моих приключений попала на глаза информация о том, что в тот день, когда Гитлер начал войну против СССР, Борман произнес некую загадочную фразу: “Все. Небытие победило бытие”. Есть основания полагать, что он активно выступал за союз СССР и Германии против Англии и США. Потом, если будет возможность, расскажу Вам о неких конспирологических теориях, существовавших в мое время, о том, что на протяжении всей человеческой истории идет тайная борьба двух типов цивилизаций, суши и океана. Или евразийской и атлантической. И судя по всему Борман относится к числу сторонников первой. В отличие от Гитлера, решившегося на союз с силами второй. Есть даже основания полагать, что Борман имел какие-то тайные связи с СССР, но с кем конкретно, не знаю.

Сталин удивленно посмотрел на Берия. Тот не менее удивленно отрицающее покачал головой.

— Хорошо, товарищ Зорин. Считайте, что заинтриговали. И мы, пожалуй, согласимся на Ваше приглашение. А когда Вам нужны люди и где?

— Замечательно. Тогда Вас я заберу, если Вы не против, в полдень послезавтра с Вашей дачи в Волынском, приземлюсь на том же месте. Можете взять с собой, кого посчитаете нужным, но прошу ограничиться десятком людей, чтобы все комфортно поместились в челноке. А то большему по размерам аппарату у вас будет трудно приземлиться, чтобы что-нибудь не поломать из строений. А что касается людей, то хотелось бы забрать их там же через несколько часов.

— Что скажете, товарищ Берия?

— Я думаю, товарищ Сталин, группа старшего майора НКВД Судоплатова прекрасно справится с любым заданием.

— Павел Анатольевич? — раздался из планшета голос Зорина, — этот точно справится. Прекрасный выбор. Лаврентий Павлович, человек пять достаточно. Желательно все со знанием немецкого. Пусть люди будут в штатских костюмах, чтобы не привлекать к себе внимания на улицах Цюриха. Оружие могут брать любое, но чтобы не таскать его открыто. Взрывчатка точно не понадобится. Рации тоже не нужны, связь предоставлю и гораздо более компактную. Ну и, разумеется, комплекты не вызывающих вопросов документов. Сколько Вам потребуется времени для решения всех вопросов, Лаврентий Павлович?

— Через шесть часов люди будут в Волынском. — Берия с вопросом в глазах посмотрел на Сталина и, дождавшись его кивка, продолжил. — Да, ровно в восемь часов они будут готовы и на месте. Какие от меня нужны инструкции?

— Пока никаких, товарищ Берия. Кроме готовности вылететь на необычном аппарате в Швейцарию, не задавать лишних вопросов, устроиться там в гостинице и ожидать распоряжений лично от товарища Сталина.

— Договорились, товарищ Зорин. У Вас все?

— Да, до встречи, Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович.

Связь прервалась. Два самых могущественных в СССР человека некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Ну что я тебе говорил, Лаврентий? Что ни день, то новая авантюра. Хотя и политес

старается соблюсти. Ишь как сказал, “ожидать распоряжений лично от товарища Сталина”. При этом пока даже не намекнул, какие именно распоряжения должен будет отдать товарищ Сталин. То же мне любитель сюрпризов. А вот товарищ Сталин сюрпризы и неожиданности очень не любит. Но в данном случае попробуем поиграть по его правилам. Тем более, что двести тонн золота, если это не блеф, действительно станут для нас хорошим подспорьем. Это же примерно двести миллионов долларов. Неплохой куш.

— Да уж. Лишь бы все то не оказалось дурацким розыгрышем. Хотя пока все действия Зорина были на удивление эффективны. Товарищ Сталин, разрешите идти, мне необходимо подготовить и проинструктировать людей, а времени крайне мало.

— Конечно, иди, Лаврентий. А я позвоню Власику, чтобы все на даче организовал.

Сталин на секунду затормозил перед опущенной аппарелью челнока, украдкой оглянулся на стоящих за ним членов немногочисленной делегации, затем решительно взошел на борт инопланетного аппарата, пожимая руку встречающему на входе Ивану. Сопровождало Сталина всего четверо человек. Вождь советского народа совершенно не собирався расширять количество посвященных сверх необходимости. Посему компанию Сталину составили только категорически настоявший на своем присутствии начальник личной его охраны Власик, пара дюжих бойцов этой же службы и, разумеется, Берия.

Отец народов, готовившийся стать в этой истории первым человеком, который сможет посмотреть на родную планету со стороны, волновался. Хотя и пытался скрыть это волнение за внимательным рассматриванием интерьеров челнока. Внутри аппарат практически ничем особенным не выделялся. Обстановка напоминала устройство самолета, только повышенной комфортности. Бросилось в глаза и полное отсутствие иллюминаторов. Широкие и очень толстые кресла с высокими спинками, обшитые кожей неведомого животного, достаточное, но мягкое освещение салона. Впереди проход в рубку, заполненную непонятными приборами, но тоже не слишком отличную от привычной кабины. Два кресла пилотов. Что удивило, это полное отсутствие рычагов управления и раздавшийся из ниоткуда голос.

— Приветствую Вас на борту, товарищ Сталин и все остальные товарищи. Прошу рассаживаться по креслам и не волноваться. Как только вы усядетесь, из спинок выдвинутся ремни фиксации. Это необходимая техника безопасности. Надеюсь, полет Вам понравится.

— Кто это говорил, товарищ Зорин. — Сталин, пытавшийся определить источник звука, обвел взглядом салон, но ничего не обнаружил.

— С Вами говорил искин этого челнока, мое имя Курьер, товарищ Сталин.

— Приятно познакомиться, Сталин. Это те самые разумные машины, о которых Вы говорили, товарищ Зорин?

— Да, товарищ Сталин, Курьер это именно так, хотя вопрос, можно ли называть искины машинами, спорный. Скорее это некие искусственные организмы, наделенные определенным подобием человеческого разума. Я потом передам Вам более подробную информацию по этой теме. Ну что, товарищи, поехали?

Поначалу полет Сталину ничем не запомнился. Смотреть было не на что. При старте навалилась небольшая тяжесть, что-то типа перегрузки, которую по разговорам испытывали летчики, но быстро прошла. Точнее, как пояснил Зорин, была полностью скомпенсирована механизмами кресел. Самое удивительно было в том, что сам Зорин не ушел в кабину, а остался в салоне вместе с гостями. На удивленный вопрос Сталина о том, кто же ведет челнок, ответил, что он и ведет, только управляет им с помощью искина через беспроводную связь, которую назвал мыслесвязью.

— Это нетто вроде передачи мыслей на расстояние от человека к человеку, только немного сложнее. Кстати, мы уже вышли за пределы атмосферы, не хотите посмотреть, как выглядит Земля из космоса?

— Хотелось бы, только не понятно, куда именно смотреть.

— Сейчас все будет, только прошу подготовиться и не удивляться. Сейчас стены челнока станут прозрачными, и вы все увидите. Не пугайтесь, эффект может оказаться поразительным, не хотелось бы начинать экскурсию с посещения медицинского отсека.

Поначалу Иван думал ошарашить гостей внезапным включением экранов, но потом решил, что лишние риски со здоровьем высших лиц СССР ему совершенно не нужны. А эффект и так был сумасшедший. Когда салон челнока буквально растворился в пространстве, став полностью невидимым, возникло ощущение, что кресла, плотно зафиксировавшие гостей, просто повисли в пустоте космоса. В этот момент у всех, даже у Сталина, несмотря на предупреждение сердце буквально ушло в пятки. Волнение выдавали и пальцы, до белизны вцепившиеся в подлокотники кресел, и странная смесь ужаса и восхищения на лицах. У Ивана даже мелькнула мысль зафиксировать это изображение и потом подарить Сталину в виде фотокартины. Вот только непонятно, как вождь, великий и неустрашимый, отнесется к такому подарку. Уж больно интересное у него сейчас выражение лица. Такое в кабинете не повесишь. Еще интереснее было наблюдать за парнями из охраны вождя. В эту службу набирались люди совершенно определенных качеств и характеристик, включая самое, что ни на есть пролетарское происхождение. И представьте себе молодых парней, которые и слова космос то наверное никогда в жизни не слышали, а до сих пор глубоко в душе подозревали, что где-то там на небе за облаками живет господь-бог в виде такого благообразного старичка. А уж побывать в космосе, это им и в страшном сне не снилось. Как впрочем и всем остальным присутствующим. И вот теперь эти по большому счету наивные пацаны с разинутыми ртами и каким-то детским восторгом крутили головами по сторонам. Не остался спокоен и Сталин, внимательно рассматривавший удаляющуюся планету, которая со стороны все больше напоминала, висящий в пустоте шар. Какая же она маленькая и хрупкая в бездонной черноте космоса, думал он. Мы тщимся в бесплодных попытках доказать друг другу свою крутизну и право властвовать, а на самом деле, мы меньше, чем песчинка в пустыне, чем капля в океане. На секунду показалось, что все, чему он посвятил свою жизнь, не стоит и выеденного яйца в сравнении с этим безмолвным величием. Но нет. Он все делает правильно. Человек рожден, чтобы повелевать и этими просторами, осваивать новые и новые миры. Вон Иван говорил о какой-то галактической цивилизации. Тогда его не слишком заинтересовал этот вопрос в виду его невеликой актуальности. Теперь же это и казалось самым важным. Если кто-то уже смог освоить сотни миров, смогут и советские люди. Пусть на это и потребуются годы и столетия. И его, Сталина, задача указать им эту великую цель. А Зорин своей нуждой в людях ему в этом поможет. Надо только правильно донести эту информацию до людей. Да и в международной политике грамотно использовать этот фактор. Все равно кучу странностей, произошедших на фронте, бесконечно долго скрывать не получится. Слишком много людей видели странные летательные, да и не только летательные аппараты. Вон немцы на Украине до сих пор в себя придти не могут после Острога. А асы Люфтваффе уже просто наотрез отказываются пересекать советскую границу. Как бы ни орал Гитлер, а финал известен заранее на сто процентов. Уже неделю, как ни один самолет не вернулся на базу.

— Прошу всех посмотреть вперед и немного направо. Сейчас чуть выше нас в этом секторе покажется корабль, несущий дежурство на орбите. Именно с него стартуют истребители, наводящие ужас на немецких летчиков и танкистов. Прошу любить и жаловать рейдер крейсерского класса “Викинг”. Корабль, с которого началась моя эпопея.

Все как по команде повернули головы, пытаясь что-то рассмотреть в полнейшей пустоте. Но вот на черном фоне появилась сначала маленькая звездочка, потом она превратилась в пятнышко, а еще чуть позже перед взором ошарашенных гостей предстал он. Монстр километровой длины, ошестившийся многочисленными стволами орудий и

турелей ПКО, произвел на всех колоссальное впечатление. А на его черном борту сиял огромный уже знакомый Сталину герб. Герб Новоросской империи. А ведь неплохое имя придумал Иван. Можно его очень даже неплохо использовать во внешнеполитических раскладах. Мысль в голове Сталина мелькнула и пропала. Все внимание было опять посвящено фантастическому кораблю, что сейчас медленно проплывал мимо челнока. А еще Сталин задумался, не сплупил ли он, взяв с собой лишних людей. В их преданности он ничуть не сомневался, но и лишние глаза все же лишние. Из размышлений его вывел вопрос Берии.

— Товарищ Зорин, это цель нашего визита?

— Нет, Лаврентий Павлович, на этом корабле конечно найдется место для нашей маленькой компании, но все же хотелось бы показать Вам нечто иное. А этот корабль можно будет посетить на обратном пути или позже, если возникнет такое желание. Эх, я бы Вам еще и станцию с удовольствием показал, вот уж где чудо из чудес космических технологий. Длина этого корабля всего девятьсот восемьдесят метров. А диаметр станции полторы тысячи километров. На ней даже свои поля, горы и леса с реками имеются. Только для посещения дня три бы надо, она за пределами Солнечной системы висит. Для этого пространства она вызывает слишком сильные гравитационные возмущения.

— Что ж, возможно мы и найдем необходимые три дня, товарищ Зорин. Хотя работы очень много, но мы постараемся. — Страсть Сталина к любой новой информации была столь же легендарной, как и его работоспособность.

— Было бы прекрасно, товарищ Сталин. Уверен, у меня найдется, чем Вас удивить.

— Куда уж больше, — почти про себя буркнул Берия, также разглядывающий уже удаляющийся корабль во все глаза. — а куда мы теперь?

— Теперь, товарищи, нас ждет Луна и мой флагманский корабль “Ковчег” на орбите с ее обратной стороны.

— А почему с обратной?

- “Ковчег” гораздо крупнее “Викинга”, шесть километров в диаметре, в отличие от рейдера на нем нет систем маскировки, для кораблей такого класса они малоэффективны, слишком большая масса, которую от детекторов не скроешь. “Викинг” с земли даже в самый сильный телескоп не увидишь, скрыт во всех возможных диапазонах сканирования, включая оптический. Это только наш челнок способен его рассмотреть с помощью спецтехники. А вот “Ковчег” таким образом не спрячешь. Стоит ему высунуться из-за Луны, как он засверкает в лучах Солнца больше, чем Венера.

Казалось гости уже исчерпали лимит на удивления, вдоволь насладившись видами как родной планеты, так и ее ближайшего спутника, вид которого с расстояния всего внесколько километров, хоть и выглядел безжизненным, но завораживал. И все же любое путешествие рано или поздно подходит к концу. Челнок, пробив невидимую силовую завесу приземлился в огромного размера ангаре, где стояло еще несколько сравнимого размерами с челнок аппаратов. Спустившись по аппарели, гости успели поудивляться отсутствию каких-либо створок, отсекавших внешний вакуум от корабля, как тут им предстало не менее удивительное зрелище. Их встречали две фантастической красоты женщины, облаченные в комбинезоны, лишь подчеркивающие женственность их фигур.

— Как и обещал, товарищ Сталин, представляю моих жен, Лия и Джил. Прошу любить и жаловать. Между прочим, последние живые представители древней цивилизации Джоре, которая на пике своего могущества населяла несколько сотен звездных систем в нашей

галактике.

— Очень рад познакомиться, ... милые дамы, — Сталин едва заметно запнулся, думая как ему обратиться к этим неземным красавицам. Впервые мелькнула мысль, что аморфное обращение “товарищ” в данном случае совершенно неуместно. Нет, все же было что-то в имперском этикете такое правильное. Сталин мысленно поставил в памяти отметку как-нибудь подумать на эту тему.

— А почему товарищ Зорин, Вы скрывали от нас до сих пор таких красавиц. Мне было бы очень приятно показать им нашу Москву и Кремль. Это упущение надо обязательно исправить. А то сами мотааетесь туда-сюда, а девушки скучают в одиночестве. — Сталин был сама любезность.

— Обязательно исправим, товарищ Сталин, только Вы зря обвиняете девушек в скуке. Между прочим на и личном счету немало уничтоженных фашистских танков и самолетов. А Джил лично вывезла из Брестской крепости более пятисот раненых героев и оказала им медицинскую помощь.

— Даже так, тогда мне вдвойне приятно видеть не только прекрасных дам, но и союзников по борьбе с общим врагом. А где сейчас спасенные люди?

Сейчас все уже находятся в полном здравии на этом корабле. Чуть позже, я попрошу Вас с ними встретиться и определить на дальнейшее место службы.

— Хорошо. Какой у Вас план, товарищ Зорин?

— План предлагаю такой. Сейчас Лия и Джил проведут с товарищем Власиком и бойцами небольшую экскурсию по кораблю, а я хотел бы Вам с товарищем Берией предьявить обещанный сюрприз, после чего можно будет присоединиться к остальным или обстоятельно побеседовать.

Сталин на секунду задумался, но потом решительно пресек возражения Власика и согласился с предложением.

— Ну что же, показывайте Ваш сюрприз, товарищ Зорин.

— Для этого пройдем в рубку, товарищ Берия, Вы с нами. А Вас, товарищ генерал, — Иван обратился к насупившемуся Власику, прошу не обижаться. Все, что будет необходимо, товарищ Сталин до Вас доведет, а за его безопасность, раз уж он решился на эту поездку, можете не переживать.

Сюрприз оказался Сюрпризом с большой буквы. Именно так. В этот самый момент, когда Сталин и Берия, увлеченно задавая множество вопросов, изучали рубку “Ковчега” и общались с отвечающим на эти вопросы Арием, представшим перед гостями в виде голограммы, облаченной в парадную офицерскую форму Империи, Гитлер проводил в своей резиденции и главной ставке “Вольфшанце” в Восточной Пруссии расширенное совещание, на котором присутствовали практически все высшие руководители Германии, НСДАП и Вермахта, кроме пребывавшего в Цюрихе Бормана. Совещание было посвящено неожиданным изменениям в положении на фронтах и массовой гибели немецкой бронетехники и авиации. Германию и все ее руководство лихорадило уже несколько дней, и Гитлер давно порывался собрать всех у себя, но решил дожидаться главных свидетелей начала катастрофы Гудериана и Гота, которым из-за проблем с техникой пришлось добираться от Минска чуть ли не на перекладных. Наконец все были в сборе и стояли навтыжку перед фюрером, отчаянно потея от страха. А фюрер, прекрасно ощущая этот животный ужас, исходивший от генералов и товарищей по партии, буквально питался им и все больше и больше ударялся в истерику.

— А позвольте узнать, товарищ Зорин, откуда Вам стала известна эта наверняка совершенно секретная информация? — Поинтересовался как обычно въедливый нарком, поблескивая знаменитым пенсне.

— Так ведь это у Вас, товарищ Берия, связь все больше по проводам. А у немцев почти все общение построено на радио. Уж слишком они уверовали в надежность своих шифров. И не могут, бедняги, догадаться, что моим искинам все их шифры на один зуб.

Нарком, удовлетворенный ответом, кивнул.

— Не поделитесь?

— Почему бы и не поделиться? — пожал плечами Иван.

— Вот только много ли ценности будет в этих шифрах, если мы все фашистское руководство сейчас на ноль помножим?

Незнакомое выражение не вызвало дополнительных вопросов. Интуитивно все понятно. Умноженное на ноль дает ноль, чем бы до этого ни было. Идея одним ударом расправиться со всей верхушкой ненавистного Рейха пришлась Сталину по душе. И уж тем более привлекательным показалась ему возможность лично нанести этот удар. Точнее удар наносился автоматически с рейдера “Викинг” роем ракет, предназначенных для уничтожения планетарных систем обороны. Но и право отдать непосредственный приказ о нанесении такого удара, который гарантированно оставит от “Волчьего логова” одну огромную воронку, дорого стоил. Это казалось Сталину важнейшим символическим актом, лично покарать коварного врага, обрушившегося на его страну без объявления войны. А тем более, что имелась возможность и лично проследить за нанесением удара и увидеть его последствия собственными глазами. После согласования некоторых деталей и уточнения подробностей Сталин встал по стойке смирно и медленно, но торжественно произнес.

— Капитан Роб, как глава союзных вам сил и с согласия Вашего руководителя приказываю нанести удар по главной ставке Третьего рейха “Вольфшанце” по известным Вам координатам. Приказ привести в исполнение немедленно.

В рубке на мгновение повисла тишина. Рядом со Сталиным, также вытянувшись в струнку, стоял Берия. Исторический как-никак момент.

— Приказ принят и приведен в исполнение, — раздался голос управляющего искина “Викинга”.

Рубка погрузилась в сумрак, а перед стоящими возник объемный голографический экран, наподобие того, что Иван демонстрировал в Наркомате. Только на этот раз он был в разы больше по размеру. Удивительной четкости картинка создавала полнейшее ощущение присутствия. Сначала камеры зафиксировали выстрел с борта рейдера целого роя ракет, устремившихся к Земле. Потом изображение переключилось на камеру, установленную на одной из ракет. Вместе с ней зрители стремительно прорывались к поверхности. Туда, где в данный момент находился главный враг всего советского народа. А возможно и всего человечества. Когда до земли оставались считанные километры, изображение снова переключилось. Теперь трансляция шла с борта одной из “Ос”, специально направленной в этот район для фиксации результатов. Вот крупным планом показалась резиденция Гитлера. Изображение было настолько четким и детальным, что можно было увидеть даже многочисленную охрану объекта и стоявшие перед главным входом многочисленные “Хорьхи” и “Майбахи”. Никакой суеты, четкий немецкий ордунг. А сверху на всю эту спокойную картину с огромной скоростью падала смерть. Мгновение, мелькнувшие на миг стрелы врезаются в землю и за счет инерции уходят на глубину, а потом раздается взрыв.

Изображение, чтобы охватить всю картину происходящего, рывком отодвигается подальше, перед глазами зрителей встает огромный огненный шар, устремляющийся в небо, а за ним, подхваченные безумной энергией, вверху устремляются тонны и тонны породы, кусков бетона и арматуры считавшегося ранее неприступным подземного комплекса.

— Ну вот и все, дело сделано. Товарищ Сталин, разрешите Вас поздравить с победой. Еще предстоит очистить русскую землю от остатков вражеских орд, но это уже зачистка.

Сталин повернул к Ивану взволнованное лицо.

— Вы даже не представляете, товарищ Зорин, что Вы сделали для всего советского народа. И для меня лично. Большого подарка быть не может.

— Это еще не подарок, это обещанный сюрприз. О подарках мы поговорим позже. Да и сделал я это не только для СССР. Я это сделал для себя в первую очередь. Это ведь и мой народ, моя страна, моя Родина.

— Очень хорошо, что Вы, товарищ Зорин, не отделяете себя от всего советского народа. Это правильно.

— Товарищ Сталин. Думаю, самое время связаться с Цюрихом и дать необходимые распоряжения товарищу Судоплатову. У Павла Анатольевича есть прекрасная возможность сделать господину Борману предложение, от которого он не сможет отказаться. У нас пока монополия на информацию о произошедшем. В Берлине все станет известно не раньше, чем через несколько часов.

— Интересное выражение, но Вы правы. Не будем терять времени.

Неизвестно, что подумал Судоплатов, когда над небольшой коробочкой, переданной ему при отправке Зориным, и которую он гипнотизировал взглядом уже второй час, возникла фигура Сталина. Но сам Сталин впечатлился, когда перед ним появилась голограмма Судоплатова на фоне интерьеров цюрихского отеля. Впрочем Павел Анатольевич славился своей сдержанностью, потому лишь слегка дернулись брови, отметив фигуры Зорина и Берии на заднем плане и необычное помещение, в котором находились все трое. Да и не самым удивительным это было во всей странной истории, в результате которой он всего за пару часов совершенно незамеченным перенесся из Москвы в Цюрих. И никаких пограничников или таможни. Опытный разведчик и диверсант на секунду представил себе возможности своей службы, оснащенной таким шпионским транспортом. Задача, поставленная вождем, вопросов не вызвала. Судоплатов уже догадывался, что она будет связана с Борманом. Зорин заранее посоветовал приглядеться и подумать о подходах и способах нелетальной нейтрализации сопровождения. Куда больше ошарашила информации об уничтожении “Волчьего логова” и всей фашистской верхушки. Вот когда эмоции захлестнули. А задача обычная. Взять и поговорить доверительно, не оставляя шансов отказаться от предложения. Хотя обычно задача ставилась руководством несколько иначе, отпустить так сказать грехи, но можно и поговорить.

Когда связь с Цюрихом прервалась, Иван предложил Сталину и Берии, пока есть несколько часов до следующего сеанса, пройти медицинское обследование и немного поправить здоровье. Узнав, что сейчас как раз заканчиваются аналогичные процедуры у Власика, оба выразили заинтересованность. Медицинский отсек поразил своими размерами. Сотни капсул застыли в готовности принять своих пациентов. И лишь около одной, отгороженной от остального помещения передвижной ширмой, о чем-то спокойно беседовали девушки и оба охранника. Выяснилось. Что оба они прошли процедуры первыми и сейчас ощущали мир гораздо ярче, как в детстве. Легкость такая, что хотелось просто

летать. Правда ничего серьезного у обоих по части здоровья не наблюдалась. Некоторые проблемы с желудком, наследие голодного детства и юности, пара старых переломов и шрамы. Последние полностью рассосались. В общем вид обоихлучился здоровьем и довольством. Наконец, Джил, посмотрев на какой-то прибор в руке, сказала что товарищВласик уже процедуры закончил, сейчас оденется и выйдет. За ширмой послышались звуки двигающегося человека, и наконец генерал предстал публике во всей красе. Если у охраны внешних изменений почти не ощущалось, то Власик, казалось, сбросил лет десять. Будучи внешне крепким мужиком, за последние годы он постепенно стал обрастать дурным мясом. Черты лица смазались, начала появляться одышка. Сейчас же на Сталина смотрел молодой Власик, только недавно приступивший к исполнению обязанностей главного охранника вождя. Причем, сам он похоже этого еще не осознавал, лишь прислушивался к внутренним ощущениям и удивлялся столь прекрасному самочувствию.

— Это чудо какое-то, — негромко проговорил Сталин.

— Рискнете, Иосиф Виссарионович? — с веселой улыбкой спросил Иван.

— А, была — не была, давай. Рассказывай, что делать надо. И Лаврентия тоже, нам его работоспособность еще очень понадобится. Только это, Иван Степанович, мне бы внешне не слишком сильно молодеть. А то подумают, что Сталина подменили.

— Хорошо, Джил займись. Отдаю Вас товарищи в надежные женские руки. Увидимся через пару часов. Товарищ Власик, Вы пойдете или здесь с бойцами ждать будете?

— Лучше здесь.

Тогда позже увидимся.

Через два часа на том же месте Иван выслушивал эмоциональные возгласы подлеченного советского руководства. Даже Сталин не смог сохранить привычный суровый вид был необычно оживлен. А уж когда Берия пожаловался, что чувствует себя замечательно, но почему-то стал хуже видеть, раздался такой хохот, что от стен отражалось эхо. Даже охрана ржала в полный голос.

— А ты, Лаврентий, пенсне сними, теперь тебе без него лучше. Вот только весь мир привык бояться человека в пенсне, как же ты теперь без своего грозного имиджа, — хохотал Сталин.

Берия быстро разобрался в чем дело и радостно присоединился ко всеобщему веселью.

— А я себе с обычными стеклами закажу. И буду одевать только, когда кого-нибудь напугать надо. Пусть помнят. И вообще, чего смеетесь? Когда полжизни эту штуку потаскаешь, она на нос сама автоматически простится первым делом.

Потом был обед, во время которого все постоянно удивлялись, как из пищевого синтезатора выползают совершенно различные блюда и напитки. А кто их готовит? Еще позже отчитался о выполнении задания Судоплатов. Золото уже переведено на правильные счета, подконтрольные структурам НКВД, а Борман быстрее собственного визга унесся в Берлин занимать власть. Наконец наступил момент для серьезного разговора. Отправив Власика и охрану отдохнуть, а девушек заниматься собственными делами, Иван, Сталин и Берия уселись в удобные кресла в кабинете Ивановых апартаментов и, потягивая натуральный инопланетный коньяк пятитысячелетней выдержки, приступили к главным вопросам, волновавшим обе стороны. Тон сразу задал Иван.

— Товарищ Сталин, не обижайтесь, но хочу Вас предупредить. Не стоит пытаться меня убить или взять под контроль каким-либо способом. Говорю откровенно, не получится. А

если даже вдруг каким-то чудом удастся, то результат Вас совсем не обрадует.

— Вы на самом деле считаете нас настолько неблагодарными, что предполагаете такое развитие событий?

— Иосиф Виссарионович. Я прежде всего считаю Вас руководителем одного из крупнейших государств планеты. А себя в этом ключе неким внезапно возникшим геополитическим фактором. Я могу быть Вам лично глубоко симпатичным. Вы можете быть мне безмерно благодарны за фашистов и Гитлера. Но после всего увиденного, Вы не можете не считать меня потенциально опасным. А раз так, то не можете не думать о возможности эту опасность контролировать. Потому и предупреждаю. Причем, я Вас прекрасно понимаю и совершенно не собираюсь по этому поводу возмущаться. Но одновременно уничтожить меня и корабль у Вас не получится в любом случае. А что может быть в итоге ответного удара, а он обязательно последует, Вы уже видели. Так что давайте просто исходить из этого.

— Мы понимаем Вас, товарищ Зорин, — переглянувшись с Берией, ответил Сталин.

— И наверное Вы правы, говоря о том, что Вы это геополитический фактор. Но пока Вы проявляли только дружеские чувства к Советскому Союзу и мы очень рассчитываем, что так оно и останется впредь.

Посмотрел пристальным взглядом на Ивана, и дождавшись подтверждающего кивка, Сталин продолжил.

— По тому, о чем мы говорили в прошлый раз. Мы в целом не против. Вот только я пока не представляю себе, как нам решить тот вопрос, что Вы перед нами поставили, насчет людей и при этом сохранить необходимый уровень секретности.

— А зачем его собственно сохранять? Посмотрите на все под другим углом зрения. Мы уже достаточно на шумели и показали диковинок, чтобы об этом в голос кричал весь мир, задаваясь вопросом, что это такое. Вот и объявим им о прилете посольства инопланетной империи, которое выступило на стороне СССР, считая его борьбу справедливой. И вообще, хоть мы это империя, но империя справедливости для всех ее граждан, а потому нашим критериям о разумности отвечает только и исключительно Советский союз, а остальные со своим диким капитализмом выглядят как папуасы. Потому дипломатические отношения империя согласна установить только с СССР.

Сталин посмотрел подозрительно на начавшего по ходу реплики Ивана тихонько хихикать, а потом захохотал сам.

— Вот же умеете Вы, Иван Степанович, рассмешить на ровном месте. И ведь такой вариант вполне может сработать. Скажите, а Вы на самом деле нашли новые планеты для освоения?

— Да. Пока мы тут воевали, автоматические разведчики со станции провели картографирование и обследование нескольких десятков звездных систем вокруг Солнечной. В направлении Содружества, о котором я Вам давал информацию, варианты не очень интересные, рано или поздно там может оказаться их фронт. А вот в противоположном направлении имеется сразу несколько интересных вариантов. Три планеты вообще класса А0, это высший класс, хоть прямо сейчас бери и заселяй. Пригодная кислородная атмосфера, нормальная гравитация, отсутствие сверхопасных флоры и фауны. И самое главное, отсутствие местных цивилизаций. Есть еще шесть планет класса от А1 до А4 и более десятка класса В, то есть потенциально пригодных для жизни, но требующих предварительного терраформирования. Если хотите, могу показать картинки.

— Было бы замечательно.

— Смотрите. На головизоре на стене возникло изображение планеты. Она была одновременно похожа и не похожа на Землю. Если из космоса родина человечества смотрелась в голубых тонах, то здесь насыщенность синего цвета была больше раза в два. Тем не менее прозрачная атмосфера позволяла рассмотреть на поверхности два гигантских континента, расположенных практически напротив друг друга в разных полушариях. В отличие от Земли материка существенно не доставали до полюсов, располагаясь самойширокой своей частью в экваториальных и тропических зонах.

— Это Гея, так я решил ее назвать. А вот, смотрите, планета, с которой начнется моя империя. Она будет называться Рось. На экране появилось другое изображение. Эта планета имела нежные зеленоватые тона. Особо крупных материков не было, но имелось шесть среднего размера и множество более мелких островов, рассыпанных в изумрудном океане, омывавшем всю планету.

— Красотища, — не удержался от выражения восторга Берия. — Скажите, товарищ Зорин, а при каких условиях Вы могли бы предоставить Советскому Союзу права на одну из найденных планет?

Даже Сталин удивился наглости своего наркома, впрочем, его вполне устраивало, что задал его не он сам, хотя он же крутился у него на языке.

Иван улыбнулся.

— Вы же понимаете, что ни я не стану Вашим подчиненным, ни Вы мне власть над СССР не передадите. Да я, признаться, этого бы и не хотел. Если честно, мне чертовски интересно, что у вас может получиться, когда впереди у вас пара лишних десятков жизни и вы наперед знаете все ошибки, которые могли бы совершить. Но все это не отменяет другой возможности. Не вижу причин, почему бы нам не быть союзными державами. Технологии я вам передать не могу. Да и для управления любым оборудованием требуются симбионты и базы знаний. А они будут устанавливаться только гражданам моей будущей империи. Но на Земле вполне может функционировать имперское посольство, сотрудники которой будут иногда оказывать союзнику посильную помощь в развитии некоторых незапрещенных технологий и производств. А СССР будет не в ущерб собственному развитию поставщиком кадров для моей империи.

— Вы предлагаете нам торговать собственным народом? — Голос Сталина аж зазвенел от негодования.

— Почему торговать? Я вообще против чисто коммерческих отношений. Ты мне, я тебе, это только на первый взгляд кажется интересным. Я уже говорил, я не рабовладелец и рабы мне не требуются. Мне нужны добровольные и сознательные граждане. Причем. Не любые, а именно из народов нашей страны. Именно наши народы, в первую очередь русский народ, хотя не единственные, а как одна из основных ветвей арийских народов, являются потомками Древней цивилизации Сеятелей, которая, кстати, породила и цивилизацию Джоре, достижениями которой я сейчас распоряжаюсь. Да и Содружество с их несколькими расами тоже не взялось из ниоткуда, а образовалось из останков цивилизации тех же Джоре. Так что я бы не рассматривал этот вопрос как торговлю, но как взаимную помощь. Тем более я готов брать тех, кто для сегодняшнего СССР является только обременением. Меня интересуют сироты, инвалиды, старики, одинокие женщины. Сами видели, проблем с оздоровлением и омоложением у меня нет. Что плохого, что эти люди, по сути выключенные из нормальной жизни, обретут второй шанс. Вам хорошо, им хорошо, мне

хорошо. Сразу предупреждаю, что возьму не всех, нужны тесты. Но инвалидов, которые согласятся пройти тест, вылечу всех и совершенно бесплатно. Конечно, я и от молодых не откажусь. К тому же имейте в виду, что Земля очень быстро движется к перенаселению. Сейчас это пока ни для кого не очевидно. Население составляет примерно два с половиной миллиарда. Но уже в 74-м году оно достигнет четырех миллиардов, к концу века шести. А к середине следующего наступит коллапс. Мы же вместе вполне можем всего этого избежать. Конечно, СССР имеет огромную территорию, шестую часть суши. Но если выкинуть и рассмотреть пустыни, горы, и области вечной мерзлоты, проживание на которых вряд ли можно назвать комфортным, то останется не так много. Сейчас население СССР составляет чуть меньше двухсот миллионов человек. Демографической ямы, возникшей из-за войны в моем мире, мы избежали. Текущие потери не так велики, да еще по договоренности скоро вернутся из Германии несколько сотен тысяч пленных. Так что к концу века смело можно прогнозировать миллионов пятьсот, а то и больше. Даже для огромного СССР это слишком много. Я же предлагаю гарантированный выход из проблем. Вполне допускаю, что можно договориться в недалеком будущем и о выделении СССР еще одной планеты. Только Вы должны понимать, что все транспортное сообщение будет осуществляться моими людьми.

— Такая постановка вопроса приемлема. Даже более чем. — Сталин умел быстро ориентироваться и принимать решение.

— А скажите, в чем заключаются эти Ваши тесты?

— Мечтаете, товарищ Берия, окружить меня своими агентами? Не выйдет. Да смеюсь я, не надо напрягаться. Хотя в каждой шутке, сами знаете. А тесты двух видов. Первый это ФПИ — оценка физико-психо-интеллектуальных характеристик. Второй, это ментоскопирование. Я должен быть уверен, что в прошлом человек не совершил никаких преступлений, не совместимых со статусом гражданина империи. Да и его морально-нравственный облик меня волнует. А вот идеологические пристрастия или классовое происхождение не волнуют в принципе. Почему и говорил товарищу Сталину про возможность набора добровольцев в том числе и из числа лагерного спецконтингента.

— Хорошо, товарищ Зорин, мы Вас услышали. Есть мнение, что мы найдем точки взаимного интереса к обоюдному удовольствию. Тем более, что вариант с посольством и дружбой между нашими государствами, нам нравится. Возможно, несколько неудобно говорить об этом после всего, что Вы уже для нас сделали, но на что по Вашему мнению может рассчитывать СССР в результате нашего сотрудничества.

— Вполне даже удобно, товарищ Сталин. Тем более, что я сам обещал подарки. Мое предложение следующее. Мы поможем восстановить все, разрушенное войной. Для этого у нас имеются очень хорошие строительные технологии. Мы поместим в посольстве помимо сотрудников полностью разумный искин, которому будет поручено оказывать ученым СССР максимальную помощь в любых сложных расчетах. Новые технологии или знания он не передаст, но по всем вашим открытиям и теории окажет посильную помощь, включая указание на возможные ошибки и проблемы. Полагаю, это ускорит путь научного познания в несколько раз. Далее в посольстве будет размещен медицинский комплекс, который будет спасать жизни людям, имеющим для страны большое значение. Но при этом искину будет дано право отказывать в лечении, если больной будет подлецом или преступником.

— Какое-то неоднозначное понятие.

— Не волнуйтесь, я уже говорил, искин это полностью разумная личность. Он вполне

способен отличить вынужденное насилие, совершаемое для блага общества и из высоких побуждений, от своекорыстных преступлений или получаемого от насилия садистского удовольствия. С Вашего позволения, я продолжу. На орбите Земли останется Викинг. У него будет три задачи. Первая, это защита Земли от инопланетного вторжения. Как Вы знаете, я был похищен с Земли пиратами, протоптавшими к Земле дорожку. Уверен, что это чья-то частная инициатива, в противном случае здесь давно были бы эскадры Содружества. Вот от подобной инициативы корабль и будет защищать Землю. А если понадобится, то и мы придем на помощь. Вторая задача, это защита рубежей СССР от иностранного вторжения любых прочих государств наподобие текущего со стороны Германии. Как вы уже видели, сил для этого у него более чем достаточно. Но хочу сразу предупредить, если агрессию проявит СССР, помощи не будет. Но уверен, Советскому Союзу совершенно не нужно проявлять никакой агрессии. Все, что требуется для нормальной жизни и развития в нашей стране имеется. А защита от нападения позволит существенно сократить расходы на оборону, которые в моей истории съедали немалую долю бюджета. Подумайте о переходе на компактную. Но профессиональную армию. В любом обществе всегда достаточно людей с природной повышенной агрессивностью Армия для них наилучший выбор для принесения пользы своей стране и обществу. И наконец третья задача. Это помощь в связи, которая при масштабах страны имеет первостепенное значение. Аппаратуру вы будете разрабатывать свою, но можно будет использовать корабль, висящий на геостационарной орбите как ретранслятор. А у Вас, товарищ Сталин, будет и персональная связь с Робом, это управляющий искин Викинга. Он личность немного язвительная, но для вас он может стать очень интересным собеседником и помощником во многих делах. Кроме того, через Роба всегда можно будет связаться и со мной.

— У вас есть возможность связи на такие расстояния?

— Да, такая возможность имеется. Еще мы предполагаем в будущем наладить культурный обмен между нашими государствами. Уверен, что мои будущие подданные будут с огромным удовольствием читать книги и смотреть фильмы советских авторов. Со временем постараемся ответить вам тем же. Ну и туристический обмен в будущем исключать не стоит. Уверен, советские граждане оценят курорты Роси или Геи. А мои граждане с неменьшим удовольствием будут посещать свою Родину, а потом и землю своих предков. Ну и последний подарок от Деда Мороза. На Луне нами обнаружена старая база. Есть подозрение, что это база Сеятелей. Как бы мне не было любопытно, я туда не полезу. Скорее всего это наследство, оставленное Сеятелями своим потомкам, когда они повзрослеют и смогут до него добраться. Координаты базы искин посольства передаст Вам, товарищ Сталин, или Вашему преемнику как только в СССР будет построен пилотируемый корабль, способный достичь Луны. Но хочу предупредить. Вскрытие базы может оказаться опасным делом. Вряд ли она беззащитна.

— Это подарки, товарищ Зорин, воистину достойные великого императора. — Как ни странно голос Сталина совершенно не содержал ни грамма иронии, скорее в нем слышался непривычный для вождя пафос. Мы обязательно подумаем над всеми Вашими предложениями. И есть мнение, что советский народ с благодарностью примет все, предложенное империей.

— В таком случае остался один вопрос. Товарищ Сталин, сейчас на борту находятся более пятисот советских граждан. Мне бы хотелось, чтобы Вы с ними пообщались.

— Планируете оставить их себе?

— К сожалению, мне подойдет по разным причинам лишь чуть более половины, но выбор должен быть за ними. И говорить об этом с ними должны Вы, а не я. Что же касается остальных, то очень не хотелось бы, чтобы они пострадали или продолжили службу где-нибудь на Магадане. В конце концов не их вина, что увидели чуть больше, чем нужно. Это был единственный способ спасти настоящих героев. Так что постарайтесь обойтись обычными подписками.

— Вот вроде бы разумный Вы человек, Иван Степанович. Но даже Вам видим хрущевская пропаганда так мозги загадила, что нет-нет, а воспринимаете нас как каких-нибудь людоедов. Да, советское руководство отнюдь не ангелы с крылышками. Да, в жесточайшей классовой борьбе зачастую случались и перегибы и просто преступный идиотизм исполнителей. Но все по большому счету было оправдано. Вот раз уж разговор на эту тему зашел, давайте на чистоту. Вы теперь сам император, по крайней мере будущий. Историю Вы более или менее себе представляете. Скажите, что на Ваш взгляд было из прошедшего нашей самой главной ошибкой, приведшей к самым многочисленным необязательным жертвам?

Сталин, произнося все это, был совершенно серьезен и казался искренне заинтересованным в откровенном диалоге. Иван немного подумал, перебрал в памяти известные примеры массовых чисток и репрессий.

— Пожалуй, больше всего с коллективизацией переборщили. И да, я помню Вашу статью “Головокружение от успехов”, не в деталях конечно, но смысл. Но и в ней Вы лишь попытались смягчить реальную вакханалию, творившуюся на местах. Подождите, дайте мысль договорить, — остановил Иван готовые сорваться возражения Сталина, — Я как понимаю ситуацию. Хотя не знаком с множеством деталей. На земле ведь кто лучше всех жил, убрав помещиков. Те, кто имел большие крепкие семьи, кто был трудолюбив, заботливо сохранял и преумножал скот. И не было беды в том, что такие зачастую своих нерадивых односельчан на помощь подряжали. Так те хоть не голодали. А у Вас они все автоматом в кулаки попали. Это раз. У всех, включая крепких середняков имущество и скот отбирали? Да и массово, потому как больше его для колхозов было взять просто неоткуда. В итоге во враги народа попала большая часть работающих крестьян. А в строители социализма сплошь деревенская гольтьба, пьянь да лентяи. И ведь Вы им власть дали. А что по нашей, увы, национальной традиции тут же начинает делать такой тип людей. дорвавшись до власти? Он тут же начинает гнобить более успешных и работающих соседей. И украсть у них есть чего, да и просто отомстить за то, что те раньше жили. Вот и получается, что для построения совершенно любого порядка, к которому стремились в том числе и Вы, требуются работники и созидатели, а не любители отнять и поделить. Вы же сделали ставку на последних. Ну и получили в итоге то, что получили. И голод, и стихийные бунты и кучи трупов вместо работников.

— Значит коллективизация, — медленно, как бы додумывая мысль, произнес Сталин.

— Хорошо, давайте о коллективизации. Как Вы думаете, подозревали ли мы, что капиталисты просто так от нас не отвяжутся и воевать рано или поздно придется?

— Полагаю, да.

— Отлично. Надеюсь то, что для войны, если ты не собираешься ее заранее проигрывать, требуется развитая промышленность, Вы понимаете. Можете не отвечать, это очевидно. И вот давайте мысленно перенесемся в год так двадцать седьмой, когда мы более или менее твердо перехватили власть у сторонников Троцкого, мечтавшего о

мировой революции и бывшего проводником идей тех самых капиталистов, желавших устранить собственных конкурентов в Европе нашими руками. Что нас ожидало, пойдя мы этим путем, тоже понятно. Роль жертвенного барана в любом случае предназначенного на закланье. Пока нет принципиальных возражений? Отлично, идем дальше. Конец двадцатых, период сворачивания НЭПа и разгром троцкистов в партии дал нам приличный первоначальный капитал для старта индустриализации. Вы себе даже не представляете, какие средства нашлись в загашниках у многих так называемых “старых большевиков”. Итак, появились средства. Мы начинаем заключать контракты на поставку комплексных заводов. Заключаем их с США, причем сразу по нескольким причинам. Именно определенные финансовые круги США стояли за Троцким. И его удаление от власти пришлось им не по душе, они понесли серьезные убытки. И чтобы выиграть время и немного успокоить этих влиятельных господ мы предложили им крупные контракты. Очень крупные. И очень для них вовремя. Америка в тот момент загибалась от кризиса, и эти контракты стали для многих настоящим спасением. Понятна логика? Хорошо. Мы купили в Америке в общей сложности более пятисот заводов, так необходимых нашей стране. Параллельно старались установить хорошие отношения с Германией, которой от нас требовалось зерно и нефть. Но они к нашему сожалению в ответ поставляли лишь отдельные виды готовой продукции. В лучшем случае станки, в худшем транспортные средства. Но мы были рады и этому. А вот дальше мы столкнулись с другой проблемой. Из той же Америки вместе с поставками приезжали в лучшем случае инженеры или бригады по монтажу оборудования. А где было брать на все эти заводы рабочих, если страна преимущественно крестьянская?

— То есть Вы хотите сказать, что, проводя коллективизацию, стремились помимо создания коллективных хозяйств социалистического типа еще и максимально согнать крестьян с земли.

— Именно. Причем, если бы мы сначала смогли поставить на село необходимое количество тракторов, обеспечить их специалистами операторами и ремонтниками, имели нужное количество запчастей и топлива, то весь процесс прошел бы на порядок легче. И остались бы на селе главным образом те, кто был хорошим хозяином-единоличником. Ведь для подавляющего числа крестьян преимущества механизации были бы очевидными. А успешными редко становятся идиоты. Но, увы, чтобы произвести трактора, запчасти и все это поставить в село, нам сначала потребовались сотни тысяч рабочих, которые должны были эти заводы построить, а потом и выдать продукцию. Причем, заметьте, чтобы вместо сплошного брака они смогли хотя бы через раз производить что-то годное к употреблению, надо было их для начала научить этому. А там все сплошь неграмотные и ничего кроме плуга, косы и лопаты до сих пор в руках не державшие. А хотя бы минимально образованные и рукастые, угадайте, кем были? Да-да, теми самыми успешными крестьянами, кулаками и середняками. То есть та самая пьянь и голытьба, про которую Вы говорили, ничего бы на заводе произвести бы не смогла. А крепкие крестьяне добровольно в город не поехали бы. Им и на деревне было неплохо. Вот только на их беду, в городе требовались только они, а на селе даже голытьба, пусть куда хуже, но могла справиться с работой, знакомой с детства. А ведь помимо тракторов ой как многое надо было успеть произвести, прежде чем война станет реальной перспективой. А это все люди. Миллионы людей, которых надо было заставить сменить привычный образ жизни. Именно заставить. Вот Вы давеча говорили с трех типов мотивации. Все здесь верно. Но поставьте себя на наше место. Денег в государстве нет, все, что наскребаем, уходит проклятым капиталистам в обмен на жизненно

необходимое оборудование для промышленности. Значит, жадность отпадает. Нечем нам заманить хороших работников в город. Особенно сытых и работающих. Идея? Так им на эту идею наплевать. Крестьянину вообще как правило на все наплевать, кроме своей земли, семьи и скота, что стоит на подворье. Не нужна крестьянину никакая иная идея. Он ведь так веками жил. Был бы подальше помещик, да и слава богу. Так что идея тоже отпадает. Ну и что нам кроме страха остается? А ничего. Как Вам такой взгляд на ситуацию?

— Озадачили, Иосиф Виссарионович, прямо скажем, с такой точки зрения я ситуацию не рассматривал.

— Вот о чем я и говорю, Иван Степанович. Как легко рассуждать с высоты нескольких десятилетий, когда все реальные трудности и условия забыты, а в памяти остались лишь результаты, и жертвы репрессий кровавого Сталина. Знали бы Вы, как я Вам по-человечески завидую. Белой завистью. Если я примерно представляю, каким именно образом Вы собрались строить свою империю, то почти сто процентов наших проблем Вас вообще волновать не будут. Вставили всем симбионты, закачали базы знаний в голову. И даже вчерашний босяк без трех классов образования становится после пары месяцев напряженной учебы неплохим оператором оборудования. А дальше это самое оборудование выполняет все работы, причем брак исключен автоматически. Врагов никаких, в качестве основной мотивации жадность, то есть естественное стремление человека жить лучше. Единственная проблема это природные тунеядцы, которых, как я понимаю, Вы еще на стадии отбора по большей части отсечете. Причем, Ваши технологии позволяют увидеть качественный результат очень быстро. Не надо думать, что жить лучше смогут только внуки или в лучшем случае дети. Все прямо на глазах происходит. Месяц, и готовы дома. Еще пара месяцев и вот тебе вся инфраструктура, все необходимые товары производятся на автоматических фабриках. Живи и радуйся. Ведь так?

— Примерно так.

— Вот о чем я и говорю. Чтобы понять нас, надо побывать в нашей шкуре. А я думаю, таких желающих немного найдется. Но это так, для лучшего понимания. Я Вас ни в коем разе ни в чем не виню. То, что Вы нам предложили, это фантастический подарок. Вот прилетите к нам в гости лет через десять, посмотрите, что нам удастся сделать. А лет через тридцать мы и до этой лунной базы доберемся. И если там найдется хотя бы малая часть того, чем сегодня располагаете Вы, мы еще посмотрим, у кого жизнь будет лучше. На самом деле, главный свой подарок Вы возможно даже не осознаете. Я внимательно ознакомился со всем, что происходило в нашей стране вплоть до развала СССР. И один из выводов, который я сделал, такой. Людям не хватило веры. Отринув замшелую и совершенно не соответствующую времени и социалистической идее религию, мы одновременно лишили человека чего-то очень важного. Веры в высшие духовные идеалы. К сожалению, моральный кодекс строителя коммунизма не смог стать полноценной заменой, ибо повисал в воздухе, лишенный основ. Ведь вера в бога это не только вера в прекрасную загробную жизнь, это еще и страх наказания за грехи, совершенные при жизни. И его не стало, остался лишь страх перед наказанием, исходящем от власти. И его не хватило, тем более, что некоторые товарищи поспешили ликвидировать и его для определенной касты. На этом фоне выросла вседозволенность. Параллельно проявился и еще один эффект. Сначала уровень жизни простых людей в стране прирастал быстрыми темпами, сказался эффект низкой базы. То же самое повторилось и после войны. Но чем дальше отступали тяжелые времена, тем медленнее происходил прогресс в материальных условиях жизни. Лозунг “ударный труд

сегодня, счастливая жизнь завтра” перестал работать, поскольку завтра отодвинулось в далекое будущее при отсутствии каких-либо понятных ориентиров и видимых перспектив. Вот эти перспективы Вы нам, товарищ Зорин, и подарили. С Вашим появлением человек будет твердо знать, что не одинок во Вселенной, что есть другие миры, пригодные для освоения, что перспективы развития бесконечны. У всего этого будут четкие и зримые примеры. И даже пусть в Вашу империю будут стремиться лучшие из тех, в ком индивидуализм развит больше, чем желание работать на общее благо, пусть Вы будете забирать себе лучших. Мы к этому готовы. Но пример единиц подстегнет миллионы. И эти миллионы будут рваться изо всех сил, чтобы подтянуть наши возможности до Вашего уровня. Так что Вы нам какую-нибудь симпатичную планету зарезервируйте. Сейчас она нам и вправду не слишком нужна. Здесь сначала жизнь надо будет наладить. Но очень скоро понадобится.

— Зарезервирую. Кстати, если позволите, небольшой совет.

— Слушаю Вас, товарищ Зорин.

— Обратите особое внимание на образование детей. Рано или поздно, от нас или от Сеятелей лунной базы, но вы дойдете до технологии симбионтов. А там очень многое зависит от развитости мозга. Мне, как я понял, бесконечно повезло с тем, что многие годы меня буквально терроризировали, заставляя тренировать память, скорость реакции и способность решать в уме сложные задачи. Все это позволило развить мой интеллект в понимании Джоре до уровня, вдвое превышающего тот, что был в среднем у них. А интеллект это то, что позволяет и быстрее изучать базы, и управлять сложным оборудованием. Чем больше умных и талантливых людей будет в обществе, тем быстрее Вы добьетесь успеха.

— Спасибо, товарищ Зорин. Несмотря на то, что мы сами уделяем этому вопросу большое внимание, Вы совершенно правильно еще раз заострили этот вопрос. Давайте обсудим еще вот какой момент. Насколько я понимаю, Вам придется набирать персонал посольства из местных людей. Вы уже думали, кто мог бы взять на себя функции посла. Ведь это будет очень важная должность. Особенно после Вашего отлета.

— Признаться, окончательно еще не решил, да и времени на это было совсем немного. Но вот на вскидку, пришла прямо сейчас мысль. Как Вам в такой роли Антон Иванович Деникин?

— Умеете Вы удивить, товарищ Зорин. Этого у Вас не отнять. А почему вдруг Деникин. Мне просто пока интересен ход Ваших мыслей.

— В этом вопросе есть сразу несколько проблем. Во-первых, для этой работы нужен человек с именем. Другого при всех возможностях статуса и технологий всерьез не воспримут. Во-вторых, куда опаснее брать человека из СССР. Он или попробует остаться вашим человеком, что не нужно мне. Либо, с куда большей вероятностью, выбравшись из-под Вашего влияния, а вместе с ним и перестав Вас бояться, попробует отыгаться за свои прошлые страхи. И это мне тоже не нужно. Очень хотелось бы ровных дружественных отношений на паритетной основе. Получается, что требуется человек из-за границы. Никого, кроме наших соотечественников не хочу рассматривать в принципе. Будем считать это нашим внутренним делом России. Остаются деятели эмиграции. Здесь нам уже помогли, если так можно выразиться, немцы. Все, согласившиеся им служить, предатели, которым не место ни у меня, ни у вас. Остаются те, кто поддержал СССР в войне против нацистов. Таковые есть, но здесь очень важна известность и уважение со стороны остальных. Так что в

сущности вариантов не так уж много. Возраст генералу не помеха. Опыта ему не занимать. А потом при всем том, что он был, да и наверное пока остается непримиримым противником советского строя, он бесконечно предан России и совершенно прямой и честный человек. Такой никогда не нанесет удар исподтишка, а выскажет все претензии прямо в глаза. Есть и еще один момент. Я Вам уже говорил, что собираюсь набирать подданных в том числе и из кругов эмигрантов. Не дело русским пропадать на чужбине. Но вот чего хотелось бы избежать, так это открытия представительств империи в других странах. А как решить вопрос без этого, пока не знаю. Идеальный вариант, это гарантии человека, которому поверят, что все желающие должны добраться до посольства в Москве, и им по дороге ничего не будет угрожать. В этом вопросе надуюсь на товарища Берия. Но в любом случае, мне бы хотелось обговорить кандидатуру именно с Вами и только потом начинать обсуждение с любым кандидатом. Не хотелось бы, чтобы отношения напоминали холодную войну или вооруженный нейтралитет.

— Мы Вас поняли, товарищ Зорин. Мы подумаем над Вашим предложением и дадим Вам знать. Если кандидатура господина Деникина нас не устроит, мы попытаемся предложить Вам иные достойные варианты, удовлетворяющие названным Вами условиям. А теперь, если Вы не против, нам бы хотелось вернуться. Слишком много работы в последнее время благодаря Вашим усилиям. Но мы не против. По сравнению с тем, что нас заботило до Вашего появления, это приятные хлопоты.

Задумывался ли кто-нибудь, каким образом мир реагирует на неожиданное, но значимое событие. Особенно если его авторы или объект воздействия не слишком спешат его афишировать.

Такое событие похоже на камень, возникающий неожиданно в еще секунду назад пустом воздухе над водной гладью. Поверхность воды это текущее информационное представление мира о привычном порядке вещей. И вот под действием гравитации камень устремляется к поверхности, гоня перед собой воздушную волну. Эта волна невидима, как невидим сам воздух, но она есть. Воздушную волну можно сравнить с реакцией служб, которым по роду своей деятельности приходится внимательно следить за всем происходящем в мире. Они на данном этапе еще не поняли, что за событие произошло, они только ощутили, что привычный порядок вещей нарушен. По тому, какие изменения в мире начинает вызывать инициирующее их событие, службы пытаются нащупать его само, а также понять, что оно несет с собой миру. В это время камень достигает поверхности воды и вызывает куда более заметные и крупные информационные волны. Информация ширится и разрастается, обрастает подробностями. Слухами и домыслами. И поскольку любое значимое событие затрагивает жизнь множества различных людей, то информация не только искажается, но и наполняется эмоциями. В результате те, кого такая волна достигает чуть позже, получают ее в уже эмоционально окрашенном виде. И люди начинают уже реагировать не на саму информацию, а именно на ее эмоциональную составляющую, которая порождает в них собственные образы, имеющие мало отношения к исходному событию. И информация приобретает уж совсем фантастогоричные и причудливые формы. И чем масштабнее главное событие, тем больше волн искажений оно вызывает, и тем причудливее его отголоски в массовом сознании людей. Более того, первое событие порождает целый сонм вторичных событий, большая часть которых основывается даже не на фактах, а на отголосках таковых, по большей части драматично измененных до неузнаваемости. Но так уж устроен человек, почувствовав опасность, он начинает реагировать, даже не разобравшись, откуда эта опасность исходит и в чем именно состоит. Мир, еще ничего не понимая конкретно, начинает сходить с ума.

В период с конца июня по начало июля сорок первого года произошло сразу несколько событий, способных кардинально изменить привычную картину мира. Это и тотальный разгром немецкого нашествия на СССР, и одномоментная ликвидация всей нацистской верхушки Германии. И конечно появление в земной геополитике инопланетного фактора. О последнем, впрочем, пока никто ничего точно не знал, но необычность первых двух событий наводило на самые фантастические предположения. Аналитические и разведывательные службы сначала Германии, следом Англии, сеть агентов которой в немецких структурах была достаточно широка, а от нее и США, которые могли похвастаться тем же уже в отношении своих “кузенов”, бурлили и метались в поисках информации или хотя бы ее заслуживающих внимания осколков. Суетилась даже разведка Японии несмотря на то, что события происходили в тысячах километров от ее границ. В преддверии войны с США за господство на Тихом океане ход европейских событий был критически важен для правительства Микадо. Чем больше США увязнут в помощи Англии и СССР, тем меньше них останется сил на противодействие японскому духу. Никто ничего точно не знал, но

интуиция матерых зубров тайной войны буквально кричала, происходит нечто из ряда вон, способное перевернуть весь мир, разорить самых богатых и создать из ничего новые фантастические капиталы.

Аналитики США и Британии не предполагали быстрого разгрома СССР. Более того они были полны решимости этого не допустить. Но прежде, чем протянуть гибнущему СССР руку помощи, заведомо небезвозмездной, они хотели сначала увидеть русских на краю гибели. В идеале Советы и фашисты должны были надолго сойтись в смертельном клинче, уничтожая друг друга как можно больше и до полного взаимного истощения людей и ресурсов. А хитромудрые англосаксы и янки должны были помогать обеим сторонам, одной открыто, другой тайно, помогая им освободиться от лишних запасов золота и прочих ценностей, которым не место в руках недочеловеков. Это лишь идиот Гитлер может мнить немцев юберменшами. Пусть до поры до времени пребывает в иллюзиях. Их никогда не поздно развеять. А настоящие сверхчеловеки это джентльмены англосаксонских кровей. Ну и где-то недалече прислуживающие им правоверные иудеи. Стратегия давно выработана, проанализирована и утверждена. Это благодаря ей нищая Веймарская Германия феноменальными темпами превратилась в ведущее индустриальное государство Европы. Это она инициировала возрождение древнего воинственного духа викингов в обрюзгших пивных телах германских бюргеров, искусно играя на чувствах национального унижения после Первой войны. И ее же авторы сотнями слали в Советскую Россию промышленное оборудование, целые заводы и фабрики, хотя и не забывая требовать за них полноценную плату. Коммунисты тоже должны успеть нарастить необходимые для полноценной бойни мускулы.

Когда гитлеровские войска перешли границу СССР и быстрыми темпами покатались вглубь ее территории, англо-американские стратеги посчитали дело сделанным. Тормознуть Гитлера они могли в любой момент, а Советский Союз, как и ожидалось на первом этапе войны, теряя множество людей, техники и вооружений, проявлял довольно слабую дееспособность. Во всех расчетах быстрый отпор агрессии со стороны Советов даже не предполагался. Аналитики, ежедневно получая от агентов в германских штабах информацию о темпах реализации плана “Барбаросса”, даже заключали между пари, на сколько километров продвинутся немецкие ударные части за следующий день или на какой очередной рубеж советской обороны выйдут. И как долго будут с ним ковыряться. И вдруг все изменилось. Сначала информация с фронта вообще перестала поступать. Такое впечатление, что передовые танковые группировки вообще перестали существовать. Связь отсутствовала. Хотя немецкий ордунг не предполагал таковой возможности в принципе. Затем вместо точной и конкретной информации стали во множестве поступать слухи, одни страшнее другого. Якобы вместо парада в Минске сразу две танковые армии разгромлены и уничтожены до последней коробочки. Автотранспорт в полном составе вышел из строя, а из полетов перестали возвращаться практически все самолеты Люфтваффе. Это посчитали пустыми слухами, объяснив потерю связи случайностями и гигантскими расстояниями России. Но затем пришла информация, что части группы армий “Север”, которые без особых проблем обойдя с флангов советские армии в районе Белостока, должны были чуть ли не в считанные часы завершить окружение этой группировки, пришли к полной недееспособности. А те, кто должен был оказаться в котле, грамотным маневром отступив от границы, устроил передовым частям Вермахта свой котел в районе Даугавпилса с очень неприятными для Германии перспективами. И что особенно насторожило аналитиков, это

повторившийся симптом. Танки уничтожены, авиация сгинула, автотранспорт не работает. При этом каких-либо массовых потерь среди фельдграу не наблюдалось. Но в современной войне без танков и авиации одной пехотой и пушками, которые еще кто-то должен передвигать на позиции, много не навоюешь. Особенно, когда у противника никаких подобных странностей не зафиксировано.

Следом подвалила информация из южной группировки войск о в высшей степени странных событиях под Ровно. И опять все те же признаки, те же цели. Бронетехника, авиация и автотранспорт при почти полном игнорировании живой силы. Через несколько дней, когда уцелевшие очевидцы всех этих событий пешком или на банальных лошадях, отнятых у местных крестьян, добрались до тыловых штабов, информация стала как снежный ком дополняться совсем уж фантастическими подробностями. Невиданные огромные и неуязвимые летательные аппараты, про которые даже никто не мог внятно сказать, на каком принципе те работали. Они то развивали с места фантастическую скорость, то буквально зависали на одном месте. Единственное, в чем сходились все, была ужасающая мощь огня аппаратов, в считанные мгновения уничтожавшая огромные скопления техники и в хлам разрывавшая самолеты Люфтваффе. Подоспевшая информация с Украины указывала на наличие у Советов помимо летающей еще более фантастической наземной техники. Впрочем, та тоже оказалась способной подниматься в воздух, нанося удары по удаленным целям.

Аналитики поняли, что вся стратегия войны оказалась под угрозой. Что-то пошло не так. И настолько не так, что надо было срочно решать, что делать дальше. Усиление СССР по итогам войны да еще без кредитной кабалы от вовремя оказанной посильной “помощи” было последнее, о чем можно было мечтать. Но кажущаяся фантастичность и даже абсурдность поступающей с Востока информации не давали аналитикам возможности докладывать о происходящем высшему руководству. Никто не хотел выглядеть идиотом, паникером или того хуже слабым профессионалом, прохлопавшим появление подобной невероятной техники у СССР. Пока разведка металась в тщетных попытках разобраться в происходящем или по крайней мере получить подтверждение данных из своих советских источников, произошло уж совершенно невозможное. Поступила информация о разгроме “Вольфшанце” вместе со всем богатым содержимым в виде полного комплекта нацистского руководства. Здесь на подтверждение информации в виду близости к цивилизованным местам потребовалось меньше времени. И очень скоро аналитики с ужасом и безмерным удивлением рассматривали фотографии гигантской воронки на месте бывшего главного секретного объекта Рейха в попытках понять, какое оружие могло сотворить такое. Провал почти в полкилометра диаметром и более пятидесяти метров глубиной не позволял сделать ни одного осмысленного предположения. Особенно с сочетанием с тем, что до самого момента трагедии никто ничего не видел и не слышал. Но делать было нечего, ждать более не представлялось возможным, и информация дошла до американского президента и британского премьера. Оба были “счастливы”. Особенно тем, что подобно собственным аналитикам совершенно не могли сложить из всего услышанного какой-либо осмысленной и непротиворечивой картины. Между тем, как оказалось вскоре, это были еще цветочки. Пока государственные службы обеих стран порознь и вместе пытались оценить ситуацию и сделать более или менее адекватные прогнозы относительно возможной новой власти в Германии и темпов, с которыми советская армия способна контратаковать и как далеко может зайти прорыв, фактическая информация начала поступать валом. В Берлине жесткой

рукой взял власть Мартин Борман. В новое правительство вошел Генрих Мюллер в качестве главы службы безопасности. Хельмут фон Мольтке стал министром иностранных дел, а Хеннинг фон Тресков возглавил Вермахт. Себя Борман объявил исполняющим обязанности рейхспрезидента, принявшим на себя всю полноту власти в стране. Обилие преданных лично ему людей, а также удивительная информированность, позволившая начать действовать еще до официального подтверждения гибели фюрера, позволили Борману быстро нейтрализовать все альтернативные центры силы и стабилизировать положение в стране. Его первым же указом стало объявление о прекращении войны с Советской Россией, а также начало переговорного процесса по урегулированию всех ранее возникших разногласий. В том числе и материальных. Войскам был отдан недвусмысленный приказ о немедленном прекращении всех боевых действий, отходе на государственные границы Рейха, а также под угрозой казни недопустимости причинения ущерба местному населению на территории СССР. Также им была озвучена инициатива об обмене пленными по формуле всех на всех. Это стало настоящим ударом для Черчилля. Рузвельт воспринял информацию более сдержанно. Для него в любом случае речь шла лишь о финансовых потерях тех, кто в его стране финансировал Гитлера. Да и то, скорее о недополученных прибылях, поскольку Германия не в том положении, чтобы отказываться от долгов. А вот Англия могла оказаться один на один с Рейхом, раскинувшимся практически на территории всей Европы. К тому же в отличие от Советов, инициативы о прекращении войны с Британией с немецкой стороны не прозвучало. Но куда большим шоком для британского борава, пока он пытался сообразить, как действовать в столь резко изменившихся условиях, стал почти мгновенный ответ Сталина о согласии с германской инициативой. Москва также отдала приказ войскам прекратить боевые действия, сопровождать отступающие немецкие части на некотором отдалении, не открывая огня первыми, а также остановить продвижение на границах СССР. Выразил дядя Джо и согласие утрясти все разногласия мирным путем, то бишь был готов раздеть Германию только финансово.

Пока в Лондоне и Вашингтоне чесали репу, стремясь определиться со своей дальнейшей политикой, Москва объявила о торжественном параде на Красной площади и приеме в Кремле, посвященных победе в войне против гитлеровских оккупантов. На парад и прием приглашались главы диппредставительств и военные атташе всех стран, располагавшихся в Москве. Интригующе было объявлено о представлении миру тайного союзника СССР помогшего завершить военный конфликт столь быстро и с минимальными потерями. А также о том, что в параде примет участие невиданная ранее боевая союзная техника. Власти всех стран сделали стойку при слове союзник, а информационные агентства всего мира зашлись в пароксизме страсти, соревнуясь в своих предсказаниях о природе таинственного помощника Сталина и стремясь пробрести билет на парад. Дипломаты с неменьшим усердием атаковали НКВД, чтобы забронировать места на кремлевском приеме, а также выяснить хоть что-нибудь заранее. Но все сотрудники Наркомата Иностранных дел сами и достаточно искренне разводили руки и пожимали плечами, теряясь в догадках. Пролить свет на загадку, волновавшую всех и каждого в мире, могли очень немногие. Но несколько сотен героев обороны Брестской крепости готовились сейчас пройти торжественным маршем на параде отдельной колонной, отрабатывая строевой шаг на одном из подмосковных полигонов. Охрана дачи в Вольнском временно осталась без выходных, изолированная на объекте, Судоплатов со товарищи немного задержался в Швейцарии, пользуясь неожиданной оказией и выполняя различные задания своего наркома. А несколько человек

из Генерального штаба и Политбюро, присутствовавшие на памятном совещании в Наркомате обороны, предупрежденные лично Хозяином, предпочитали делать вид, что их вообще не существует. Мало ли что?

Москву, вооружившись дипломатическим прикрытием или наспех сварганенными легендами, толпами наводнили агенты различных мировых разведок, отчаянно желающие раздобыть хоть какую-нибудь информацию. Чем очень порадовали Лаврентия Павловича, которому было теперь на ком вволю потренировать свой молодежь. При этом против ведущих себя в рамках приличий шпионов сотрудники НКВД тоже изображали вежливый политес. Тем же, кто начинал наглеть, стремился уйти от ненавязчивого сопровождения или, не дай бог, совершал что-то противозаконное, очень быстро и жестко показывали, кто в доме хозяин. При этом даже дипломатический паспорт отнюдь не гарантировал спокойствия. Мало ли какая неприятность может произойти вечером или ночью на улицах послевоенного города с одиноким припозднившимся путником?

Торжественные мероприятия были назначены на 21-е июля. Причем дата была публично объявлена исторической. В 1613-м году в этот день венчался на царство первый государь из династии Романовых, знаменуя окончание Смутных времен. Подобная подача вызвала едва ли не больше пересудов, нежели упоминание о таинственном союзнике. Впервые советская власть не отрекалась от прошлого своей страны, а публично признавало преемственность ее истории. Но Сталин на этом не остановился. Выступив с личной статьей на страницах “Правды” он, указав на то, что защитив свою Родину от фашистско-немецких агрессоров, бойцы и командиры РККА с честью выполнили свой долг так же, как и сотни поколений русских воинов до этого. И в честь сохранения национальных воинских традиций в обращение возвращаются традиционные названия солдат и офицер, а все имевшие воинские награды до революции получали право их свободного ношения. Сами награды признавались действительными наравне с советскими. Одновременно в статье Сталин напрямую обращался к русской эмиграции. Обращение было адресовано всем, кто с первого января 1925-го года не предпринимал враждебных действий или призывов против Советской власти и СССР. Для них отменялись все виды преследования. Любой желающий из таких эмигрантов мог подать прошение и посетить Советский Союз, не боясь быть арестованным. А желающие вернуться в страну могли обратиться за получением советского гражданства. При этом предупреждая вопли возможных критиков об отходе от принципов и устоев советской власти и предательстве идей социализма, Сталин писал:

“Многие могут подумать, а недалекие граждане даже высказать нам претензии в предательстве идеалов коммунизма. Эти товарищи, которые возможно нам не совсем товарищи, превратно понимают задачи советской власти и идеи коммунизма и патриотизма. В ходе революционных преобразований в нашей стране и последовавшей гражданской войны за рубежами нашей Родины оказалось более двух с половиной русских людей. Многие потому, что неверно оценили революцию и ее цели. Многие не по своей воле. Многие потому, что ошибочно ассоциировали Родину исключительно с прогнившим изнутри царским режимом. Ибо если бы в Российской империи все было нормально, так не потребовалось бы и революции. И уж точно она бы не имела шансов на успех. Но история рассудила, кто прав, а кто нет. У советской власти нет задачи или нужды мстить тем, кто уже наказал себя сам, лишив себя Родины на долгие годы. Нет и не может быть для настоящего русского человека большего наказания, чем невозможность поклониться могилам предков, подышать родным воздухом и обнять родные березы. Эту судьбу

эмигранты выдрали сами. Но сегодня Советский Союз, делом и победами доказав свою правоту, может себе позволить быть великодушным и простить блудных сынов и дочерей за старые грехи и ошибки. Это никоим образом не означает отказа СССР и ВКП(б) от ленинской политики построения социализма и необходимости классовой борьбы со всеми врагами нашего общества. Все, кто захочет вернуться и жить на Родине, будут обязаны внутренне измениться и принять социалистические устремления нашего общества всей душой. По-другому они просто не выживут. И не потому, что мы будем жестоки. Мы будем жестоки, но только врагам. Просто невозможно жить в обществе и быть отдельным от него. Тотальное одиночество невыносимо. А потому всем, кто хочет жить на Родине и помогать нам строить справедливое общество в интересах всего народа, мы говорим сегодня — Добро пожаловать, забудем старые обиды, вливайтесь в дружную семью советских людей. Всех прочих просим не беспокоиться. Оставайтесь на чужбине”.

Эти известия и особенно статья Сталина вызвали целую бурю эмоций в среде русских эмигрантов. И многочисленные споры во всех странах, где массово осели бежавшие некогда от красного террора русские дворяне и интеллигенция. Шум и ожесточенная перепалка, изредка доходящая до рукоприкладства, доносились в эти дни из сотен кафе, ресторанов и частных особняков по всему миру от Константинополя, как большинство русских эмигрантов продолжали называть переименованный в Стамбул десять лет назад древний город, до Нью-Йорка. Те из них, кто отказался в свое время принимать гражданство каких-либо стран на основании верности своей Родине и единожды принесенной присяге, для кого именно ностальгия стала главным чувством последние годы, кто всем сердцем желал победы СССР, плакали от счастья. Для них, разрывающихся в душе между застарелой ненависти к “Совдепии”, страхом репрессий и надеждой на возможность счастливой жизни на Родине, оставалось только решиться и сделать выбор. Тот или иной, но все зависело только от них самих. Те же, кто успел запятнать себя сотрудничеством с фашистами из-за своей ненависти к советской власти, проклинали все и вся. До большинства из них начала доходить вся низость их предательства. Многие в эти кончали жизнь самоубийством не в силах дальше жить с этим грузом.

Сталин же своими инициативами желал не только исторического примирения, этот вопрос его лично волновал меньше всего. Нет, оказаться в роли лидера не только первого социалистического государства, но и всего русского мира, льстило его самолюбию. Словосочетание, впервые услышанное от Ивана несколько дней назад, прочно заселось в памяти. Отдавало оно таким вселенским размахом и чем-то неуловимо отличным от европейской цивилизации. Да и автоматически делало сопричастными миллионы соотечественников, по разным причинам оказавшихся за границей. А это очень важный потенциальный фактор влияния. Конечно, термин не слишком соответствовал доктрине пролетарского интернационализма, поэтому вводить его в официальный обиход было рано и опасно. Однако, ознакомившись с будущими перипетиями исторического процесса, Сталин прекрасно представлял себе, до чего в итоге доигрались большевики, пестуя национальную карту бывших окраин Российской империи. А ведь говорил он Ленину еще в двадцатых, указывал на опасность будущих возможных националистических проявлений. Так ведь нет, не смог убедить. А силы тогда было слишком мало, чтобы настоять на своем. Зато теперь есть прекрасная возможность разом покончить со всеми возможными очагами проявления подобных явлений. Да, советский народ будет единой исторической общностью сотен народов, населяющих страну. Однако строжайшим образом этого единства может и должен быть

именно русский народ. И замалчивать этот вопрос нельзя. Это единственное лекарство от возможных будущих расколов или даже хотя бы болевых точек влияния вражеских спецслужб. Но в данном случае Сталина куда больше волновала другая возможность, появляющаяся с установлением официальной преемственности российской истории. Даже если лишь малая часть эмигрантов откликнется на его призыв, это будут десятки тысяч высокообразованных людей, специалистов в десятках различных областей. Смешно думать, что он не понимает, какой большой процент сегодняшних советских бюрократов и партийных чиновников составляют не те люди, с которыми стоит иметь дело. Нечистые на руку корыстолюбцы, пустые балаболы и карьеристы. Таким в хороших условиях и руки не подашь. Но что делать? Жесточайший кадровый голод. Даже таких примазавшихся случайных попутчиков не хватает на все участки работы. А ведь требуется намного больше. Один раз эти люди уже смогли после его смерти уничтожить все созданное. Второго шанса он им не даст. Используя привлекаемых эмигрантов, Сталин намеревался под шумок провести очередную гигантскую чистку партийно-государственного аппарата. Но на этот раз никакой компанейщины. Строгий индивидуальный подход и тщательно проработанные публичные судебные процедуры. С предъявлением всего украденного у народа. Берия с этим справится. Заодно и собственные кадры еще раз прошерстит. Заодно проведет несколько показательных процессов над эмигрантами. Ведь найдутся среди них обязательно агенты вражеских разведок, не могут не найтись. И на фоне общей политики никто не посмеет обвинить советское руководство в обмане ожиданий и предвзятом отношении к бывшим классовым врагам. Наоборот, открытость и доказательность процессов покажут объективную непредвзятость власти. Умение грамотно отделять мух от котлет. Какие же все таки в будущем прекрасные образные выражения встречаются. И как к языку прилипают.

Особую головную боль для Сталина представляло предложение Ивана назначить имперским послом Деникина. Очень неудобная фигура. С этим кулуарно не договоришься, будет рубить правду-матку с плеча. Но есть и плюсы. Деникина уж точно никто не посмеет обвинить в том, что он продался Советам. Не тот человек. А значит даже его критический настрой можно будет использовать на благо страны. Да и как символ примирения лучше не придумать. Так что стоит, пожалуй, согласиться. Не известно еще согласится ли сам Деникин с такой ролью. Но это уже не его, Сталина, забота.

Пока мир бурлил в попытках осознать грядущие изменения, вызванные провалом немецкой военной авантюры на Востоке, маленькое местечко Мимизан на Юго-Западе Франции к Северу от Биарицца и чуть южнее Бордо, расположенное на самом берегу Бискайского залива, жило своей сонной неторопливой жизни. Отголоски шума, охватившего всю Европу, доносились и сюда, но практически не вызвали каких-либо заметных изменений в привычном ритме жизни. Все так же неспешно передвигались крестьяне по дороге на свои поля и виноградники. Молочники так же каждое утро развозили свежий надой по клиентам, а из небольших частных булочных доносились аппетитные запахи только что испеченных багетов и круассанов, с которыми так замечательно пьется первая чашечка кофе. Даже немецкая администрация, появившаяся здесь около года назад, не вызывала каких-либо сильных эмоций местного населения. Хотя и немцы со своей стороны не давали для этого серьезных поводов. Никакого сравнения с Украиной или Белоруссией.

Именно здесь находился скромный двухэтажный дом с маленьким садом, арендованный семьей бывшего главнокомандующего вооруженных сил Юга России Антона Ивановича Деникина. Здесь он проживал со своей женой и дочерью, хотя и не мог похвастаться уединением. Немцы, прекрасно зная авторитет генерала и то влияние, которое он может оказать на позицию сотен тысяч русских эмигрантов, не пожелали оставить его без своего внимания и достаточно плотного контроля. Постоянно за домом и кругом общения Деникина следило не менее двух агентов гестапо. В итоге, чтобы не подставить никого из своего окружения Антон Иванович превратился в своего рода отшельника. Хотя благодаря газетам общее представление о происходящем в мире имел. Изменения в германском руководстве, прекращение военных действий на Восточном фронте и заключение перемирия с СССР, никак не отразилось на политике немецкой оккупационной администрации во Франции. Рейх не только не собирался возвращать свободу французам, но наоборот, рассматривал эту страну, как стратегическую часть Рейха в борьбе за место под солнцем. А посему не произошло и никаких изменений в режиме наблюдения и за Деникиным.

Появившийся в Мимизане сразу после полудня молодой человек наверняка бы привлек к себе пристальное внимание горожан. И дело отнюдь не в его костюме, который вполне соответствовал местной моде, или слишком уверенном для нынешних времен взгляде. Просто очень нечасто появлялись здесь незнакомцы в последнее время. И каждое новое лицо автоматически привлекало внимание. Но было в этом человеке что-то такое, что заставляло взгляд буквально соскальзывать с его фигуры и забывать о нем тотчас же, как только это происходило. Человек не был невидимкой, его видели не только местные пейзажи или торговцы. Он благополучно миновал несколько уличных постов немецкой жандармерии, не обративших на него ни малейшего внимания и не посчитавших его достойным интереса. Путь его лежал к дому бывшего русского генерала. Но даже агенты гестапо, несшие круглосуточное дежурство неподалеку, не смогли заметить его появления. Обоих наблюдателей неожиданно сморил полуденный сон прямо в машинах. Видимо, солнце в тот день припекало особенно жарко. Так никем и не замеченным человек дошел до нужного порога и аккуратно постучал в двери.

Надо сказать, что неожиданный визит незнакомца поначалу не встретил у генерала какой-либо симпатии. Настороженностью лучились и глаза его жены, также вышедшей

навстречу гостю. Но прекрасный русский язык, брошенное вскользь упоминание о крепком сне, сморившем надсмотрщиков, а также заявление, что визит вызван вопросами, касающимися дел Российской империи, вызвал некоторое любопытство. Не так уж много развлечений было у генерала в последнее время. Посему неожиданный визитер удостоился беседы в столовой с чашкой чая, поданному согласно русским обычаям.

Деникин, которому немного осталось до семидесятилетия, все еще выглядел довольно крепким человеком. На блестящем абсолютно голом черепе особенно выделялись кустистые черные брови над внимательными глазами, резко контрастировавшие с совершенно белыми от седины и топорщащимися в стороны холеными усами и аккуратной стриженной бородкой клинышком. Несмотря на всю неожиданность визита встретил генерал гостя в добротном темном костюме и белоснежной тщательно выглаженной рубашке. Довершал образ аккуратно повязанный галстук. Даже дома Деникин не позволял себе ходить с расхлябанным халате. Старая школа, увы, давно забытая во времена Ивана. А как читатель наверняка догадался, визитером был именно он.

— Ну-с, молодой человек, чем обязан столь неожиданному визиту ко всем забытому старику? — Начал разговор Деникин после того, как обязательные политесы были выполнены, и сделан первый глоток крепкого ароматного чая, поданного Ксенией Васильевной, женой генерала.

— Ну не прибедняйтесь, уважаемый Антон Иванович. Какой же Вы старик, и уж тем более всеми забытый? Думаю мало найдется людей, пользующихся сравнимым с Вами авторитетом и уважением среди покинувших Родину соотечественников. Да и насчет молодого человека Вы явно погорячились. Я конечно чуть моложе вас, но шестой десяток разменял.

— Неужели? Никогда бы не поверил. Я бы на вид Вам дал чуть менее тридцати. Какие-то особые секретные техники сохранения молодости, или просто природа вас так наградила?

— Вы мне не поверите и даже наверняка сочтете шарлатаном, но уж больно не хочется ходить вокруг да около и вешать Вам лапшу на уши. Скажите, Антон Иванович, хотелось бы, положи руку на сердце, прожить еще одну жизнь, постаравшись исправить все совершенные по глупости и молодости ошибки? Да, есть технологии, позволяющие не только вернуть внешнюю молодость и здоровье, но и продлить существенно жизнь. И я ими владею. Но пока Вы мне совершенно естественным образом не поверите. Потому давайте начнем с другого. Что Вам известно о последних событиях в мире и на нашей с Вами Родине?

— Уж не Мефистотель ли Вы, молодой человек? Больно посулы на классику смахивают. Кровью подписаться предложите?

— Бог с Вами, генерал, как можно. К сатанинским да и божественным проявлениям мой визит, уверяю Вас, не имеет ни малейшего отношения. Как и любой человек был в свое время рожден вполне земным образом. Да и потом как-то с высшими сферами не довелось. И все же поделитесь, что Вы знаете из важных новостей за последнее время?

— Как Вы наверное догадываетесь, источников новостей здесь не так много. В основном местные, иногда центральные газеты. Слышал, что немецкая авантюра против СССР закончилась неожиданно быстрым провалом. Пишут, что разом кто-то уничтожил всю нацистскую верхушку в Германии и задаются вопросом, каких изменений следует ждать в политике нового руководства Германии. Кажется, новым фюрером стал Борман. Еще ходят слухи о каком-то непонятном союзнике Совдепии, который помог Сталину справиться с немцами. И еще слышал, что Сталин объявил амнистию для всех русских эмигрантов,

которые не воевали с СССРией после 24-го года.

— Ну вот. Вы оказывается, Антон Иванович, даже сидя в этом медвежьем углу, прекрасно обо всем важном информированы. А прибедняетесь. Признаться, мне даже нечего существенного добавить. Разве что кроме некоторой конкретики произошедшего.

— Даже так? Было бы очень любопытно послушать.

— Только у меня просьба, Антон Иванович. Все сказанное только для Ваших ушей. По крайней мере до того момента, когда обо всем будет объявлено официально. Вашего слова будет достаточно.

— Даже не для моей супруги?

— Вы знаете, а давайте пригласим Вашу супругу к нам присоединиться, все сказанное далее будет касаться ее ничуть не в меньшей мере. А вот, что касается всех прочих, хотелось бы обойтись без лишних слухов.

— Хорошо, у Вас есть мое слово, продолжайте. — Эти слова были произнесены после того, как за столом к беседе присоединилась настороженная хозяйка дома. Все же женщины обладают намного более развитой интуицией. Жена Деникина смотрела на Ивана, а сердце зашло в какой-то щемящей тревоге и одновременно надежде. Она уже поняла, что с появлением на их пороге неожиданного незнакомца прежняя жизнь закончена. А вот что принесет с собой новая?

— Дело в том, что источник всех бед фашистов, как и причина безвременной гибели фюрера со товарищи сейчас сидит перед Вами, генерал. И не стоит так удивляться. Понимаю, что звучит невероятно, но я это именно тот тайный союзник Сталина, который положил конец войне с Россией. Дело в том, что я не из этого мира. Я родился в России, только в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году.

— Вы из будущего? — Удивленно переглянувшись с супругой, проговорил генерал.

— Но как такое возможно?

— Не стоит считать меня сумасшедшим, я вполне серьезен и, полагаю, адекватен. Давайте я Вам вкратце поведаю свою историю, а потом Вы зададите мне все интересующие Вас вопросы.

— Хорошо, обязуюсь Вас больше не перебивать.

Рассказ Ивана затянулся на два часа. Его действительно никто не перебивал, лишь Ксения Васильевна иногда зажимала рот ладошкой, сдерживая рвущиеся возгласы в самые драматические моменты истории. Наконец рассказ был окончен, и за столом установилась тягучая тишина. Иван сказал все, что хотел на данный момент, а Деникин все еще не в силах осознать услышанное и тем более поверить в правдивость рассказа, пытался привести мысли в порядок. Он даже с некоторым волнением покосился на дверь дома.

— Если Вы об охранниках беспокоитесь, то не стоит. Они все еще мирно спят, а до смены им еще часа четыре осталось.

— Да уж, молодой человек или даже не знаю, как Вас теперь величать, умеете Вы побаловать старика интересной историей. И знаете, я даже склонен Вам при всей ее невероятности поверить. Такое не выдумать, хоть и сам в некотором смысле литератор. И ведь Вы наверняка можете помимо рассказа представить какие-нибудь доказательства?

— Разумеется. Я так понимаю, что морально к полеты в космос Вы еще не готовы. А хотите, например, прямо сейчас посмотреть на нашу Землю со стороны?

— Это было бы, безусловно интересно.

— Иван достал из кармана небольшую черную коробочку и положил на стол. Почти

сразу же над столом образовалась туманная сфера больше метра в диаметре, заставив отшатнуться обоих супругов Деникиных. Вдруг туман прояснился, и взглядам обалдевших стариков предстало трехмерное изображение планеты, медленно вращающейся вокруг собственной оси. Довольно четко виднелись контуры земных континентов безусловно знакомых любому образованному человеку. Некоторые части планеты поражали множественными деталями, другие скрывались под плотной пеленой облаков.

— Прошу заметить, что это реальное изображение Земли в настоящий момент. Если хотите, можно приблизить изображение и посмотреть, как ваш домик выглядит со стороны.

Изображение мигнуло, поверхность Земли резко придвинулась. Планета уже не помещалась в сферу. Остались лишь контуры Европы, которые, однако, тоже не задержались надолго. Всю сферу заполнила картинка Бискайского залива и изрезанная линия побережья.

— А вот и ваш Мимизан. Так, приблизим еще немного. Вот и Ваш дом. Отлично смотрится. Особенно окружающий его сад. Вон в тех машинах мирно дрыхнут ваши надзиратели. Ого, кажется, к ним проявил нездоровый интерес контролер. Ну ничего, сейчас и он залезет в ближайшую машину и мирно уснет.

И действительно супруги увидели, как человек с явно военной выправкой, хотя и в штатском костюме решительно подошел к одной из стоящих неподалеку от дома машин. Короткий взгляд в окно, решительно открывание двери и исчезновение внутри.

— Все, спит гестаповец. Как вовремя мы его заметили.

— Вы хотите сказать, что это все мы видели происходящее на самом деле прямо сейчас?

— Ну да, я же сразу сказал, что показываю реальную картинку. Да Вы не сомневайтесь, можете выйти за дверь, поглядеть вверх и помахать ручкой. Это Вас убедит?

— Машенька, будь так добра, — позвала Ксения Васильевна дочь, выйди пожалуйста на крыльцо и посмотри на небо. Не забудь помахать рукой, как будто там кто-то есть.

— Мам, ты чего?

— Маш, сделай, потом скажу.

— Ну ладно.

Деникины буквально прилипли к картинке, на которой из дома на самом деле выходит их дочь, задирает голову и... Размашистые движения руками не оставляли никаких сомнений. Уж больно характерное выражение лица Маши показывало в этот момент все, что она думает о сбрендивших родителях.

— Достаточно, а то уже руки устали махать?

— Да, доченька, спасибо. Я тебе потом все объясню.

Молчание за столом было недолгим. Все же Деникин не смотря на возраст был человеком дела. Приняв для себя какое-то решение, он пристально уставился на Ивана, уже свернувшего сферу и убиравшего коробочку обратно в карман.

— Весьма впечатляющая демонстрация, Иван Степанович, но я все же нахожусь в сомнениях, для чего Вам понадобился отставной козы барабанщик? Я уже очень давно отошел от всех дел. Не буду скрывать, что к моему мнению все еще прислушиваются, но не более того.

— Уважаемый Антон Иванович, я рассказал Вам лишь самую историю, но не те планы, которые собираюсь реализовать при Вашей, надеюсь, деятельной поддержке. Я собираюсь, если так можно выразиться, возродить Российскую империю, но на новой территории. Этой территорией будет одна из обнаруженных мной планет в данном секторе галактики,

полностью пригодная для жизни, но не имеющая собственной разумной жизни. И возродить ее я планирую из русских людей. Не буду скрывать, что для меня все русские люди равноценны. Потому большая часть их будет из сегодняшней России. Со Сталиным мы уже достигли полного взаимопонимания по данному вопросу. Но я бы очень не хотел, чтобы огромная масса русских людей, волею судеб оказавшаяся лишенная Родины, осталась вне этого процесса. И в этом плане я очень рассчитываю на Вашу помощь и поддержку. При этом лично Вас я не планирую куда-либо увозить с Земли. Я предлагаю Вам другую работу. Не удивляйтесь, в Москве. С руководством СССР достигнута договоренность об открытии посольства моей империи в столице. И Вам я предлагаю должность полномочного посла. Взамен предлагаю вернуть Вам и Вашей супруге молодость, как и дочери полностью восстановить здоровье и тоже немного омолодить.

— Признайтесь, господин Зорин, Вы все же как-то связаны с Врагом рода человеческого. Только он может соблазнять такими вещами.

— Шутите, Антон Иванович, это уже неплохо. Но, увы, никаких договоров, подписанных кровью, платы бессмертными душами и что там еще полагается по классическим канонам, мне не требуется. Никакой мистики. Вопрос молодости и здоровья это лишь возможности инопланетных технологий. Ложитесь на денек в капсулу и Ваш организм согласно собственному генетическому коду вспоминает, каково это быть молодым и здоровым. Чистая наука, не более того. Уж в науку Вы, надеюсь, верите. А то, что цивилизация Джоре, владевшая некогда несколькими сотнями планет, на века опередила земную науку, разве это удивительно? К тому же конкретно в Вашем случае, если Вы согласитесь с моим предложением, от немедленного омоложения придется отказаться. Иначе никто просто не поверит, что Вы это Вы. Сделаем иначе. Внешне Вы скинете лет десять, этого достаточно, чтобы Вы просто производили впечатление здорового, но вполне узнаваемого человека. При этом все внутренние болячки будут ликвидированы. А затем в течение, скажем, лет десяти постепенно помолодеете до примерно сорокалетнего возраста. Так же поступим и с Вашей дражайшей супругой. Только, учитывая, что она все же женщина, и внешность для нее принципиально важна, ее процесс пройдет быстрее, лет за пять, а внешность остановится на примерно тридцатилетнем возрасте. Позже при желании процедуры можно будет повторить. В любом случае лет сто — сто пятьдесят здоровой полноценной жизни могу Вам гарантировать. Если, конечно, не произойдет трагических случайностей. Секретом бессмертия я не владею. Но мы постараемся вероятность таких случайностей свести к минимуму.

— Нет, все же Вы настоящий Змей-искуситель. А каковыми Вы видите задачи этого посольства?

Наступил момент нового длительного диалога Ивана, в котором он постарался максимально подробно изложить свое видение перспектив как собственной новой империи, так и продолжающего существовать на Земле Советского государства. И какими хочет видеть взаимоотношения между ними. Деникин очень внимательно слушал, несколько раз порывался что-то сказать, но сдерживал себя. Наконец монолог закончился, и старик тут же бросился в атаку.

— Господин Зорин, что касается основ, на которых Вы хотите выстроить новую империю где-то там, особых вопросов у меня нет. Да, несколько непривычно, но все понятно и логично. Особенно с учетом технологий, которыми Вы по рассказам обладаете. Но почему Вы хотите поддержать этот варварский режим Совдепии. Ведь с Вашими возможностями не

должно представлять проблемы уничтожить большевиков и в этой России возродить законную империю?

— Попробую объяснить, Антон Иванович. Вот Вы человек военный. Всю свою жизнь Вы потратили на службу империи. Скажите откровенно, разве Вы не замечали, что страна гниет заживо изнутри и благодаря как раз тем, кто должен был ее охранять от всяких невзгод?

— Вы имеете в виду Его Императорское Величество?

— Не только, далеко не только. Слабая голова на сильном теле это безусловно плохо, но как правило не смертельно. Разве прочие члены императорской фамилии были лучше? А многочисленная придворная свита, если не сказать свора? Аристократия, я в данном случае не имею в виду большую часть офицерского корпуса, честно защищавшего Родину на полях Империалистической. Я имею в виду всех тех, кто только жирел на теле народа и его бедах, ничего не давая взамен. Всех, кто окончательно утратил понимание того, что аристократия, это в первую очередь долг и служба своей стране, а не паразитирование на ней и наслаждение жизнью на балах и приемах. Какой смысл возрождать все то, что и так давно умерло, просто еще об этом не знало? Теперь к тому, что такое в настоящее время СССР или, как Вы выражаетесь, Совдепия. Не знаю, заметили ли Вы или нет, но это уже совершенно иная страна, чем была еще лет десять назад. Фактически это новая империя, возглавляемая сильным, жестким и амбициозным лидером. Но ведь именно такой и только такой тип правителя в Российской истории мог вносить в ее плавную сонную жизнь необходимые изменения, благодаря которым наша с Вами страна все еще существует на картах мира. Да, это всегда шло через обильные кровопускания. Вспомните Ивана Грозного или Петра. Но вспомните и результаты и деятельности. Я могу очень многое рассказать Вам про то, каких успехов добилась советская власть в моем мире спустя двадцать — тридцать лет после окончания величайшей войны в своей истории, стоившей ей двадцати-тридцати миллионов граждан. Да, я имею в виду ту самую войну, которая для немцев только что так бесславно закончилась. У нас она длилась почти четыре года и закончилась в Берлине полным разгромом фашизма. И СССР имел все шансы стать величайшей страной в мире, если бы не предательство. Практически аналогичное тому, какое совершила российская аристократия в семнадцатом. И то предательство тоже совершила по сути новая аристократия, советско-партийная бюрократия. А народ, Вы бы гордились таким народом Антон Иванович. Менее чем через двадцать лет после войны советский человек первым в мире поднялся в космос. И это без какой-либо инопланетной помощи. СССР стал полноценным лидером во многих областях науки и техники. На Луне, Венере и Марсе остались следы наших космических автоматических аппаратов. И все это происходило в рамках жесточайшей вражды с Западом. Слава богу “холодной”, без военных действий. Хотя и таковые случались во множестве на периферии, в третьих странах. И это противостояние СССР имел все шансы выиграть. Если бы не то самое предательство. Новому барству отчаянно захотелось конвертировать свою власть в материальную собственность.

Вы прекрасно образованный человек, Антон Иванович. Вы должны знать, что в жестких условиях российской действительности страна может процветать только за счет коллективизма. Когда все слои общества и даже индивидуальные таланты отдельных его членов работают на благо страны. И тот строй, что установился в СССР прекрасно подходит для именно такого развития. На сегодня Сталин в том числе и с моей помощью прекрасно осведомлен как о многочисленных собственных ошибках, так и о предательстве его

преемников. Уверен, у него есть все шансы не допустить такого развития событий. Но определенная часть общества всегда эгоистична настолько, что готова плевать на интересы страны ради собственного блага. И еще больше тех, кто не хочет вреда для страны, но отчаянно желает индивидуальной самореализации, которая далеко не всегда возможна в жестко формализованном коллективистском обществе. Социальное государство всегда в принципе ориентировано на перераспределение благ от лучших к худшим. И далеко не все готовы это принимать и мириться с таким порядком вещей. В итоге внутренний конфликт приводит либо к деградации личности, либо к эмиграции. Заведомо асоциальные эгоисты не нужны ни Сталину, ни нам, хоть при правильной обработке и мотивации их этих людей могут получиться отличные агенты влияния на Западе. А вот что касается остальных, то это наши потенциальные граждане. И задача посольства будет в том числе и в привлечении этих людей на службу империи. В итоге мы получим гармоничное сочетание коллективистского общества на территории нынешнего СССР и умеренно индивидуалистического в империи. А вместе они составят целостную и взаимодополняющую Россию на межзвездном пространстве. Я не обещаю Вам легкой жизни и всегда полного взаимопонимания со Сталиным. Но и вражды не жду. Кстати, я уполномочен передать Вам его личное послание. Держите. Содержания этого послания я не знаю, мы лишь обсуждали Вашу кандидатуру на должность посла, и Сталин дал свое согласие, хотя и не сразу.

Деникин в глубокой задумчивости взял письмо и, извинившись, тут же стал его внимательно читать. Потом молча протянул своей жене.

— И все же, Иван Степанович, при всех фантастических обещаниях и перспективах, это слишком неожиданное предложение. Мне нужно время подумать и посоветоваться со своей семьей.

— Надеюсь, недели Вам будет достаточно. Держите, это аппарат, по которому Вы легко со мной свяжетесь. Достаточно нажать вот эту кнопку. А сейчас разрешите откланяться. Очень рассчитываю на Ваше согласие.

День 21 июля в Москве выдался солнечным и жарким. Уже за час до назначенного времени парада все трибуны для почетных гостей были переполнены. Слухи, бродившие по Москве, да и по всему остальному миру обещали какое-то необычное зрелище. Тем более, что даже застывшие в строгом строю батальоны всех родов войск, вызывали непрекращающийся гул тысяч голосов. Новенькая парадная форма с погонами на плечах поражала своей непривычной эстетикой и гармонией. И одновременно строгостью. Пропали традиционные галифе, головы даже простых бойцов, точнее уже солдат, венчали не пилотки, а настоящие фуражки наподобие командирских. Новоявленные офицеры, украшенные орденами и медалями, застывшие перед строем, заставляли вспоминать своих давних предшественников. Тем более, что у некоторых рядом с советскими наградами на груди гордо висели старые имперские кресты Святого Георгия. Больше всего пересудов вызывала стоящая на краю строя отдельная колонна, сплошь составленная из офицеров. но каких? Все, стоящие в этом строю были одеты в настоящую форму царской армии. На их лицах застыло сложное выражение, отражавшее одновременно удивление, гордость, и огромную радость от того, что они с оружием в руках стоят на главной площади древней столицы своей Родины, на что ни один из них уже даже и не надеялся. Знатоки шептались, что этот строй был составлен из белогвардейских эмигрантов, которые после нападения Гитлера на СССР вступили с немцами в решительную борьбу на территории тех стран, где проживали. Но каким образом они оказались на территории СССР, никто не имел ни малейшего понятия. Их собирал сам Иван по всей Европе, имея на руках личные послания генерала Деникина к каждому. И сейчас в строю стояли одни их первых граждан его империи.

Но все это были мелочи по сравнению с тем шоком, что вызвало появление на трибуне Мавзолея группы советских руководителей во главе со Сталиным. Рядом со Сталиным стоял не кто-то из его ближайших соратников, они тоже присутствовали, но расположились чуть дальше. А по правую сторону от Вождя стояло двое людей, одетых в явно военную форму, но аналогов которой не было ни в одной стране мира. И одним из этих людей был никто иной, как Антон Иванович Деникин, бывший генерал царской армии, бывший Верховный главнокомандующий вооруженными силами Юга России. Бывший главный враг молодого советского государства. Это что же творится такое в мире, люди добрые? Гул на трибунах возрос на недосягаемую высоту, люди изо всех сил тянули головы, пытались рассмотреть подробности происходящего на трибуне. И безостановочно щелкали фотоаппаратами многочисленные корреспонденты всех ведущих мировых изданий. Из одних США таковых прибыло два полностью набитых самолета.

Парад. Батальон за батальоном проходят, печатая шаг, ветераны недавних битв с фашистами с фашистскими захватчиками. А над Красной площадью звенит от напряжения знаменитый голос Левитана, отмечающих боевые заслуги идущих героев.

“Перед Вами в слитном строю под командованием Героев Советского Союза майора Гаврилова и полкового комиссара Фоминых проходит сводный батальон защитников Брестской крепости. В неравном бою против многих тысяч фашистских оккупантов, осыпаемые градом пуль, снарядов и бомб, с первых минут нашествия и в течение долгих шести дней они, истекая кровью, без еды и воды, с жесточайшей нехваткой медикаментов и боеприпасов, когда многие их товарищи уже погибли или сдались, они удерживали

Восточный фронт. Гибли но не сдавались. И они выжили и победили. Слава героям, товарищи”.

И площадь буквально ревела, откликаясь на представление очередных героев-победителей якобы непобедимого Рейха, так и не ставшего тысячелетним. Когда Левитан, комментируя проход отдельной эмигрантской колонны, описывал заслуги русских офицеров против фашистов в боях во Франции, Бельгии, Голландии, Югославии и Италии, площадь сначала настороженно замерла в молчании, но затем буквально взорвалась овациями, приветствуя людей, которые вопреки любым идеологическим разногласиям сумели сохранить верность своей Родине в дни нависшей над ней внешней угрозы.

А гром чеканных шагов пешего строя уже сменял гул проходящей военной техники. Проезжали грузовики с мотопехотой, трактора, тянущие пушки и гаубицы, их сменяли успевшие стать знаменитыми танки Т-34 и КВ. Следом за бронетехникой над Красной площадью на бреющем полете проносятся истребители, штурмовики и бомбардировщики советской авиации.

Но вот их пролет закончен. Десяток секунд тишины на площади и вновь голос Левитана летит над трибунами.

“А сейчас в параде примет участие боевая союзная техника, благодаря которой во многом отражение угрозы со стороны Германии оказалось столь быстрым и решительным”.

На площадь дружными двумя рядами выкатываются черные трехметровые шары, который вдруг под дружный многотысячный возглас удивления раскрываются, превращаясь в некое подобие страшных гигантских насекомых, сжимающих в руках неведомое оружие. И от этого грозного завораживающего зрелища веяло такой чуждостью, что люди буквально затаили дух. Лишь наиболее профессиональные корреспонденты быстро защелкали затворами фотоаппаратов и застрекотали камерами, стремясь не упустить ни единой детали этого невиданного зрелища.

“Перед Вами грозные боевые машины, которые всего в составе десяти единиц смогли полностью уничтожить части сразу двух гитлеровских танковых дивизий и помогли советским частям освободить захваченный врагом город Острог”, - снова гремит из наушников Левитан.

Не успел пройти шок от увиденных монстров, как над Красной площадью неспешно, как на замедленной съемке появляются невообразимые летательные аппараты. Их черный цвет, непривычные формы, да и сам принцип полета завораживают. Торчащие во все стороны орудия турелей, отдаленно смахивающие формой на корабельные орудийные башни, недвусмысленно говорят о военном характере проплывающих аппаратов. И еще больше шокируют крупные яркие эмблемы на их бортах, вызывающие оторопь несовместимостью своих деталей.

“Именно данным летательным аппаратам фашисты обязаны потерей передовых частей сразу двух танковых групп под Минском. Благодаря их своевременному вмешательству советским частям удалось предотвратить захват и уничтожение столицы Советской Белоруссии — города-героя Минска”. Только уверенный голос Левитана в эти мгновения примиряет собравшиеся тысячи людей с фантастической картинкой перед глазами. И во всех этих глазах всего один вопрос: “Кто этот непонятный, но столь грозный союзник”. В эти минуты изо всех людей, присутствующих на Параде, лишь Сталин, Берия и Иван взирали на все относительно спокойно. Вождь, пряча довольную улыбку в знаменитые усы, более внимательно рассматривал не технику, а стоящих на трибуне откровенно шокированных

руководителей партии, государства и армии. Даже те, кто в тот памятный день находился на совещании в Наркомате обороны, были до мокрых подштанников впечатлены увиденной мощью. Даже присутствие на трибуне рядом со Сталиным Деникина, еще вчера невозможное даже в ночных кошмарах, производило на порядок меньшее впечатление. То один, то другой пытался хоть что-то выяснить у Берии, но тот только отмахивался, шепотом объясняя, что всю информацию страждущие товарищи получают сегодня же на приеме в Кремле. И перемигивающиеся удивленными донельзя и непонимающими взглядами советские руководители и военачальники резко обострившимся чутьем ощущали: “Грянет гром”.

И гром грянул.

Сообщение об установлении контакте с инопланетной цивилизацией, да еще и немедленно вмешавшейся во внутриземные разборки на одной из сторон, это был шок. Еще большим шоком стало то, что императором инопланетян оказался землянин. И не просто землянин. Надо же было такому случиться, что он еще и проклятый русский. Как же разорвались все мировые СМИ после того, как этот незванный император наглым образом заявил, что земные дела его не интересуют в принципе, никакие технологии переданы кому-либо не будут, а территория СССР закрывается для любой агрессии извне. И безопасности страны гарантируется всей мощью империи. А то, что это отнюдь не просто слова, насвоей шкуре не так давно испытали немцы. Со всеми прочими странами империя напрочь отказалась иметь какие-либо отношения. СМИ долго и упорно пережевывали, брызжа негодованием, слова императора о том, что нецивилизованные страны, не способные построить на своей территории справедливое равноправное общество, являются дикарями. А с дикарями говорить не о чем. Но это было бы полбеды. Самое ужасное, что теперь миллиарды людей на планете увидели для себя перспективы. Как и те, кто считал себя тайными владыками планеты, вдруг осознали всю никчемность своих притязаний. Мир, да еще обитаемый на практике оказался куда больше, чем родная планета. А уж как забавлялся в эти дни Сталин, вдруг и сразу став главным человеком планеты и единственным партнером инопланетного гостя. Не успела утихнуть первая волна споров и негодований, как из Москвы пришла еще одна новость, шок от которой был едва ли не больше. Империя оказалась способной излечивать практически любые заболевания, включая отращивание потерянных конечностей. А плюс к абсолютному здоровью прилагалось и существенное омоложение организма тем, кому это требовалось. И слухи очень быстро превратились в факты. В Москве началась массовая компания по полному излечению инвалидов, утративших здоровье и целостность организмов либо на фронтах войн, включая Империалистическую, либо на производстве, работая на государственные нужды. Хотя в последнем случае немаловажным фактором становились обстоятельства, при которых было утрачено здоровье. Алкоголиков никто лечить не собирался. Но самое страшное, что правом даже подачи прошения на излечение обладали лишь граждане СССР и эмигранты из Российской империи, не принявшие никакого иного подданства. Единственное исключение было сделано для действующего президента США Франклина Рузвельта в благодарность за его отношение к молодому советскому государству и поддержку в борьбе против фашизма, даже при том, что многие из американских компаний фактически хоть и тайно финансировали гитлеровскую агрессию. Приглашение было официально передано через посольство США в Москве и подписано одновременно Сталиным и Иваном. Лечение также должно было состояться именно в Москве. Разумеется, ни Сталин, ни Иван всерьез дружеские чувства Рузвельта к СССР не воспринимали. Но второй помнил, а первый узнал что именно после смерти Рузвельта в США стали преобладать антисоветские настроения во внешней политике и преследование местных коммунистов во внутренней. Приглашением на лечение Рузвельта эти процессы как минимум тормозились, а общество существенно раскалывалось. Трудно открыто агитировать против страны, только что оказавшую бескорыстную помощь лидеру собственного государства. А Рузвельт в США был очень

популярным человеком и президентом.

Как-то фантастически быстро и совершенно незаметно в Москве вырос целый комплекс зданий посольства Звездной Новоросской Империи, под именем которой землянам стали известны пришельцы. Он был построен всего за месяц, что явилось еще одной наглядной демонстрацией могущества имперских технологий. Под посольство был выделен участок земли на Северо-Западе столицы в пойме Москва-реки напротив Мневников. Эти земли давно пустовали по причине их регулярного затопления во время разлива. И то, каким образом имперская техника справилась с проблемой, восхищало советских строителей. Но еще больше поражались архитекторы, взирая на фантастической красоты ансамбль зданий, устремленных в небо. Ажурные конструкции, казалось, парили в воздухе, а шпили, регулярно скрывающиеся низко летящими облаками, звали с собой в космос.

Несмотря на то, что все успешные кандидаты в граждане империи, прошедшие отбор, больше на поверхности земли не появлялись, энтузиазм желающих присоединиться к освоению нового мира нисколько не уменьшался, скорее бурными темпами нарастал. Дело дошло до того, что ведомству Лаврентия Павловича пришлось активно вмешаться в процесс.

Деникин довольно быстро освоился в роли имперского посла и что куда намного более странно нашел общий язык со Сталиным. И теперь от общения оба получали огромное удовольствие. Деникин увидел в Сталине человека, всерьез посвятившего свою жизнь строительству и укреплению новой российской империи. А уж какой у нее цвет, белый или красный, дело далеко не первостепенной важности. Немалую роль в столь резкой смене своей позиции сам Антон Иванович относил за счет того, что смог наконец собственными глазами посмотреть как меняется к лучшему жизнь простых людей. Да и пообщался с ними немало. И это новое знание существенно отличалось от картинки, сложенной по газетным статьям европейских СМИ. Что касается Сталина, то он был бесконечно рад появлению собеседника, тем более критически настроенного, который от него самого не зависел и его не боялся. А самое главное, этот человек никоим образом не претендовал на власть. Его власть.

Настало время прощания. В этот раз Иван находился в кабинете Сталина в одиночку. Все договоренности достигнуты, официальные договора подписаны. Более трехсот тысяч неофитов империи в данный момент проходили излечение, а по большей части уже и обучение в капсулах станции и “Ковчега”. Колосс, искин одноименной станции, за это время тоже успел сделать немало. Полностью разведана поверхность планеты, призванной стать будущей столицей империи. Планеты Рось. Автоматическими исследовательскими комплексами полностью изучены ее флора и фауна. Строительные комплексы под управлением мощных искинов приступили к строительству городов и поселков. А в космосе уже трудились шахтеры-дройды, создавая запас требуемых ресурсов. Все было подготовлено к приему переселенцев и обеспечению их всем необходимым на первое время.

Сталин с легкой грустью смотрел на Ивана. За несколько месяцев знакомства он уже успел привыкнуть к его постоянному присутствию и неумному характеру, рождавшему все новые и новые предложения, иногда пахнущие авантюризмом. В его голове крутилась мысль, что свою жизнь он прожил уже не зря, раз среди потомков встречаются такие люди. А все, что ему осталось, он обязательно употребит на то, чтобы таковых было большинство. И тогда Россию, как про себя он все чаще называл страну, которой руководил, ждет величайшее будущее. И пройдет гораздо меньше времени, чем прогнозирует Зорин, когда советские космонавты доберутся до оставленного на Луне наследия предков и смогут встать полноценно вровень с империей. А уж тогда держись не только Земля, но и Содружество. Похожие мысли обуревали и Ивана. Он так и не смог до конца изжить сомнения в том, что сидящий перед ним вождь советского народа, его безусловный лидер и кумир, сможет справиться с обуреваемым его зачастую властолюбием и провести государственный корабль сквозь все рифы опасностей и соблазнов. Но очень надеялся. Он со своей стороны сделал все, что мог. Ну а если нет, то всегда можно будет нанести повторный визит вежливости, поправив ситуацию в нужное русло. Благо информация о происходящем на Земле будет поступать к нему регулярно. Для себя Иван давно решил, что не оставит земную Россию ни при каком случае. Но шанс Сталину он даст, обязан дать, хотя бы для того, что бы никогда впредь не задаваться вопросами, которые в свое время мучили множество его современников. А что было бы если...?

Два самых могущественных человека на планете смотрели друг на друга и молчали. Все слова были сказаны. Остались только последние: “До встречи!”. А в то, что она состоится, не сомневался ни один из них. И если все пойдет как задумано, то когда-нибудь в галактике снова воцарится единая могучая империя. Империя достойная прародителей человечества — Сеятелей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net